

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
Кафедра политологии

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**
Сборник статей

Бишкек 2014

УДК
А

Рекомендовано к изданию РИСО КРСУ
УМО международного факультета

Ответственный редактор
И.В. Халанский

А АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.
Бишкек: КРСУ, 2014. 314 с.

ISBN

В данном сборнике представлены статьи, раскрывающие особенности мировых политических процессов на современном этапе. В работах преподавателей и магистрантов кафедры политологии раскрываются особенности парламентаризма и избирательной системы, межэтнических и религиозных отношений, политической культуры и социализации молодежи в транзитных обществах. Широкое освещение получили вопросы войны и мира, регионального сотрудничества в области международной безопасности.

Издание представляет интерес для студентов высших учебных заведений, специалистов и всех тех, кто интересуется вопросами политологии

© ГОУВПО КРСУ, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Акматалиева А.М.</i> Парламентская демократия в Грузии и Кыргызстане после «цветных революций»	8
<i>Артыкбаева А.А.</i> Демократия и социальное неравенство	32
<i>Баратова А.Т.</i> Сравнительный анализ подходов к конструированию национальных идеологий: проблемные вопросы Кыргызстана и опыт Узбекистана.....	39
<i>Бектурганова Б.К.</i> Социальная маргинальность как характеристика стратификационных сдвигов в Кыргызстане в условиях рыночных отношений	50
<i>Борубаева Б.</i> Формирование этнических стереотипов и фактор влияния сми на межэтнические конфликты	58
<i>Вейцель Д.</i> Экономика Кыргызстана: проблемы и пути решения.....	71
<i>Гарбузарова Е.Г.</i> Политика России в Центральной Азии: системный подход.....	85
<i>Дононбаев А.Д.</i> О характере действия закономерностей международных отношений.....	95
<i>Дононбаев А.Д.</i> Геополитическая концепция «Теңир – правитель» в тюркских и китайских источниках	111
<i>Дононбаев А.Д.</i> О политической культуре международных отношений Древнего Китая (страатагемность мышления)	134

Зарецкая Д. Политическая реклама в избирательном процессе Кыргызской Республики: состояние и перспективы развития	153
Кутнаева Н.А. Безъядерные зоны как один из инструментов международного режима нераспространения ядерного оружия	159
Казакпаев М.С. Перспективы развития политической конфликтологии	169
Макаров А.В. Особенности политической социализации в транзитном обществе	175
Макаров А.В. Политическая глобализация и ее последствия	187
Миясаров И. Перспективы кыргызско-узбекских отношений	202
Мусуралиева А. Кыргызско-турецкое сотрудничество на современном этапе	214
Мураталиева Н. Гуманитарное сотрудничество как основание интеграции ОДКБ	223
Омуралиев Т.Б. Пути оптимизации политических механизмов в обеспечении национальной безопасности Кыргызстана	228
Токмергенова А.Т. Погранично-территориальные проблемы Кыргызстана	236
Солтоева А. Строительство железной дороги Кыргызстан – Китай – Узбекистан: плюсы и минусы	245
Таткало Н.С. Система оплаты труда как фактор роста рабочей продуктивности госслужащих: мировой опыт и особенности Кыргызстана	254

<i>Халанский И.В.</i> О тенденциях региональной системы международной безопасности в современных условиях	266
<i>Халанский И.В.</i> Современные парадигмы обеспечения международной безопасности	281
<i>Эгембердиева А.Н.</i> Модель политической модернизации Кыргызстана: генезис и перспективы	304
ДЛЯ ЗАМЕТОК.....	313

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленный сборник научных статей профессорско-преподавательского состава, аспирантов и магистрантов кафедры политологии КРСУ посвящен широкому спектру проблем, касающихся политического и социально-экономического развития центральноазиатских стран.

Национальные интересы современных центральноазиатских стран в международной сфере заключаются в обеспечении суверенитета, упрочении собственных позиций как значимых центров многополярного мира, в развитии равноправных и взаимовыгодных отношений со всеми странами и интеграционными объединениями, прежде всего – с государствами-участниками СНГ. Содружество, к сожалению, так и не стало геополитическим объединением с общим этнополитическим и военно-стратегическим пространством. Более того, в последнее время возникла реальная угроза отхода ряда государств от принципов интеграции, наблюдается явное снижение того потенциала сотрудничества, который был накоплен в прежние годы.

Росту стратегической нестабильности на центральноазиатском и евразийском пространствах способствуют разнообразные процессы и явления.

В политической сфере существенное негативное влияние оказывает самовластие правящих элит, подчас несовместимое с принципами управляемости государств. Отмечается опасное усиление зависимости стран от зачастую некомпетентных решений, принимаемых узкой группой политиков, ангажированных клановыми мафиозно-экономическими структурами.

Наращению напряженности способствует катастрофическое снижение духовности, культуры и интеллектуального потенциала, выражающееся в гипертрофированных изменениях в системе ценностей, когда материальное и личное определяет мировоззрение и образ действий властей всех уровней и нации в целом. Это

дезинтегрирует общество из-за усиливающегося имущественного расслоения и утраты общенациональных идеалов и ориентиров.

Сохраняется угроза территориальной целостности ряда стран в силу активной деятельности представителей политического сепаратизма, опирающегося на внешнюю поддержку и местные финансово-экономические кланы, преследующие свои корыстные интересы.

В экономической сфере продолжается системный кризис вследствие приверженности деструктивной либерально-рыночной модели при отсутствии целостной и обоснованной политики властей в этой области, стратегия которых ориентирована на модели, чуждые евразийскому архетипу. В информационной сфере имеет место доминирование бездуховного содержания иного цивилизационного стандарта.

Особое место в сборнике уделено отношениям с Российской Федерацией, так как где бы на пространстве СНГ ни возникало вооруженное противостояние, оно обязательно затрагивает российские интересы. Во-первых, потому, что Россия тесно связана с остальными странами Содружества и любой конфликт ставит ее перед сложным выбором. Во-вторых, государства СНГ связывают конкретные обязательства в рамках как Договора о коллективной безопасности, так и других многосторонних и двусторонних соглашений, поэтому разрешение любого противостояния на постсоветском пространстве не обходится без активного участия Москвы и учета ее позиции. В-третьих, любой вооруженный конфликт, возникающий в пределах границ Содружества, неизбежно создает военные угрозы России.

Материал сборника ориентирован как на экспертов в области международных отношений, так и на широкий круг читателей, проявляющих интерес к вышеперечисленным проблемам.

И.В. Халанский

А.М. Акматалиева
канд. полит. наук,
доцент кафедры политологии КРСУ

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ГРУЗИИ И КЫРГЫЗСТАНЕ ПОСЛЕ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»

Грузия и Кыргызстан – государства с различными социокультурными и экономическими традициями, выбравшие почти одинаковый путь построения первых парламентских демократий на постсоветском пространстве. Общие сведения по этим государствам показывают отличия в таких показателях, как численность населения и степень урбанизации – в Грузии население составляет 4 570 934 (на 2012 год), в Кыргызстане – 5 362 793 (перепись населения 2009 год); проживают в городах 53 % граждан Грузии (2010), а в Кыргызстане – только 35 % (2009). Экономические показатели дают еще больше различий: ВВП на душу населения в 2012 году в Грузии составило 5900 долларов, в Кыргызстане – 2400, за чертой бедности проживают 9,7 % грузин, кыргызстанцев – 33,7%¹. Тем не менее, есть и общие черты: занятость основной части населения в сельскохозяйственной сфере в Грузии – 55,6 %, в Кыргызстане – 48 % (2012); в обеих республиках государствообразующий этнос составляет большинство: грузины – 83,8 % (2002), кыргызы – 70,9 % (2009)². Грузия часто представляется в кыргызстанских СМИ в качестве успешного примера проведения экономических реформ, принятия антикоррупционной политики, осуществления реформирования полиции и образовательного сектора. Грузия сделала серьезный шаг вперед после «революции роз» 2003 года, поднявшись, согласно ин-

---

¹ CIA World FactBook.

² 2009 census results in Kyrgyzstan. <http://www.stat.kg/s>

дексу восприятия коррупции (СРІ) Трансперенси Интернешнл, со 133 места в 2004 году¹ на 51 место среди 176 государств в 2012 году, в то время как за аналогичный период Кыргызстан опустился со 122 на 154 место². В 2005 году оба государства находились на 130 месте СРІ с впечатляющими результатами Грузии и все ухудшающейся позицией Кыргызстана.

Некоторые в Кыргызстане используют слово «грузинификация» политических реформ³, обозначая степень популярности грузинского опыта. М. Саакашвили был единственным президентом, принявшим участие в инаугурации А. Атамбаева в 2011 году, на первой церемонии мирной передачи власти в Центральноазиатском регионе. Грузинский президент после официальной церемонии выступил с речью о реформах в Американском университете Центральной Азии, рассказав о том, как молодое поколение может обеспечить достойное будущее. После смены режима в Кыргызстане в 2010 году взаимный интерес двух республик значительно усилился, сопровождаясь постоянными встречами на высшем уровне и популяризацией грузинских реформ в кыргызстанских СМИ. Некоторые объясняют такой интерес дружескими отношениями между лидерами революций Р. Отунбаевой и М. Саакашвили, знакомых еще до того, как они пришли к власти. Р. Отунбаева возглавляла представительство СССР в ЮНЕСКО, продвигаемая экс-министром иностранных дел СССР Э. Шеварнадзе в 1980-х годах. Работала Специальным представителем Генсека ООН в Грузии по урегулированию грузино-осетинского конфликта 2002–2003 годов⁴. Без преувеличения значения дружеских отношений лидеров цветных революций, мы должны признать, что отношения между Грузией и Кыргызстаном стали более интенсивными после 2010 года. В основном сотрудниче-

---

¹ СРІ 2004. <http://archive.transparency.org/>

² СРІ 2012. <http://www.transparency.org/cpi2012/results>

³ *Илларионович И.* Границификация Кыргызстана: «химические реакции» или геополитическая мешанина? <http://polit.kg/conference/3/113>

⁴ *Акаев А.* Розу Отумбаеву я вырастил как политика. <http://www.nvspb.ru/tops/askar-akaev-rozu-otunbaevu-ya-vyrastil-kak-politika-43121>

ство сложилось в области дипломатического и политического обмена опытом с предполагаемым ростом товарооборота с 1,4 млн долларов до более высоких показателей (2012)¹.

Восемнадцатого апреля 2010 года М. Саакашвили в телефонном разговоре с Р. Отунбаевой предложил поддержку и получил благодарность за отправленную гуманитарную помощь². Грузинская организация Georgian Policy and Management Consulting Group (PMCG) во главе с А. Алексишвили, экс-министром экономики Грузии (2004–2005) и экс-министром финансов (2005–2007), оказывала консультативную помощь Временному правительству КР³. Эта организация при поддержке ЮСАИД осуществляла несколько проектов в Грузии по общественной политике, местному самоуправлению, институциональному развитию парламента и экономическим реформам. До 2010 года (в марте–июле 2009) PMCG в Кыргызстане осуществила (также при финансировании ЮСАИД) проект по развитию бизнес-среды⁴. Однако консультативная работа Временному правительству по макроэкономическим реформам и антикоррупционным программам была воспринята некоторыми в Кыргызстане и России в качестве попытки США сделать новое руководство республики проамерикански настроенным, посредством привлечения грузинских организаций и финансирования их работы.

Двадцать первого сентября 2011 года, в ходе сентябрьского саммита ООН в Нью-Йорке, М. Саакашвили и Р. Отунбаева обсудили политические процессы в двух республиках, согласившись с необходимостью дальнейших реформ и расширения программ по обмену для молодежи⁵. Парламентарии кыргызского Жогорку

---

¹ Foreign trade of the Kyrgyz Republic 2006–2010. <http://www.streampress.com/news/business/item/689-georgia-wants-to-increase-trade-turnover-with-kyrgyzstan>

² Телефонный разговор М. Саакашвили и Р. Отунбаевой. <http://www.apsny.ge/2010/pol/1271616578.php>

³ <http://www.paruskg.info/2010/05/23/25111>

⁴ http://www.pmcg-i.com/index.php?option=com_content&iew=55

⁵ Роза Отунбаева и Михаил Саакашвили договорились в Нью-Йорке создать «систему обмена молодежью». <http://www.centrasia.ru/news>

Кенеша несколько раз посещали Тбилиси для изучения грузинского опыта. В 2011 году была создана Кыргызско-Грузинская торгово-экономическая межправительственная комиссия для увеличения товарооборота и двухстороннего сотрудничества. Д. Мумладзе, Чрезвычайный и Полномочный Посол Грузии в Казахстане и Кыргызстане, в октябре 2012 года объявил о решении создать зону свободной торговли и исключении двойного налогообложения между Грузией и Кыргызстаном¹. Данная инициатива не получила поддержки уже в Комитете по международным отношениям Жогорку Кенеша в июне 2012 года. Комментаторы объясняют это существующими обязательствами Кыргызстана перед СНГ, членом которого Грузия не является. С начала 2012 года в обществе активно обсуждался вопрос о вступлении Кыргызстана в Таможенный союз, что также способствовало нежеланию парламентариев, находящихся под воздействием пророссийского лобби и проказахстански бизнесориентированных депутатов, поддержать грузино-кыргызскую зону свободной торговли. Тбилиси открывает консульское представительство в Бишкеке (до этого существовало только посольство в Астане). Как видим, дипломатические связи и встречи на высоких уровнях между политиками и расширение молодежных программ имеют место быть. М. Саакашвили сказал: «Недавно какой-то бедный парень наскочил на меня перед отелем, где я остановился в Москве, выкрикивая, что он лидер кыргызской оппозиции и кыргызский Саакашвили»².

Цветные революции и контекст изменений

Грузию и Кыргызстан очень часто называют «лабораторией демократии» или «островком демократии», одна страна – на Кавказе, другая – в Центральной Азии. Частично причиной этому служат демократические обещания Э. Шеварнадзе и А. Акаева в 90-е годы не только своим гражданам, но и международному сообществу, так и не реализовавшиеся в условиях политической

---

¹ <http://www.24kg.org/economics/139392-kyrgyzstan-i-gruziya-gotovyatsya-podpisat.html>

² The Rose Revolution in the Republic of Georgia 2003. Interview with M. Saakashvili // Enough! New York, 2005. P. 26.

и экономической либерализации с ухудшающимися социально-экономическими условиями. Иностранные акторы, руководимые парадигмой транзита, обеспечивали инвестиции и поддержку целям демократизации через различные программы. США является крупным иностранным донором для Грузии: с момента обретения независимости (с 1992 по 2010 годы) Тбилиси получил в целом 3,37 млрд долларов по всем программам¹, став вторым после Израиля государством-реципиентом американской помощи. Кыргызстан за аналогичный период получил 1,22 млрд долларов, являясь третьим в списке получения донорского финансирования США среди постсоветских государств². Среди всех программ, на наш взгляд, именно образовательные проекты являются наиболее успешными в качестве долгосрочных инвестиций, возвращающих новые элиты, готовых на долгосрочные перемены. Эти программы также формируют активные группы гражданского общества, обуславливающие среду для изменений, что в целом можно определить, как процесс формирования предпочтений. Дж. Най пишет: «Сорок шесть действующих и сто шестьдесят пять бывших глав правительств и государств являются результатами высшего образования США»³. Лидеры рассматриваемых цветных революций не являются исключением из этого тренда: М. Саакашвили обучался по программе Edmund Muskie в Колумбийской школе права и в Международном институте по правам человека в Страсбурге; Р. Отунбаева большую часть своей рабочей жизни провела на Западе; Э. Байсалов, экс-глава влиятельной НПО «Коалиция за демократию и гражданское общество», являющийся выпускником АУЦА и участником американской программы по обмену студентами 1994–1995 годов, играл важную роль в двух кыргызских революциях. Э. Шеварнадзе и А. Акаев использовали иностранные инвестиции для удержания власти, создавая для ино-

---

¹ *Nichol J.* Georgia: Recent Developments and US Interests // CRS Report for Congress. July 13. 2012. <http://www.crs.gov>.

² *Nichol J.* Kyrgyzstan: Recent Developments and US Interests // CRS Report for Congress. October 26. 2012. <http://www.crs.gov>.

³ *Nye J.* The Future of Power. New York, 2011. P. 96.

странных акторов имидж либеральных государств. Они открыли для своих граждан доступ к получению знаний о демократических выборах, гражданском сопротивлении, свободе слова и т.д., предоставив возможность для развития НПО и западных программ, вместе с тем, поддерживая коррумпированный авторитарный режим. Теория М. Липсета о том, что уровень экономического развития напрямую влияет на процессы демократизации, способствуя высокому образовательному уровню и развитию гражданской политической культуры с доминирующей ролью среднего класса, типично ориентированного на демократические ценности, важна для консолидации демократии. Однако интенсивные процессы глобализации создали для Грузии и Кыргызстана возможность использовать иностранную стратегию мягкой политики и экономической помощи больше, чем соседние государства. Это позволило широко использовать образовательный ресурс без создания среднего класса, но для консолидации критического количества граждан, требующих изменений. Образованное молодое поколение, требующее лучшей жизни, и конфликт между невозможностью правящей элиты уменьшить недовольство обычных граждан с большими ожиданиями, обусловили возможность и неизбежность изменений. Таким образом, две переменные сыграли важную роль в процессе «революции роз» и «тюльпановой революции» – социальный и образовательный капитал, служащие системным контекстом политических изменений.

Первая переменная – это доминирующая демографически социально-возрастная группа в обоих государствах: в Грузии между 25–54 годами – 42,1 %, в Кыргызстане – 39 %. Вторая переменная – это высокий уровень грамотности в Грузии – 99,8 % и в Кыргызстане – 99,7 %¹. Демографическая группа населения между 25–54 годами является социально и политически активной частью социума, благодаря своему образовательному потенциалу более ориентированной на либеральные ценности, по сравнению со старшим поколением с советским прошлым.

---

¹ CIA World FactBook info on Kyrgyzstan. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kg.html>

Также необходимо отметить конкуренцию внутри элиты, группы людей, в прошлом работавших вместе, но разобщенными в силу ряда причин, создавших возможность для оппозиции объединиться с краткосрочной задачей свержения власти и взятия реванша. Лидеры цветных революций были экс премьер-министрами и министрами, близкими к режиму Э. Шеварнадзе и А. Акаева, что позволяет последним называть их своими учениками¹. Этот факт также способствовал непопулярности инициативы о люстрации в силу объективного отсутствия государственных служащих, не работавших на Э. Шеварнадзе и А. Акаева. Интересным представляется то, что в дискурсивной практике Грузии подчеркивается: именно управленческий опыт правящей элиты обеспечивает успешность режима М. Саакашвили, в то время как в Кыргызстане многие выражают недоверие опытным кадрам и открыто выражают сомнение относительно их дееспособности внести новшества или изменить систему².

В середине лета 2010 года различные кыргызстанские НПО и общественные активисты инициировали Ордо Кенеш (Совет гражданского общества) с целью продвижения инициативы люстрации ради «очищения» нового режима от политиков, служивших А. Акаеву и К. Бакиеву³, но так и не смогли трансформировать идею в закон. Если в Кыргызстане «охота на ведьм» была объявлена против сторонников предыдущих режимов, то в Грузии эта кампания была направлена против коммунистических лидеров, по аналогии с «бархатными» революциями в Восточной Европе. Закон о люстрации был принят грузинским парламентом 31 мая 2011 года. Он запрещал бывшим работникам спецслужб СССР и коммунистическим лидерам занимать высокие посты в политической системе Грузии, не допускал использование фашистской и советской символики⁴.

---

¹ Акаев А. Розу Отумбаеву я вырастил как политика. <http://www.nvspb.ru/tops/askar-akaev-rozu-otunbaevu-ya-vyrastil-kak-politika-43121>

² Инициаторы законопроекта о люстрации собрали 3000 подписей. <http://www.fergananews.com/news.php?id=16507>

³ Люстрация в Кыргызстане не пройдет. <http://delo.kg/>.

⁴ http://zn.ua/POLITICS/parlament_gruzii_edinoglasno_prinyal_zakon_o_lyustratsii_a_takzhe_zaprete_fashistkoy_i_kommunistich.html

Политическая трансформация, возможная только посредством «революции роз» 2003 года в Грузии и «тюльпановой революции» 2005 и 2010 годов в Кыргызстане, началась после смены режимов. Это явление стало носить общепринятое название «цветные революции», разделив общие и отличительные черты и получив «репертуар ненасильственной, иногда успешной стратегии смены режимов»¹. На тему «цветных революций» было написано множество работ с использованием дихотомии первичности актора или структуры, с парадигмой транзита, работ, основанных на анализе роли элит².

Дж. Витли (J. Wheatley, 2005) выделяет семь факторов, обусловивших успешность «революции роз» в Грузии:

- 1) опытная и мотивированная оппозиция с опытом управления;
- 2) активные и независимые СМИ, освещавшие деятельность оппозиции и недочеты правительства;
- 3) несколько очень активных и политизированных НПО, сыгравших критическую роль в мобилизации граждан против властей;
- 4) определенные международные организации (более заметная роль Фонда Сороса), которые активно поддержали оппозицию прямо или косвенно через содействие деятельности ключевых НПО;
- 5) основные иностранные державы (Россия и США) были нейтральны или были на стороне оппозиции;
- 6) режим Шеварнадзе был крайне непопулярным, потому что не обеспечивал общественные блага для населения;
- 7) правительство либо не располагало силами, либо было не в состоянии проявить волю применить насилие для подавления митингов, набравших оборот после оспариваемых результатов выборов³.

---

¹ *Finkel E., Yiltzhak B.* No More Color! Authoritarian regimes and Color Revolutions in Eurasia // *Democratization*. Vol. 19. № 1. February 12. P. 1–14.

² *Zhrebkin M.* In search of a theoretical approach to the analysis of «Colour revolutions»: Transition studies and discourse theory // *Communist and Post-Communist Studies*. № 42. 2009. Pp. 199–216.

³ *Wheatley J.* Georgia from National Awakening to Rose Revolution: Delayed Transition in the Former Soviet Union. Athaeum Press Ltd, 2005.

Д. Якопович (D. Jakopovich, 2007) указывает на решающую роль финансируемых Западом НПО для грузинской революции, говоря о геополитической ориентации новых элит на Запад¹. Д. Льюис (D. Lewis) , напротив, считает, что «иностранное содействие, и финансируемые Западом НПО, группы гражданского общества играли куда более маргинальную роль в “тюльпановой революции”»². Однако он недооценивает тот факт, что среда для ненасильственной смены власти постепенно создавалась в течение всего периода 90-х годов при поддержке стран Запада, финансировавших деятельность НПО – активных реципиентов иностранных денег и помощи. При этом НПО не были ключевыми акторами или главной движущей силой цветных революций, их роль определена только в качестве фасилитатора³. М. Саакашвили говорит о НПО и молодежных организациях, как о «многочисленных по количеству, но в то же время они не играли особо важной роли, их роль была важна только для устрашения властей. Это все было относительно морали и восстановления нравственности правительства»⁴. Роль Запада как «экспортера революции» достаточно спорна. Безусловно, сложно мобилизовать гражданских активистов против власти какому-либо иностранному актору, если нет на это достаточных условий и, как минимум, недовольных режимом активной группы людей. Сложно говорить и об успешности ненасильственного сопротивления гражданами Грузии и Кыргызстана самостоятельно, без иностранной поддержки. Как указывают в своем исследовании Э. Ченовет (Erica Chenoweth) и Мария Стефан

---

¹ *Jakopovich D.* The 2003 «Rose Revolution» In Georgia: A case-Study in High-Politics and Rank-and-File Execution // *Debatte*. Vol. 15. № 2. August 2007. P. 211–220.

² *Lewis D.* The dynamics of regime change: domestic and international factors in the «Tulip Revolution» // *Central Asian Survey*. Vol. 27. № 3–4, September–December 2008, Pp. 265–277.

³ *Jones S.* The Rose Revolution: A Revolution without Revolutionaries? // *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 19. № 1. March 2006. P. 33–48.

⁴ The Rose Revolution in the Republic of Georgia 2003. Interview with M. Saakashvili // *Enough! New York*, 2005. P. 26.

(Maria Stephan), множество кейс-стади ненасильственных сопротивлений в мире показывают, что «кампании не обязательно имеют выгоду от материальной помощи иностранных государств, но получение относительно малых грантов на приобретение мобильных телефонов, офисной техники (компьютеры, радио, факс-машины) и соответствующей атрибутики (футболки, значки, плакаты и т.д.) для использования активистами ненасильственных акций в целях рекрутирования, могут дать многое»¹. Также некоторые авторы, например, М. Бессингер (M. Bessinger)², выделяют объединенную оппозицию как ключевое условие успешности цветных революций. Напротив, Д. О'Бечин (D. O'Beachain), оспаривая это, указывает на то, что «оппозиционные партии столкнулись со сложностью координации действий, и их лидеры не могли найти компромисс в том, как лучше изменить результаты выборов»³.

В целом, изменения в Грузии и Кыргызстане стали возможны благодаря акторам (оппозиция, НПО, молодежные организации, иностранные акторы) и системному контексту (относительно свободные негосударственные оппозиционные СМИ, относительно крупные государства-реципиенты иностранной помощи, высокие ожидания граждан и неспособность правящих элит удовлетворить их). Авторитарные и коррумпированные режимы, не желающие реальных перемен, но обещающие лучшую жизнь своим гражданам, постепенно начали раздражать население. Лидеры оппозиции были способны временно объединиться вокруг желания свержения власти и мобилизовать население с использованием техники социальных сетей, тактик ненасильственного сопротивления, молодежных организаций (Кмара, Кел-Кел, Бирге) с широким освещением в СМИ и прошлым опытом успеш-

---

¹ *Chenoweth E., Stephan M.* Why civil resistance works: the strategic logic of nonviolent conflict. Columbia University Press. 2011. P. 223.

² *Bessinger M.* Structure and example of Modular Political Phenomena: The Diffusion of Buldoze/Rose/Orange/Tulip Revolutions // *Perspectives on Politics*. Vol. 5. № 2. 2007. P. 259–276.

³ *Beachain D.* Roses and Tulips: Dynamics of Regime Change in Georgia and Kyrgyzstan // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 25. № 2–3. June–September 2009. P. 199–226.

ности сербской «бульдозерной» революции. Массовые протесты оппозиции против результатов парламентских выборов стали основным фактором восстания против авторитарных режимов Э. Шеварнадзе и А. Акаева – от протестов против результатов парламентских выборов они переросли в лозунги против президентской власти. Президенты уже до парламентских выборов проигрывали информационную войну оппозиции, и их нежелание признать спорность результатов выборов способствовало эскалации напряженной ситуации, которая в конечном итоге привела к их свержению. В Грузии народ оказался в состоянии предотвратить провокации вооруженного конфликта, протесты продолжались мирно в течение трех недель. Международное давление на Э. Шеварнадзе с целью отказа от насильственного сценария удержания власти стало важным фактором в пользу оппозиции. Девятого ноября 2003 года в центре Зугдиди, как говорит М. Саакашвили, «вооруженные в масках люди стреляли в нас, и народ остановил их, сорвав с них маски. Три человека были ранены, двое из них получили ранение в грудь, так что это было довольно драматически»¹. В Кыргызстане лидеры оппозиции, обеспечившие прибытие сельских жителей в Бишкек как главных протестующих, не смогли взять контроль и остановить маршдерства в 2005 году и смерть 87 человек в 2010. В Грузии основными протестующими были жители Тбилиси, а в Кыргызстане протесты начались в регионах (Нарын, Жалалабад, Ош) и лишь затем переместились в столицу. В Грузии, по сведениям местных СМИ, перед самыми событиями «растянувшаяся на многие километры кавалькада автомашин направлялась в сторону Тбилиси», однако лидеры оппозиции расценили это как «символический жест». «На автомашинах в Тбилиси прибыли около пяти тысяч человек, не больше», – заявил один из оппозиционеров². Революционный процесс сопровождался схожими процессами деятельности временного правительства с женщинами-президентами (Н. Бур-

---

¹ The Rose Revolution in the Republic of Georgia 2003. Interview with M. Saakashvili // Enough! New York, 2005. P. 26.

² Там же.

джанадзе и Р. Отунбаева), конституционными реформами, ориентированными на парламентскую демократию, референдумом, президентскими и парламентскими выборами.

Изменения, внесенные после «революции роз» и «революции тюльпанов», являются выбором новых правящих элит. В Грузии новая элита во главе с президентом проявила волю к переменам и к власти для оправдания философии реформ. В Кыргызстане после событий 2005 года все конституционные реформы, проводимые новым президентом К. Бакиевым и его близким окружением, были направлены на реставрацию режима, установленного А. Акаевым, тем самым закладывая фундамент для недовольств в 2010 году. Для сравнения: в Украине схожий путь к парламентской революции при В. Ющенко после «оранжевой революции» был прерван приходом к власти пророссийски настроенного президента В. Януковича. Как видно из различных оценок, новые реформы инициируются правящей элитой и являются процессами вертикальной направленности реформ¹.

Мы можем считать, что трансформация политических систем от президентской к полупрезидентской и дискурс о парламентской демократии делает «революцию роз» в Грузии и «тюльпановую революцию» в Кыргызстане политическими революциями нашего времени. Как определяет Дж. Голдстоун (J. Goldstone), «процесс изменения институтов управления и принципов, на которых основывается деятельность правительства <...> изменения мотивированы убеждением, что принципы, на которых они основаны, являются неэффективными и несправедливыми»². Безусловно, дизайн институциональной модели должен быть проверен временем, и сама институциональная адаптация для системных изменений требует времени.

---

¹ *Cheterian V.* Georgia's Rose Revolution: Change or Repetition? Tension between State-Building and Modernizing Projects // *Nationalities Papers*. Vol. 36. № 7. September 2008. P. 689–712.

² *Goldstone J.* Revolution. Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences at Stanford University, 1997. www.ciaonet.org/wps/goj01/

Конституционные реформы

Конституция Грузии была принята в 1995 году, с принятием поправок в 2003–2010 годах. В основном поправки касались перехода от президентской к полупрезидентской системе со значительным расширением полномочий законодательной власти. Второго ноября 2003 года на референдуме 89,61 % граждан Грузии проголосовали за сокращение количества депутатов с 235 до 150. Эта норма вступила в силу после парламентских выборов 2008 года. В декабре 2004 М. Саакашвили предложил новые поправки относительно права назначения всех девяти членов Конституционного суда президентом (до этого они назначались по три кандидата парламентом, президентом и Верховным судом), снизить возрастной ценз для судей – от 25 до 30 с максимальным сроком служения 10 лет¹. Также новые поправки касались исключения двойного гражданства. Эти изменения в целом были направлены на снижение полномочий президента в пользу парламента и премьер-министра и были приняты парламентом Грузии 15 октября 2010 года, вступив в силу после октябрьских президентских выборов в 2013 году. Поправки 2006 года касались переноса президентских и парламентских выборов на осень – между сентябрем и ноябрем. В сентябре 2009 года парламент внес еще два изменения: отныне парламент официально располагался в Кутаиси, а Конституционный суд – в Батуми. Внесение изменений в Основной закон стало возможным благодаря доминированию пропрезидентской партии Объединенное Национальное Движение Грузии (ОНД) в парламенте, при «слабой и разобщенной оппозиции»². В июне 2011 года главы ОНД подписали соглашение с шестью партиями о необходимости внесения новых поправок в Конституцию относительно увеличения количества депутатов – от 150 до 190 после парламентских выборов 2012 года. В декабре 2012 партия победившего на выборах Б. Иванишвили «Грузинская мечта» инициировала новые поправки по сокращению полномочий президента.

---

¹ *Nino Khutsidze*. Civil Georgia. Proposed Constitutional Chnges Cast Controversy. <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=8812>

² <http://www.freedomhouse.org/report/nations-transit/2010/georgia>

Конституция Кыргызстана была принята 5 мая 1993 года с парламентской формой правления, но, вскоре, из-за возникшего конфликта между парламентом и президентом, по итогам референдума 10 февраля 1996 года была введена президентская система. Поправки 1998 и 2001 годов касались увеличения количества депутатов и предоставления русскому языку статуса официального. Референдум 2 февраля 2003 года создал однопалатный парламент с 75 депутатами с широкими полномочиями премьер-министра и парламента. После «тюльпановой революции» Конституционное совещание разработало несколько вариантов поправок (9 ноября 2006, 15 января 2007). Окончательная версия, представленная на референдуме 21 октября 2007 года, провозглашала президентскую систему и пропорциональные выборы, что позволило экс-президенту К. Бакиеву создать карманный парламент. Позже последние поправки аннулировались, вернув Конституцию 2003 года. После смены власти в 2010 году новый текст Конституции был одобрен на референдуме 27 июня. Референдум касался двух вопросов – одобрения новой конституции и продления полномочий президента переходного периода Р. Отунбаевой до 31 декабря 2011 года. Явка избирателей составила 65 %, 90,57 % проголосовавших одобрили поправки. С одной стороны, это было легитимацией нового руководства республики после апрельских событий, а с другой – легитимность самого референдума подвергалась сомнению из-за ошских событий в июне 2010 года, которые на тот момент до конца не были прояснены. Граждане проголосовали за стабильность любой ценой, некоторые (35 % избирателей) вообще не принимали участия из-за страха провокаций в день референдума, отсутствия документов и жилья. В целом, голосование прошло в атмосфере веры, в то, что референдум принесет стабильность и перемены к лучшему.

Европейская комиссия за демократию через закон (Венецианская комиссия) была одной из важных и часто упоминаемых западных организаций, обеспечивавших консультативную помощь в ходе конституционной реформы и внесения изменений в Закон и Кодекс о выборах в Грузии и Кыргызстане. В Грузии Венецианская комиссия в 2004, 2006 и в 2009 годах сделала отчеты – Opinion

on draft amendments to the constitution of Georgia. В 2003 году Венецианская комиссия предложила ряд рекомендаций по изменению законодательства о выборах, а также критически оценила ход парламентских выборов 2 ноября 2003 года, проведенных с серьезными нарушениями норм демократических стандартов, отмеченными наблюдателями БДИПЧ, ПА ОБСЕ, ПАСЕ и Европарламента¹. В совместном документе от 9–10 июня 2006 года нормы критиковались как требующие «значительного улучшения для соответствия стандартам ОБСЕ и обязательствам Совета Европы»². В документе от 12 марта 2004 года, комиссия приветствует намерения Грузии создать полупрезидентскую систему, которая «приблизит Тбилиси к европейской практике», отмечая при этом, что «поправки дают президенту больше полномочий и власти назначать правительство без согласия парламента, но есть право у законодателей выразить вотум недоверия правительству»³. В документе от 3–4 декабря 2004 года говорится, что «в некотором отношении конституция идет дальше, чем просто гарантирование основных прав и свобод граждан с включением детализации социальных, культурных и общественных прав»⁴. Отчет 2006 года одобряет однозначность решения о создании полупрезидентской республики⁵. Позже

---

¹ Opinion on the unified election code of Georgia as amended on 14 August 2003. [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2004\)005-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2004)005-e)

² Joint opinion of Election Code of Georgia by Venice Commission and ODIHR/OSCE. [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2006\)023-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2006)023-e)

³ Opinion on the draft amendments to the constitution of Georgia adopted by the Venice Commission on 12–13 March 2004 at its 58th Plenary Session. [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2004\)008-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2004)008-e)

⁴ Joint Opinion on the proposal on constitutional law on changes and amendments to the Constitution of Georgia adopted by the Venice Commission on 3–4 December 2004 at its 61th Plenary Session. [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2005\)003-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2005)003-e)

⁵ Opinion on the draft constitutional law of Georgia on the amendments to the constitution 15–16 December 2006. [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2006\)040-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2006)040-e)

грузинское правительство осуществило двухгодичный проект по реформированию избирательного законодательства при поддержке миссии ОБСЕ в Грузии, Совета Европы и ПРООН. Шестнадцатого июня 2009 года президент созвал Государственную конституционную комиссию для разработки и внесения поправок в Конституцию с широким обсуждением как внутри государства, так и за ее пределами. Немецкая организация технического содействия GTZ организовала 15–16 июня 2010 года в Берлине конференцию «Конституционная реформа в Грузии». В отчете 2010 года Венецианская комиссия «приветствует несколько важных улучшений и значительные шаги Грузии в правильном направлении»¹.

В Кыргызстане Венецианская комиссия оказывает консультативную помощь с 2002 года. Относительно поправок после «тюльпановой революции» (2005), в документе от 14–15 декабря 2007 года, комиссия отмечает, что «негативные аспекты текста преобладают», «авторитарные традиции взяли вверх» и в целом была воссоздана президентская система, что может в будущем спровоцировать новые революции². В отчете 2010 года говорится о «шаге в сторону улучшения системы разделения властей», также комиссия признает Конституцию «соответствующей демократическим стандартам» и высоко оценивает работу Временного правительства и Конституционного совещания³.

Таким образом, роль Венецианской комиссии в легитимации новых элит Грузии и Кыргызстана посредством консультативной помощи в конституционной реформе, а также оказания дискурсивного давления на ход принятия полупрезидентских систем, сыграли важную роль в закреплении норм парламентской демократии.

---

¹ Final opinion on the draft constitutional law on amendments and changes to the constitution of Georgia 15–16 October 2010. [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2010\)028-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2010)028-e)

² Opinion on the Constitutional situation in the Kyrgyz Republic adopted by the Commission at its 73rd plenary session on 14–15 December 2007. [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2007\)045-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2007)045-e)

³ Opinion on the draft constitution of the Kyrgyz Republic adopted by the Venice Commission at its 83rd Plenary Session 4 July 2010. [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2010\)015-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2010)015-e)

В Грузии и Кыргызстане новая система часто называется парламентской, оставаясь при этом де-юре полупрезидентской системой. В некоторой степени, лидеры революций, обратившись к Венецианской комиссии, искали легитимации на международной арене и, в контексте предложенных рекомендаций, были вынуждены привлечь экспертов и реально пойти на внедрение изменений. Влияние Венецианской комиссии можно проследить по их документам и отчетам, иногда выражающим нормативную оценку конституционных реформ в Грузии и Кыргызстане. К примеру, вердикт, гласящий, что приближение к европейским стандартам означает априори улучшение системы, и приветствование внесенных изменений обеспечили лидерам цветных революций возможность ссылаться на отчеты комиссии, как на одобрение собственной внутренней политики и признание западными акторами

Почему парламентская демократия?

Изначально Грузия и Кыргызстан решили предоставить больше полномочий парламенту, так как важные политические решения должны приниматься широким консенсусом между представителями народа и тем самым предотвратить тенденции президента узурпировать власть и создать авторитарный режим. Эта идея была предложена лидерами «цветных революций», считавших, что конституционная реформа должна быть направлена на замену президентской системы на парламентскую. Главные причины перехода от президентской к полупрезидентской системе можно найти в аргументах разных акторов. Во-первых, общепризнано, что парламентская система подходит для государств полиэтнических по структуре, с сильным регионализмом, что позволит представить их интересы в парламенте через партии и гарантировать стабильность и чувство справедливости в обществе. И Грузия (Южная Осетия, Абхазия), и Кыргызстан (север – юг) имеют проблемы регионализма, дефицита этнической представленности и гендерного баланса в высших органах государственной власти. В Кыргызстане, согласно Конституции 2010 года, ст. 11, в партийных листах кандидатов одного пола должно быть не более 70 %, без превышения более трех позиций в списках кандидатов схожего пола, 15 % кандидатов должны состо-

ять из представителей разных этнических групп, 15 % кандидатов должны быть кандидатами младше 35 лет, два кандидата – с ограниченными возможностями, один – в первой 50 позиций листа. Таким образом, мы можем сказать, что Конституция гарантирует представленность по этническим, возрастным, гендерным критериям и лицам с ограниченными возможностями в парламенте, равно как и региональным элитам. Согласно ст. 70 п. 2, никакая из партий не сможет формировать более 65 мандатов, что может препятствовать пропрезидентской партии доминировать в парламенте, а также вынуждает создавать коалиционные блоки.

Политические акторы и их интересы

Новая элита. Если использовать классификацию А. Вулфера (Arnold Wolfers, 1962) о позиционных целях – специфичные и часто осязаемые цели и цели – milieu – системные и неосязаемые¹, то парламентская демократия является системной, полупрезидентская – позиционной целью легитимации новых элит. Выбирая новую систему, новые элиты могли продемонстрировать реальные изменения и удовлетворить властные амбиции элит региональных. Упорядочивание системы после политического кризиса, как указывают М. Буртон и Дж. Хигли (M. Burton, J. Higley), происходит «со значительной скоростью, редко занимая больше чем несколько недель или месяцев; с принятием формального документа (подписанного пакта, новой конституции) как воплощения неформальной и тактической договоренности»². Именно легитимация новой элиты является причиной того, что первым вопросом на повестке дня была проблема необходимости проведения конституционной реформы. Референдум по принятию новой Конституции в Кыргызстане был проведен вопреки ошутимым последствиям ошских событий. Равно как и в Грузии, где президент, опираясь на свое большинство в парламенте, быстро вносил

---

¹ *Wolfers A.* Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore, 1962. P. 73–77.

² *Burton M., Higley J.* «Political Crises and Elite Settlement» in *The Imported State: The Westernization of the Political Order* by Badie. Bertrand, 2000. P. 55–56.

поправки в Конституцию. Новые элиты пытались девальвировать президентскую систему, ссылаясь преимущественно на исторический опыт первых лет независимости, популяризируя парламентскую систему через дискурсивные механизмы повторения и распространения единого месседжа и концентрации внимания общественности на ее преимуществах. Пропагандировали политический плюрализм через конкуренцию партий, равное представительство региональных интересов в парламенте как механизм предотвращения авторитарных тенденций президента через систему разделения властей и систему сдержек и противовесов, при этом практически исключив негативные черты парламентаризма из общей риторики¹.

О. Текебаев, ключевой автор новой Конституции, отец парламентской демократии в Кыргызстане, в многочисленных заявлениях и выступлениях постоянно подчеркивает необходимость «новой политической культуры» и «нового гражданина Кыргызстана» в рамках ценностей парламентской демократии². А. Атамбаев в интервью указывает на невозможность дважды наступать на одни и те же грабли президентской системы и приоритет транспарентного правительства при парламентской системе³, считает, что смена элит возможна только через парламентские выборы⁴. Р. Отунбаева провозгласила: «Кыргызская весна 2010 года есть тренд в сторону парламентской демократии»⁵, кыргызы в крови имеют свободу слова и мнения, подчеркивая, что демократия как таковая не является чужеродной

---

¹ Завтра будет другая страна. http://www.atameken.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=95:2010-09-11-09-08-40&catid=11:articles&Itemid=16

² *Текебаев О.* Парламентаризм обречен на успех. http://www.atameken.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=119:2010-10-10-11-21-22&catid=7:knovosti&Itemid=11

³ Three hours press conference of Atambaev.

⁴ Interview of Atambaev to the “Mir” channel. <http://kabar.kg/interview/full/51100>

⁵ Conference speech of Otunbaeva during November 18–19, 2011 conference on Parliamentarism in Kyrgyzstan. <http://www.knews.kg/ru/politics/6309>

для кыргызов¹, и обозначая два этапа построения демократии 2005 и 2010 годов². Новые изменения в конституцию были внесены очень быстро, без широкого общественного обсуждения³. Элиты привлекали иностранные агентства (Венецианская комиссия, БДИПЧ) и ученых для оправдания необходимости парламентской системы, в то же время маргинализируя сторонников президентской системы в дискурсе, называя их сторонниками предыдущих режимов, таким образом, рисуя условное поле для политически корректных мнений. Новая система оценивается самими лидерами как титаническое достижение во имя справедливого общества благоденствия.

Иностранные акторы. Парламентская демократия была нужна западным акторам, заинтересованным в дальнейшей демократизации через развитие парламентской системы. Это нашло выражение в консультативной помощи Венецианской комиссии и БДИПЧ, в финансовой поддержке деятельности НПО. Здесь мы можем наблюдать различия в дискурсивных практиках постсоветских и западных государств. Соседние государства Грузии и Кыргызстана практически единогласно критиковали новые системы, считая их неприемлемыми для традиционных обществ с сильными элементами регионализма и кровнородственных отношений, находящихся в постоянной нестабильности. Российский президент Д. Медведев открыто выражал свое негодование и сомнение относительно шансов на успешность парламентской демократии в Кыргызстане, которая, на его взгляд, может привести к «катастрофическим последствиям»⁴. Это понятная логика государств, испытывающих страх перед системой диффузии и пытающихся характеризовать реформы после цветных революций как мертворожденные инициативы.

---

¹ Interview of Roza Otunbaeva to Azzattyk. http://rus.azattyk.org/content/kyrgyzstan_otunbaeva_president/24314468.html

² Otunbaeva's speech on March 23, 2011 on 2005 and 2010 events. <http://www.kyrgyznews.com/news.php?readmore=5112>

³ Референдум в Кыргызстане. <http://www.golos-ameriki.ru/content/kyrgyzstani-citizens-2010-06-27-97277024/186153.html>

⁴ Независимая газета. http://www.zpress.kg/news/news_only/6/22907/640.py

Напротив, западные акторы в лице представителей Евросоюза и лидеров США выражали поддержку в ходе своих визитов в Тбилиси и Бишкек. Администрация Дж. Буша-младшего высоко оценивала результаты «революции роз» в Грузии на ее пятой годовщине. Экс-госсекретарь США Х. Клинтон проявила энтузиазм и оптимизм, выражая готовность оказать содействие начатым реформам в Кыргызстане. Венецианская комиссия была готова предоставить экспертам и лидерам консультативную помощь при проведении конституционной реформы. Различные западные НПО, среди них Шведский Фонд Палме, оказали поддержку при организации общественных дискуссий и круглых столов по парламентаризму. Благодаря им 18–20 ноября 2011 года в Бишкеке состоялась конференция с участием делегатов из 14 государств⁵. В ноябре 2012 года с участием представителей общественности прошла конференция, на которой обсуждалась роль парламентаризма в постконфликтном урегулировании под эгидой ПРООН⁶. Пятнадцатого мая несколько НПО в Кыргызстане создали движение «За парламентаризм!», преимущественно состоящее из прозападно ориентированных лидеров НПО⁷.

Оппозиция. Лидеры оппозиции подчеркивали, что президентская система является нейтральной, все зависит от личности президента, что и парламентская система может создать парламентскую диктатуру. Государство не готово для парламентаризма (слабая партийная система, развитая система регионализма, непредсказуемость процесса принятия решений, отсутствие ответственности, постоянный коалиционный кризис и политическая нестабильность, более фрагментированное общество с доминированием корпоративных интересов и т.д.). В Кыргызстане лидеры оппозиции инициируют новую конституционную реформу и роспуск парламента как главную критику политики нового правительства. Адиль Турдукулов

---

⁵ Кыргызский парламентаризм глазами мирового сообщества. Азаттык. <http://www.paruskg.info/2011/10/21/51347>

⁶ Interview with Z. Kurmanov. http://www.open.kg/ru/theme/interview/?theme_id=248&id=611

⁷ Council to protect parliamentarism. <http://vof.kg/?p=4746>

предлагал новую реформу после президентских выборов 2011 года¹. Азимбек Бекназаров, лидер двух «цветных революций», провозгласил эти цели в августе 2012 года. Были проведены многочисленные митинги: 23 августа 2012 – движением «Апрел Байрагы» и «Ай-Кол Ала-Тоо»², 9 сентября 2012 – движением «Таза коом учун»³; митинги с арестами лидеров 10 октября 2012⁴ и протестами в Жалалабаде 6 марта 2013⁵. Лидеры оппозиции, объединившиеся вокруг движения «За роспуск парламента», становятся более радикальными в своих требованиях, проводят Курултай 13 марта 2013 года⁶. Эти действия оппозиции в СМИ объясняются попытками Вашингтона свергнуть А. Атамбаева, не желающего продлевать сроки пребывания американской авиабазы в Манасе. Сам президент КР считает это стремлением лидеров оппозиции прийти к власти, указывая, что они проиграли в предыдущих парламентских выборах 2010 года, и исключая геополитические причины протестов⁷.

В Грузии новое правительство Б. Иванишвили уже обвиняется в пророссийской ориентации и неследовании европейским ценностям, что ставит под угрозу шансы вступления республики в ЕС, отраженные в письме 23 депутатов Европарламента⁸. В ответ на это письмо, спикер парламента Усупашвили попросил ЕС,

---

¹ <http://www.knews.kg/ru/politics/2359/>

² <http://www.knews.kg/ru/society/20673/>

³ Miting za rospusk parlamenta // <http://www.24kg.org/community/135915-v-stolice-kyrgyzstana-prodolzhaetsya-miting-za.html>

⁴ <http://www.24kg.org/community/139158-sredi-zaderzhannyx-mitingu-yushhix-za-izmenenie.html>

⁵ <http://www.for.kg/news-216873-ru.html>

⁶ Алиева Ж. Ушная угроза. http://www.dn.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=1050:2013-03-07-21-33-33&catid=2:2011-10-23-11-43-45&Itemid=4

⁷ Interview of Atambaev to the “Mir” channel on 11.03.2013. <http://kabar.kg/interview/full/51100>

⁸ European center-right party continues educating Georgian leader. <http://dfwatch.net/european-peoples-party-continues-educating-georgian-leader-15211>

считающий, что страна «скатывается от демократии»¹, «не устанавливать режим Саакашвили в качестве стандарта»². Грузинский парламент 7 марта 2013 года определил цель вступления в ЕС и НАТО в качестве приоритетной для внешней политики³.

Конституционная реформа, инициатором которой был М. Саакашвили, ставится под вопрос уже новым правительством и большинством в парламенте. Новый парламент освободил три тысячи заключенных, в том числе 190 преследовавшихся по политическим причинам⁴.

Непопулярность М. Саакашвили можно проследить по результатам парламентских выборов 2012 года, ставших следствием подавления протестов в 2007 году⁵. Таким образом, грузинский кейс после «революции роз» стал референтным примером популярности грузинских реформаторов у кыргызстанских политиков и СМИ, освещавших эти реформы. Желание создать новую систему, ориентированную на парламентскую демократию, стало общей чертой для политического процесса Грузии и Кыргызстана после цветных революций. Полупрезидентская система явилась следствием механизма легитимации новых элит как внутри государств, так и на международной арене, позволяя продемонстри-

---

¹ Georgian government answers to the European People's Party. <http://dfwatch.net/georgian-government-answers-european-peoples-party-92855>

² GHN news agency. http://www.lexisnexis.com/uk/nexis/results/docview/docview.do?docLinkInd=true&risb=21_T16945738247&format=GNBFI&sort=BOOLEAN&startDocNo=1&resultsUrlKey=29_T16945738264&cisb=22_T16945738263&treeMax=true&treeWidth=0&csi=404368&docNo=5

³ Georgian parliament proclaims EU/NATO integration foreign policy priority. ITAR-TASS. http://www.lexisnexis.com/uk/nexis/results/docview/docview.do?docLinkInd=true&risb=21_T16945738247&format=GNBFI&sort=BOOLEAN&startDocNo=1&resultsUrlKey=29_T16945738264&cisb=22_T16945738263&treeMax=true&treeWidth=0&csi=384326&docNo=8

⁴ IRIB news. <http://www.lexisnexis.com/uk/nexis/auth/checkbrowser.do?rand=0.735165503970945&cookieState=0&ipcounter=1&bhcp=1>

⁵ Gemoklidze Nino. Georgia's Parliamentary Elections – Democracy in Action? <http://www.birmingham.ac.uk/news/thebirminghambrief/items/Georgias-Parliamentary-Elections-%E2%80%93-Democracy-in-Action.aspx>

ровать решительность властей на структурные реформы. Однако, если к десятой годовщине «революции роз» грузинские граждане ощущают позитивные изменения в политической и социально-экономической жизни, образованная молодежь рекрутируется в государственные органы власти и связывает свое будущее с родиной, то в Кыргызстане говорить об изменениях сложно в силу их отсутствия. Реформы, даже после «тюльпановой революции» 2005 и 2010 годов, остаются декларативными и избирательными из-за отсутствия политической воли к переменам. Объявленная кампания против коррупции стала механизмом борьбы против сторонников оппозиционных партий или медийным примером борьбы. В совокупности отсутствие реальных перемен способствует низкому рейтингу Кыргызстана в международных исследованиях на протяжении многих лет. Легитимация самой идеи парламентской демократии продолжается. Она зависит от способности лидеров цветных революций удержать власть и сохранить внесенные изменения или позволить оппозиции реставрировать президентскую систему.

А.А. Артыкбаева
преп. кафедры философии
и социологии КГУ им. И. Арабаева

ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

В наше время сверхпопулярным термином в самых разных сферах человеческой деятельности стало слово «демократия». С распадом СССР было решено, что альтернативы демократии нет, и сейчас множество стран с самым разным прошлым и самыми разными предпосылками избрали путь демократии. Но, как известно, демократия на постсоветской территории все еще считается исконно западным «изобретением», и если прибалтийские страны или хотя бы Россия могут считаться отчасти европейскими странами с определенными западными культурными традициями, то для Кыргызстана с его этносоциальными особенностями этот вопрос более сложен. Как нельзя кстати в этом случае приходится изучение трудов западных политологов, социологов, имеющих немалый опыт, в том числе и критического осмысления при рассмотрении различных аспектов демократии. В частности, огромную ценность имеют труды таких исследователей демократии, как Дитрих Рюшемайер, Эвелин Стивенс и др. Например, работа Д. Рюшемайера «Капиталистическое развитие и демократия» – яркий пример непредубежденного и взвешенного рассмотрения демократии как многогранного политологического и социологического феномена. В политическом и социологическом смысле демократия неизбежно сталкивается с противостоянием в обществе, основанном на системе социального неравенства. Как бы детально мы не определяли термин «демократия», он не будет иметь смысла, если не содержит в себе понятие «власти большинства» или, по крайней мере, не участвует во вла-

сти большинства. Если следовать лишь формальной логике, то представители власти должны обладать некими материальными и нематериальными благами. Однако, мы видим противоположную ситуацию: в обществе, разделенном на классы, большинство имеет меньший доход и достаток, меньше привилегий и менее образовано по сравнению с меньшинством. В то же время большинство, обладающее малым, в качестве граждан-выборщиков имеет реальное право голоса при коллективном принятии решений в политической сфере жизни общества.

Из обозначенного противоречия между демократией и социальным неравенством вытекает первое, самое необходимое условие существования демократии: она возможна только тогда, когда существует достаточно сильное институциональное разделение (согласно западной терминологии – дифференциация) сферы политики и общей системы социального неравенства в обществе. Только тогда становится понятным псевдопарадокс, когда стоящие на нижней ступени государственной власти, богатства и культурных ценностей могут – сами или через своих представителей – серьезно влиять на формирование коллективных решений, обязательных для всех членов общества. К примеру, феодальное аграрное общество, в котором контроль над землей (основным средством производства) влечет за собой, в силу самого своего существования, политическую власть над населением, живущим на этих землях, несовместимо с демократией.

Отделение государственного управления и политики от иных сфер социальной жизни, которая в той или иной форме характерна для всех современных обществ, часто принимается как нечто само собой разумеющееся, как часть телеологической составляющей истории. Однако, это отделение стало возможным лишь вследствие исторического противостояния различных сил. Было бы ошибкой рассматривать его как результат отражения всеобщего эволюционного процесса, нацеленного на достижение большей эффективности.

Конфликт между демократией и социальным неравенством не заканчивается с отделением государственных институтов от общей

структуры власти, привилегий и богатства. Власть и привилегии поддерживают друг друга, даже если сфера государства и применение формализованной политической власти институционально отделены от более обширной и всепоглощающей системы социального неравенства. В этом случае мы сталкиваемся с проблемой так называемых «настоящих» и «формальных» демократий. К примеру, западные политологи и социологи весьма интенсивно изучали Латинскую Америку, где, после обретения независимости от колониальных держав, на карте появилось множество демократических государств, что, однако, не стало помехой для установления в этих странах самых различных политических режимов, не всегда вписывавшихся в стандарты западной демократии. Например, распределение земель в Эль-Сальвадоре в первой трети двадцатого века привело к неразрешимым проблемам для демократии в этой стране.

Анализ событий в Эль-Сальвадоре имеет ценность и для отечественных ученых: преемственность опыта играла и играет большую роль в человеческом развитии. До того, как наша страна столкнулась с той же самой проблемой при установлении земельного законодательства, можно было пренебрегать опытом зарубежных социологов, но теперь их исследования предстают перед нами в новом ракурсе. Всем нам памятна пертурбация, сопровождавшая принятие Земельного кодекса Кыргызской Республики, причем общество в данном случае явно проявило свою классовую структуру и присущие ему противоречия: острые дискуссии между самыми разными политическими группами, защищавшими интересы таких же разных групп населения, помнятся и сейчас. При работе над новым Кодексом прежде всего было заявлено, что социальное неравенство населения Кыргызстана учитывается особенно. Вообще, событие подобного масштаба требует отдельного анализа, так как классовая структура и социальное неравенство наиболее проявляются именно при решении проблемы распределения земли в государстве. Всем известен исторический опыт большевиков, склонивших крестьян Российской империи на свою сторону при помощи простого, но емкого лозунга «Землю – крестьянам!», что и сыграло решающую роль в их победе.

Все отмеченные проблемы демократии, провоцируемые социальным неравенством, так или иначе основаны на факте опосредованности власти. Действительно, референдум всего населения какой-либо современной страны по каждому закону, обязательному для всех, просто нереален по своей сути. Но власть через посредников-выборщиков – также проблематична. Сторонники абсолютного равноправия всегда могут указать на дистанцию между существующим в реальности процессом принятия решений и идеальной моделью, в которой коллективные действия одинаково учитывают мнения всех граждан – это и есть определение Роберта Далла «полной демократии», по контрасту с более реалистичной и менее требовательной существующей сейчас версией, называемой им «полиархия».

Существующие сегодня реальные демократии все без исключения отличаются от описанной ранее идеальной модели. Во-первых, даже власть большинства, зачастую воспринимаемая как само воплощение демократии, нарушает, в прямом смысле, принцип равномерной восприимчивости государства к мнениям всех граждан, так как диалектически большинству сопутствует меньшинство, мнение которого (даже верное) приносится в жертву численному превосходству. В этом смысле принятие решений большинством есть средство осуществления эффективной власти, компромисс между совершенным согласием всех со всеми и необходимостью действовать. Опосредованное применение законодательной власти избранными представителями есть второе и более очевидное ограничение «полной» демократии. В-третьих, в различной, но всегда значительной степени принятие важных политических решений зависит в современных обществах от государственного административного аппарата и судов. В силу этого, принятие решения происходит не только вне демократического обсуждения, но даже вне опосредованного демократического контроля. Подобные ограничения, берущие начало от структур государственного аппарата и политического процесса, по результатам исследования западных социологов, неизбежны в любом сложном обществе.

И, наконец, по Рюшемайеру не менее важен фактор влияния социальных и экономических структур власти на процесс принятия политических решений. Этот фактор имеет свои особенности в разных странах и зависит в определенной степени от институциональной дифференциации политики и социальной структуры и процесса. Это влияние формируется во многом в зависимости от баланса сил в обществе. Влияние социальных и экономических структур власти на политику и действия государства может быть скомпенсировано в разной степени, но никогда не исчезнет полностью.

И все же опосредованная демократия, воплощенная в более широких структурах социальной и экономической власти, реализуемая лидерами партий или общественных объединений, вовлеченная в работу сложной машины под названием государство, действительно предоставила гражданскому большинству определенное участие во власти и в принятии политических решений. Действительно, опосредованная демократия не принесла того всеобщего активного участия в общественных делах, которое было основой демократии по Джону Стюарту Миллю, и она не представляет интересов всех граждан. И все же, несмотря на проблемы, она обеспечила реальные преимущества для большинства, хотя бы в плане так называемых «побочных продуктов» в виде появления гражданских свобод – самого необходимого условия для развития демократии, наиболее полно оцененного именно в наше время. Ни в коей мере не ограничивая эти свободы, она также привела к тому, что множество государств в новейшей истории произвели масштабные процессы перераспределения, особенно в тех странах, где пришли к власти партии демократической и социалистической направленности. Мы смело можем поставить Кыргызстан в когорту отмеченных государств. Кроме определенного материального достатка и защиты от произвола власти, демократия привнесла изменение, которое можно назвать «символическим», но не в смысле своей значимости: она сделала возможным существование такого блага, как свободное участие в политической жизни любого взрослого человека, тогда как ранее это было зачастую невозможно вследствие ограничений на основе социального статуса или собственности.

Демократия может ослабить, но не уничтожить полностью противоречия между властью, богатством и статусом в обществе, разделенном на классы. Даже сами предпосылки ее функционирования скомпрометированы классовым неравенством. Ведь одной из важнейших предпосылок демократии была аксиома, гласящая, что все действующие в обществе лица осознанно выражают свою волю и преследуют свои цели. Отмеченные исследователи уделили особое внимание рабочему классу, наиболее ясно выразившему свои интересы в новейшей истории, так как в целом для исследователя, особенно западного, необходимо несколько дистанцироваться от привычных аксиом либеральной демократии, чтобы взглянуть на нее по-новому. Были заданы следующие вопросы о целях и социальных классах: в какой мере политические формы либеральной демократии служат основой неравенства между представителями различных классов при выражении и осуществлении их осознанных интересов? В какой мере они же обеспечивают эффективность механизмов, необходимых для беспрепятственного выражения интересов необеспеченных классов? Или, наоборот, в какой мере политические формы либеральной демократии могут служить основанием для предпочтения интересов буржуазии?

Если правда то, что политические формы не нейтральны (а заданные ранее вопросы подводят нас к такому выводу) и существуют политические схемы, предпочтительные для определенных классов, то тогда они сами должны быть рассмотрены как часть и объект классового конфликта, который ими лишь регулируется и направляется. Данные вопросы и выводы применимы к любому обществу, Кыргызстан не является исключением. И все же не следует после подобных вопросов бросаться в иную крайность и соглашаться с заключениями Розы Люксембург о том, что «демократия есть лишь нечто, навязанное рабочему классу и работающее против его осознанных интересов». Не обязательно быть приверженцем исключительно либерально-политических идей, чтобы видеть в существующих демократиях шанс для успешного воплощения в жизнь интересов подчиненного класса. Большинство народных движений в самых разных странах

и ситуациях, в том числе и в недавнем прошлом, приняли именно демократию как решение проблемы.

Применительно к нашей действительности делаем полезные выводы: огромный пласт исследований, проведенных западными политологами и социологами по проблеме соотношения демократии и социального неравенства, требует самого тщательного изучения. Исключительно хорошо были проведены многочисленные исследования в странах Восточной Европы, Латинской Америки, Карибского региона, причем многие из этих стран относительно недавно освободились от статуса колоний и имеют небольшой «демократический стаж», что может быть весьма интересно и полезно при объяснении социальных явлений, происходящих в нашей молодой демократической республике. Кроме того, нам следует учесть ошибки и трудности, возникшие у зарубежных политологов и социологов при проведении их исследований хотя бы затем, чтобы не повторять их в собственной работе.

Сила политологии и социологии – в классификации собранных данных и в общем анализе ситуации. В таком ракурсе нас не должна удивлять мысль о том, что данные социологических исследований, например, в Латинской Америке, могут быть полезны для кыргызстанских политологов и социологов. Социальное неравенство и общие принципы демократии универсальны, а это означает, что универсальны и проблемы, с которыми нам, как членам социума и социологам приходится сталкиваться.

А.Т. Баратова
магистрант кафедры политологии КРСУ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К КОНСТРУИРОВАНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕОЛОГИЙ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КЫРГЫЗСТАНА И ОПЫТ УЗБЕКИСТАНА

Почему данная тема вызывает интерес у большинства людей? Необходимость этой определяющей всего государства заложена уже давным-давно в сознании каждого, в том, что она должна существовать, уверены практически все. Зависит ли наличие сильной идеологии в стране от уровня духа нации, ее финансового благополучия и политической стабильности, ведь это ключевые факторы, определяющие сильное государство, или же для построения высокого уровня благосостояния и необходима сама идеология?

Основные проблемы при выработке национальной идеологии в Кыргызстане:

1. Этническая принадлежность в Кыргызской Республике сегодня рассматривается как биологическая, а не культурная категория. Хотя следует отметить роль А. Акаева в распространении понимания нации как гражданства: «Признавая этнические меньшинства, живущие в Кыргызстане, Акаев убеждал их объединиться как гражданам. Он пытался поддержать баланс между этноцентричной и гражданской концепцией нации через свои идеологические проекты»¹.

2. Идеологические установки, пропагандируемые государством, не способствуют росту популярности или эффективно-

---

¹ *Marat E. Kyrgyz government unable to produce new national ideology.*
<http://www.cacialanalyst.org>.

сти нынешних режимов, но они консолидируют государственную власть в интересах правящих элит. Советское наследие, по мнению Эрики Марат, стало базой для продолжения традиции восприятия идеологии элитами и населением как обязательного атрибута государства и его монопольного продукта. В отличие от других стран, где вопросы идеологии – предмет дискуссий в среде интеллектуалов и ученых, в Кыргызской Республике правящие элиты серьезно восприняли свою «идеологическую миссию», сделав ее частью своего режима и государственного строительства. Современную историографию в Кыргызстане отличает то, что она отвечает на запросы правительств, заполняя идеологические понятия «научным» содержанием. Э. Марат пишет: «Высокие требования к построению исторических повествований в постсоветский период поощряли большинство ученых-историков рассматривать их профессии как миссию»¹.

3. В Кыргызстане попытки взаимодействия органов власти с общественными структурами, в том числе и партиями, в сфере разработки и внедрения национальной идеологии в основном сводятся к поиску синтеза прошлого с настоящим. Уже проанализированы разнополярные мнения ученых и политиков Кыргызстана о поиске новых идей, которые позволили бы укрепить и поднять на качественно новый уровень нашу государственность. Причем эти идеи должны быть привлекательны для всего общества и всех социальных слоев. Такие идеи, как показал опыт исторического развития Кыргызстана, не могут быть внедрены насильно. Ярким подтверждением тому является крах коммунистической идеологии. Поэтому должна быть разработана такая национальная идея, которая была бы синтезом усилий государства и народа, основанная на осознании народом и государством важности национальных интересов.

Проблемы выработки и возможности внедрения в общественное сознание граждан Кыргызстана какой-либо целостной государственно-национальной идеологии всегда представляли собой трудновыполнимую задачу для высших органов власти.

---

¹ *Марат Э.* Национальная идея и процесс построения государства. <http://www.cacianalyst.org>.

Так, в течение 90-х годов, с периода обретения государственного суверенитета уже были попытки создания национальной идеологии, исходя из заповедей Манаса или древнекочевых идей тенгрианства, призывающих обратиться к истокам прошлого, однако, существенно оторванных от реалий современного мира.

Причинами сложившейся ситуации являются, во-первых, «уменьшение роли государства в определенных политико-правовых пределах и одновременное усиление роли партий и гражданского общества, которые начинают открыто критиковать попытки власти навязать некую масштабную государственную идеологию»¹, во-вторых, демократические преобразования в целом максимально расширяют права и свободы человека, что способствует многообразию социально-политических интересов, в итоге ведущих к значительному повышению политической критичности в отношении любых действий государства.

В итоге, «политические партии, на идеологическом уровне борясь за электорат и как бы дробя общество по социально-политическим интересам, способствуют возникновению и развитию нескольких узкопартийных национально-политических идеологий»². Подобная деятельность препятствует внедрению единой национальной идеологии со стороны государства.

В Кыргызстане попытки взаимодействия властных органов с общественными структурами, в том числе и партиями, в сфере разработки и внедрения национальной идеологии в основном сводятся к поиску синтеза прошлого с настоящим. Это, возможно, и соответствовало бы мировоззренческим установкам большинства наших граждан, особенно молодежи. Этот путь мог быть верным для создания необходимых национальных идеологических доктрин, но в настоящий период сохраняется на достаточно низком профессиональном уровне. Это вряд ли в скором времени будет способствовать разработке и внедрению оптимальной модели национальной идеологии на государственном или партийном уровне.

---

¹ *Казакпаев М.С.* Фактор среднего класса в национальной идеологии Кыргызстана. <http://www.analitica.org>.

² Там же.

Главная задача Кыргызстана – построение независимого государства и его всемерное укрепление. В данном случае своеобразным флагом, под которым объединился бы весь народ, является национальная идея. Поиск национальной государственной идеологии не снимался с повестки дня общественной жизни кыргызов и в XX веке. Особенно если учесть, что «после распада Советского Союза центральноазиатские государства оказались в совершенно новых для них условиях, когда им самим предоставлялась возможность избрать собственный путь развития. В этих условиях возникла острейшая необходимость определения цивилизационной принадлежности государств региона»¹.

По мнению Э. Каптагаева, сегодня нет необходимости думать о разработке национальной идеи, «вопрос в необходимости, исходя из конституционных положений, выделения тех ценностных ориентиров и норм, которые будут определять содержательный характер внутренней и внешней политики государства»². В таком же ключе рассуждает Э. Шукуров, говоря: «Сегодня за основу национальной идеи необходимо взять право»³. «Субъектом государственной идеологии является само государство», – считает Ч. Нусупов. – «Значит, в создании, развитии и практическом применении государственной идеологии, направленной на формирование в сознании масс определенных социальных ценностей, ориентиров и установок, прерогатива принадлежит государству и только государству»⁴.

Для того, чтобы построить в Кыргызстане справедливое общество, А. Мамбетов предлагает создать государственную идеологию

---

¹ Ушаков В.Н. Политический ислам в Центральной Азии: основные факторы и перспективы / Отв. ред. В.М. Плоских. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2005. С. 7.

² Каптагаев Э. О государственной идеологии // Кутбилим. 2003. 4 ноября. С. 9.

³ Шукуров Э. Улуттук идея // Кыргыз Туусу. 2002. 12 апреля. С. 12.

⁴ Нусупов Ч. Социальная природа национальной и государственной идеологии // Вестник КГНУ. 2003. № 3. С. 13.

и общественную мораль нового, справедливого, демократического общества¹. Н. Кулматов отмечает, что «при формировании государственности Кыргызстана очень важно учитывать, прежде всего, многонациональность республики. В полиэтническом государстве цементирующим началом должна стать интегрирующая общенациональная идея, которая способна сберечь разумность мышления и поступков человека. При этом она не должна иметь ничего общего с национальной исключительностью и превосходством одних над другими»².

Для того, чтобы население Кыргызстана было достаточно консолидированным, необходима его объективная идентичность. Объективная идентичность общества реализуется через общественную деятельность в сфере экономики, политики, культуры. В данном случае «идентичность общества выступает как нечто цементирующее его изнутри. Внутренняя определенность, как результат разумно конструированного институционального порядка, подкрепленного концептуальными механизмами действия, свидетельствует о достаточно высокой степени идентифицированности»³. Социальная идентичность общества должна поддерживаться всеми членами или, по крайней мере, большинством.

«Перед современным кыргызским обществом стоит архиважная задача разработки концепции обновленной государственной идеологии, включающей в себя решение экономических, социокультурных, политических, этнодемографических и экологических проблем, а также вопросов, связанных с отстаиванием национальных интересов молодого суверенного государства. Тем более, что социально-политические события революций 2005, 2010 годов и последующие митинги еще раз убедительно доказы-

---

¹ *Мамбетов А.* Нам какое общество и какая идеология нужны? Бишкек, 2006. С. 43.

² *Кулматов Н.* Идеология: Новое прочтение. Бишкек, 2003. С. 33.

³ *Иманалиев К.* Национальная идея как фактор политической консолидации общества // Известия Национальной академии наук Кыргызской Республики. 2002. № 1. С. 55.

вают наличие не только социально-экономического, но и духовного кризиса в нашей стране»¹.

Идеология, в зависимости от своего содержания отражающая общественное бытие, по-разному влияет на ход развития жизни людей, этносов и народностей. Научно необоснованные идеологии, искажающие социальную действительность и служащие узким интересам отдельных кланов, уходят с исторической арены, выступают тормозящим фактором общественного прогресса. Тогда как идеология, реально и глубоко обозначающая процессы жизнедеятельности социума, выражает насущные интересы человеческого бытия, людских ресурсов, ускоряет социальный процесс, защищая жизненно важные потребности членов общества.

В условиях суверенного Кыргызстана вопрос о государственной идеологии связан с обретением независимости и становлением демократической государственности. Граждане должны заключать своеобразный общественный договор с государством, каким они хотят видеть создаваемое ими государство, определять порядок избрания органов власти и способы контроля над ними со стороны народа. В таком понимании государственную идеологию можно определить как некую совокупность приоритетных идей и политических ценностей, положенную в основу стратегического развития Кыргызстана.

В новом геополитическом пространстве существуют различные суждения относительно того, нужна ли вообще гражданскому обществу идеология, и, если да, то должна ли она быть государственной или национальной по характеру, т.е. существовать на уровне единой и целостной социальной системы. В качестве примера центральноазиатской страны, где в постсоветский период была разработана национальная идеология, можно назвать Узбекистан. Цель восстановления империи Тимура постоянно культивируется среди населения и задает вектор развития государства. И. Каримов считает, что сегодня мир требует от Узбекистана сказать свое слово, продемонстрировать свои интеллекту-

---

¹ Жеенбаев Ж., Плоских В., Жунушалиев Ж. О концепции государственной идеологии Кыргызстана. <http://www.analitica.org>.

альные возможности: «Сегодня мы должны добиться того, чтобы другие народы и нации по достоинству оценили наши интеллектуальные возможности и потенциал»¹.

Национальная идеология же, согласно президенту Узбекистана, придаст народу новые силы, еще более укрепит его уверенность и целеустремленность в достижении высокой цели, которую они поставили перед собой, – формировании государства с великим будущим: «Национальная идеология Узбекистана должна служить тому, чтобы наша страна, заняв свое достойное место среди государств – соседей по региону, осознав свою роль и значение в мировом сообществе, уверенно шла по избранному ее народом пути, последовательно достигая намеченных целей»².

И. Каримов считает, что:

1) национальная идеология, прежде всего, должна охватывать высшие цели и задачи, поставленные сегодня перед обществом, отражать духовную самобытность, своеобразие и уникальность священных традиций и чаяний нашего народа, формировавшихся на протяжении многих веков и тысячелетий;

2) независимо от разнообразия взглядов и жизненных позиций, стремлений и надежд различных социальных категорий и групп, преобладающих в нашем обществе, веры и убеждений каждого человека, единая идея – идеология призвана объединить их вокруг единого национального знамени, обеспечить приоритет высших интересов и целей народа и государства;

3) национальная идеология узбекского народа должна быть совершенно свободна от любых проявлений элементов агрессивного национализма, экстремизма и тому подобных пороков, неуважительного и пренебрежительного отношения к другим нациям и народам, должна стать надежной опорой в достижении нами уважения среди соседних государств и народов, в мировом сообществе и на международной арене,

---

¹ Жеенбаев Ж., Плоских В., Жунушалиев Ж. О концепции государственной идеологии Кыргызстана. <http://www.analitica.org>.

² Андреева В. Миф об Узбекском государстве. Ч. 1. <http://www.nomad.su>.

4) национальная идея, исходя из высших духовных и общечеловеческих ценностей, должна стать источником мудрости и силы в благородном деле воспитания молодого поколения в духе патриотизма, верности своей земле и Отечеству;

5) она должна органически связывать наше славное прошлое и великое будущее, чтобы мы могли по достоинству гордиться бессмертным наследием наших великих предков, и, вместе с тем, открыть нам широкую возможность владеть достижениями мировой культуры и прогресса¹.

Основываясь на этих принципах, узбекский лидер сознательно и целенаправленно возрождает образ основателя среднеазиатской империи Амира Тимура. Девятого апреля 2009 года в Узбекистане отмечалось 670 лет со дня рождения Амира Тимура – «великого предка узбеков», «гордости нации». Возвеличивание Тамерлана в Узбекистане – дело государственной важности. В годы независимости там был учрежден орден Амира Тимура. Во многих городах республики воздвигнуты величественные памятники Сахибкирану. Его именем называют скверы, проспекты, станции метро, учреждения культуры и школы. За годы независимости Узбекистана государственная идеология, возводящая формирование узбекской нации к легендарной империи Амира Тимура, породила, согласно И. Каримову, сильную духом нацию: «Восприятие личности Амира Тимура означает восприятие истории. Постичь Амира Тимура – это значит постичь себя. Возвеличивать Амира Тимура – это значит укреплять нашу веру в великое будущее страны, опираясь на наши корни, уходящие в глубь истории, на нашу культуру и мощь»².

Свое стремление к политическому, экономическому и военному лидерству среди государств Средней Азии Узбекистан также строит на разработке новой имперской модели по образцу древнего завоевателя, выдвигая идею объединения тюркоязычных государств региона под своим руководством в единое государство.

---

¹ *Андреева В.* Миф об Узбекском государстве. Ч. 1. <http://www.nomad.su>.

² *Абдольхофф К.* Формирования государственной идеологии современного Узбекистана на образе Тамерлана. <http://www.centrasia.ru>.

Конечно, идея возрождения «Великого Туркестана» в его древних границах не нова, но Узбекистан предлагает ее не в исламистском, а в светском варианте, по примеру Турции, что сразу резко сужает базу опоры в почти полностью исламском регионе. Тем не менее, ради ее воплощения, И. Каримов предпринимал и принимает всемерные усилия. По его словам, «естественно, что государственная система, ее управление и проводимая политика, прежде всего, должны строиться на основе конкретно сформулированной идеологии»¹.

Таким образом, идеологии играют важную роль в функционировании государств Центральной Азии. Они могут обеспечить единство в обществе и легитимность правящих режимов. Проекты А. Акаева по выработке официальной идеологии, которые поддерживали идеи мирного сосуществования в многонациональном обществе Кыргызстана, были подорваны после его свержения в марте 2005 года. Сегодня в стране нет ни одной ценности, которую разделяли бы представители всех слоев и профессий, регионов и конфессий. У каждого есть личные интересы и потребности, убеждения и представления. Сегодня Правительство Кыргызстана сталкивается с триединой задачей: предотвращение оттока представителей этнических меньшинств, смягчение существующей напряженности в межэтнических отношениях и повышение популярности кыргызского языка. Что же касается Узбекистана, то в этом государстве уже оформилась государственная идеология, ориентирующая узбекский народ на построение сильного государства, возрождение империи Амира Тимура. Это, в первую очередь, обосновывается тем, что Узбекистан расположен в нестабильном регионе, а фигура Амира Тимура является символом древности и величия узбекского народа. Это способствует повышению национального самосознания и духа узбеков.

Возвращаясь к проблемам конструирования идеологии Кыргызстана, необходимо отметить, что она должна быть разра-

---

¹ *Файзулаев Д.* Узбекистан – Киргизия. Политико-экономические последствия территориальных проблем // *Власть.* 2005. № 4. С. 21.

ботана и развита на уровне полноправного государства, то есть быть государственной. Определение социально-экономического, культурного и политического образования населения во многом зависит от того, какую по содержанию и функциональной направленности идеологию будет использовать гражданское общество. Станет ли она теоретической платформой и программой действий, направленных на преобразование общественных отношений в подлинно демократическое русло в условиях глобализации. «Наша новая государственная идеология должна включать в себя такие составляющие элементы, как политико-правовое сознание, политическое убеждение, идейно-теоретические и нравственные ценности, идеалы, нормы и директивы деятельности субъектов (граждане, этносы, нации и народности) кыргызского общества. Государственную идеологию необходимо рассматривать, как научную теорию развития социума, в которой охвачены все уровни социально-экономической и духовной жизни людей. Она должна быть направлена на формирование у различных поколений идейных знаний, воззрений и политико-нравственных парадигм о сущности и закономерностях функционирования страны в перспективе, активизирующей созидательно-творческой деятельности кыргызстанцев. Именно формирование и развитие идеологических форм (политическая, философская, правовая, эстетическая и нравственная и др.) пронизывают все сферы жизнедеятельности населения и государственного строя, способствуют действительному становлению общественных отношений, адекватным современным реалиям гуманизации и глобализации, магистральным путям, раскрывают историческую направленность мирового развития и прогрессивно-циклического движения общества»¹.

Однако, для успешной реализации разработанной на этих принципах идеологии Кыргызстану необходимо решить свою главную проблему неуправляемого, деструктивного свободолюбия, т.е. недостатки «полудемократии», которая при А. Акаеве

---

¹ Жеенбаев Ж., Плоских В., Жунушалиев Ж. О концепции государственной идеологии Кыргызстана. <http://www.analitica.org>.

не позволила воспитать в нас дух патриотизма, в отличие от нашего соседа Узбекистана. Так как мы испокон веков являемся кочевым народом, так как мы являемся «сборной нацией», о каком патриотизме может идти речь, если никто не заинтересован в этом? Идеология должна быть закреплена документом, у нас этого нет, мы в постоянном поиске информации, но, к сожалению, самой сути нет.

Б.К. Бектурганова
канд. ист. наук, доцент
кафедры политологии КРСУ

СОЦИАЛЬНАЯ МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СТРАТИФИКАЦИОННЫХ СДВИГОВ В КЫРГЫЗСТАНЕ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Маргинальность – социологическое понятие, обозначающее промежуточность, «пограничность» положения человека между какими-либо социальными группами. Впервые в социологический оборот понятие маргинальность (от лат. *margo* – край, граница) ввел в 1928 году глава Чикагской социологической школы Роберт Эзра Парк в статье «Человеческая миграция и маргинальный человек»¹. Р. Парк отмечал, что периоды перехода и кризиса в жизни большинства людей сравнимы с теми, которые переживает мигрант, когда он покидает родину, чтобы искать счастье в чужой стране. Правда, в отличие от миграционных переживаний, маргинальный кризис является хроническим и непрерывным, в результате, он имеет тенденцию превращаться в тип личности. Он считал, что «маргинальная личность» обладает рядом характерных черт: беспокойством, агрессивностью, честолюбием, чувствительностью, стесненностью, эгоцентричностью.

Как правило, маргинальное состояние возникает в следующих случаях: при переходе индивида из одной социальной среды в другую, при кардинальном изменении образа жизни, вида профессиональной деятельности, системы социальной коммуникации, при смене социального, профессионального, экономического, политического или религиозного статуса.

---

¹ *Park R.E. Human Migration and Marginal Man // American Journal of Sociology. 1928. Vol. 33. № 6. P. 893.*

Маргиналы – обозначение личностей, социальных слоев или групп, находящихся на «окраинах», на «обочинах» или попросту за рамками характерных для данного общества основных структурных подразделений или господствующих социально-культурных норм и традиций.

Огромное количество людей являются маргинальными личностями. Это эмигранты, те, кто быстро приобрел тот или иной социальный статус, лица, обращенные в новую религию. Типичный пример – перемещение сельских жителей в города, еще это слово близко по значению к слову «лимита». Характерный пример маргинальности – эмигрантские кварталы Нью-Йорка: китайский Чайна-Таун и русский Брайтон-Бич. Другой пример – маргиналы как подкласс постсоветского общества, возникший в результате «ломки» старых и появления новых социально-экономических отношений в 90-е годы XX века. Причем, к числу маргиналов тогда стали относиться представители обоих полюсов социального неравенства: низшие слои общества («социальное дно») и так называемые «новые богатые».

Процесс маргинализации сопровождается утратой индивидом субъективной идентификации с определенной группой, сменой социально-психологических установок, уходом от одних культурных норм, образцов социального действия и невозможностью обретения новых социальных регуляторов, связанных с переходом в новую идентичность¹.

Выделяют следующие основные виды маргинальности:

1) собственно социальная маргинальность (например, группы, которые порвали связь с прежним социальным слоем, но не сумели адаптироваться к новой социокультурной среде другой страны);

2) экономическая маргинальность, которая сводится в основном к феномену безработицы, как вынужденной, так и намеренной (в последнем случае безработный живет на деньги, выплачиваемые ему в качестве пособия государством или иными структурами);

---

¹ Шалагинова Н.А. Социальная маргинальность: характерологические свойства и типологические признаки: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Н.А. Шалагинова. Ростов-н/Д., 2012. С. 13.

3) политическая маргинальность, при которой индивидов не устраивают существующие формы политической жизни;

4) религиозная маргинальность, при которой человек находится вне конфессий и не может совершить выбор в пользу одной из них.

Некоторыми учеными рассматривается также биологическая маргинальность, связанная с нарушением здоровья, инвалидностью; этническая маргинальность, т.е. принадлежность к одному из национальных меньшинств; возрастная маргинальность, возникающая в результате разрыва между поколениями; криминальная маргинальность¹.

Трансформационные изменения на всем постсоветском пространстве, в том числе в Кыргызстане, привели к кардинальным сдвигам в стратификационной модели общества, изменив не только социально-профессиональный статус, уровень доходов, но и ценностную, мировоззренческую ориентацию индивидов. Современное общество в Кыргызстане по большей части можно охарактеризовать как маргинальное, так как его отличительными особенностями являются неопределенность и незавершенность процесса формирования социальной позиции и связей многих статусных групп, отсутствие преемственности в межпоколенных связях, передаче профессиональных навыков и опыта, ломка традиционных ценностей и норм поведения.

Чтобы проанализировать особенности стратификационных сдвигов, необходимо рассмотреть социальную структуру советского периода. Ко времени становления советского общества относится первая крупная волна маргинализации, наступившая после революции 1917 года. Из социальной структуры насильственно были выбиты два класса – феодальная аристократия и зарождавшаяся буржуазия, входившие в элиту кыргызского общества. Новая пролетарская элита стала формироваться из низших классов – рабочих и крестьян. Была нарушена обычная для стабильного общества траектория социального восхождения через средний класс. Такой путь восходящей социальной мобильности сохранялся вплоть до начала 70-х годов, когда советские социологи впервые установили,

---

¹ <http://www.studentu-vuza.ru/sotsiologiya/lektcii/marginalnost.html/>

что все классы и слои нашего общества теперь воспроизводятся на собственной основе, т.е. только за счет представителей своего класса. Так продолжалось всего два десятилетия, которые можно считать периодом стабилизации советского общества и отсутствия массовой маргинализации.

Вторая волна маргинализации наступила в начале 90-х годов, также в результате качественных изменений социальной структуры общества. Элита общества с начала 90-х годов формировалась из разных групп среднего советского класса и интеллигенции, криминалитета. Эпоха первоначального накопления на ранней фазе капитализма вызвала к жизни брожение во всех слоях общества. Путь к обогащению в этот период, как правило, лежал вне правового пространства. В элиту вошла также номенклатура, которая оказалась у рычагов власти, когда предстояло делить общенародную собственность.

Напротив, преобладающая часть среднего класса совершила нисходящую мобильность и пополнила ряды бедных. В отличие от старых бедных (деклассированных элементов: хронических алкоголиков, нищих, бездомных, наркоманов, проституток), существующих в любом обществе, эту часть называют «новыми бедными». Они являют собой специфическую особенность стратификационных сдвигов постсоветского, в том числе кыргызского, общества. Первая отличительная черта – высокий уровень образования. Учителя, преподаватели, инженеры, врачи и другие категории бюджетников оказались среди бедных только по экономическому критерию – доходам. Но они не являются таковыми по другим, более важным критериям, связанным с образованием, культурой и уровнем жизни. В отличие от старых, хронических бедных «новые бедные» – временная категория. Они являются потенциальным средним классом при изменении экономической ситуации в стране в лучшую сторону.

Радикальные изменения социальной структуры кыргызского общества в 90-е годы связаны с поляризацией среднего класса, расслоением его на два полюса, пополнивших верхи и низы общества. В результате численность этого класса существенно сократилась.

В маргинальной ситуации оказались и представители низшего класса, пополнившие ряды «новых кыргызов». Зачастую они

демонстрируют модель поведения, не соответствующую их новому экономическому статусу.

Таким образом, при советской стратификационной системе, когда государство уделяло большое внимание социальному положению, стимулируя продвижение по служебной лестнице выходцев из рабоче-крестьянских семей, была масса примеров восходящей мобильности. Тогда как в условиях установления рыночных отношений мы наблюдаем обратную картину: примеры массового обнищания и нисходящей мобильности в результате потери профессии, снижения уровня дохода. К примеру, на сегодняшний день верхушку социальной пирамиды Кыргызстана составляет слой крупных предпринимателей, чиновников высокого ранга. Большинство граждан относится к категории бедных – это крестьяне, учителя, врачи, работники сферы услуг, составляющие 75 % населения страны¹. Кроме того, одним из последствий сдвигов в стратификационной модели стала сильная социальная поляризация. В 2010 году разница между доходами 10 % самых богатых и самых бедных кыргызстанцев составила 15 раз. По мнению же экспертов, при полном учете доходов, связанных с коррупционной деятельностью чиновников всех рангов, и сверхприбылей, получаемых собственниками от теневых производств, разрыв в доходах может достигнуть двадцатикратного размера².

Основными социальными слоями, подвергшимися маргинализации, стали:

1) в начале 90-х годов очень активно шла внутренняя миграция кыргызского населения, которое перебиралось в основном из сел страны в крупные города: Бишкек, Токмак, Ош, Джалал-Абад. Слабой адаптации к городской культуре способствовали такие факторы, как компактное расселение мигрантов в пределах так называемых «новостроек» столицы и других крупных городов, массовый наплыв сельчан в города привел к размыванию слоя городской субкультуры;

---

¹ *Оторбаев Д.* <http://gazeta.kg/article/2005-11-18/17858>

² *Асанбеков М.К.* Социальное расслоение и рецидивы революций в Кыргызстане. <http://www.easttime.ru/analytics/kyrgyzstan>.

2) жители малых и средних городов Кыргызстана, которые имели несколько или одно предприятие, – это Таш-Кумыр, Кызыл-Кия, Сулюкта, либо ориентирующиеся на добычу или переработку местного сырья – Нарын, Узген, Карасу, Талас, где рынок труда оказался чрезвычайно узким и устроиться на работу стало невозможно, особенно если единственное в городе предприятие закрылось. Это в основном работники с высокой квалификацией, которые потеряли рабочие места и оказались никому не нужны. Конечно, часть из них трудоустроилась, но в большинстве случаев это были примеры нисходящей мобильности;

3) массовое обнищание населения в начале 90-х привело к переходу среднего класса в другие стратификационные измерения либо по восходящей, либо по нисходящей. В советский период в Кыргызстане, как и в других странах, существовал значительный слой населения, представлявший собой потенциальный средний класс (интеллигенция, служащие, высококвалифицированные рабочие). Сейчас процесс сложения нового среднего класса значительно усложнился вследствие его малочисленности;

4) этому процессу оказались подвержены малоимущие, многодетные семьи, инвалиды, интеллигенция, все те, кто и при советской системе не имел доступа к распределительным рычагам экономических и властных ресурсов;

5) самое печальное, что в категорию «новых бедных» попали многие представители науки и культуры. Сегодня в Кыргызстане доля отчислений на науку, образование, здравоохранение, культуру в бюджете катастрофически уменьшается и продолжает финансироваться по остаточному принципу. Сокращаются ряды научных работников, многие специалисты высшей категории переходят в коммерческие структуры и дисквалифицируются;

6) увеличивающийся слой гастрабайтеров. Актуальной остается проблема «утечки мозгов». В начале 90-х страну покинуло огромное количество квалифицированных кадров, в основном русских, немцев, евреев. В 2000-х годах Кыргызстан стали покидать квалифицированные врачи, учителя, одаренная молодежь с целью получения образования и дальнейшего трудоустройства в странах ближнего

и дальнего зарубежья. Последняя волна трудовой миграции затронула уже представителей титульного этноса. Сегодня половина активной трудоспособной части населения Кыргызстана находится на заработках в России, Казахстане и т.д. Кыргызцы вместе с другими мигрантами из стран ближнего зарубежья помогают решать проблему обеспеченности трудовыми ресурсами и в целом решают проблему демографической депопуляции России. Вместе с тем, у нас самих может возникнуть угроза депопуляции, так как миграция происходит на фоне снижения рождаемости в республике и сохранения высокой смертности.

Таким образом, основным каналом социальной маргинализации кыргызстанцев сегодня стала массовая внутренняя, а сейчас уже больше и внешняя трудовая миграция наших соотечественников в страны ближнего и дальнего зарубежья.

В условиях радикального преобразования кыргызского общества в его социальной стратификации происходят глубокие изменения, которые имеют ряд характерных черт. Во-первых, наблюдается тотальная маргинализация кыргызского общества. Дать ей оценку, а также спрогнозировать ее социальные последствия можно лишь исходя из всей совокупности конкретных процессов и условий, в которой это явление функционирует. Во-вторых, актуальной остается проблема социальной самоидентификации. Эта проблема остро стоит у работников сферы образования, медицины, престижность профессий которых заметно упала в обществе, где существенным показателем становится не уровень знаний и профессионализма, а уровень доходов человека. К примеру, даже для слоя богатых характерна эта проблема, так как в любой стране общества постепенно должны складываться свои нормы поведения, этикета, социальные установки, идеологические ориентиры, ценности, своя субкультура, как, к примеру, это происходило среди аристократических кругов Европы. В-третьих, налицо процесс становления социальной структуры общества, сложения новых социальных слоев. Это сложный и противоречивый процесс, сопровождающийся наложением и взаимодействием одной социальной структуры

на другую. Отсюда неустойчивость, фрагментарность, ломкость процесса социальной стратификации¹.

В-четвертых, одним из проявлений процесса незавершенности является проблема партийного строительства в Кыргызстане. Ведь большинство партий не имеет своей твердой социальной базы, интересы которой, по сути, она призвана защищать. Этого не происходит также и потому, что внутри самих социальных слоев не укрепились социальные связи, нет понимания общности интересов и желания их отстаивать через политические механизмы.

Процесс выхода из «пограничного» состояния достаточно индивидуален и во многом зависит от личностных характеристик, мотивации человека. Вместе с тем социально-экономическая, политическая ситуация в стране также влияет на процесс ресоциализации в новом статусе. Опасность здесь кроется в том, что маргинализация как социальный процесс, имеющий массовый и затяжной характер, может привести к появлению устойчивого типа маргинальной личности.

Некоторые специалисты полагают, что маргинальность – это однопоколенное явление, временный фантом. Приехавшие из сельской местности в города – маргиналы, но их дети лишь наследуют по инерции некие элементы маргинальной субкультуры. А уже во втором–третьем поколении эта проблема исчезает и маргинальность преодолевается. Важным барьером в период адаптации при этом становится принятие субкультуры идентифицируемой страты.

В заключении хочется отметить, что проблема маргинальности остается одним из актуальных направлений исследования социальной стратификации кыргызского общества, так как формирующаяся в настоящее время социальная иерархия отличается противоречивостью, неустойчивостью и склонностью к существенным переменам. В случае сохранения массового и затяжного характера маргинализации это может стать одной из предпосылок будущих конфликтов в обществе.

---

¹ Борсокбаева Ч. Социальные факторы в процессе преподавания истории Кыргызстана. Изменение социальной структуры и общественное сознание. <http://mugalim.kg/ru/mugalim/242/>

Б. Борубаева

магистрант кафедры политологии КРСУ

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ И ФАКТОР ВЛИЯНИЯ СМИ НА МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Войны XX и XXI веков показывают, что столкновение цивилизаций усиливается, и вопросов здесь больше, чем ответов. Межэтнические конфликты в современном мире представляют собой неразрешимый клубок противоречий, завязанный в результате продолжительных исторических событий, имеющих под собой сугубо политические и экономические причины. С другой стороны, развитие средств массовой информации и массовой коммуникации и современных медиа-технологий может носить миротворческий характер, а может стать детонатором и только разжечь межэтнические конфликты.

В данной работе мы постараемся выявить фактор влияния СМИ на межэтнические конфликты и проследить взаимосвязь между источниками конфликтов и поступающей информацией массового распространения.

Для стран Центральноазиатского региона проблемы межэтнических столкновений уходят в историю формирования границ республик в советский период, с чем связана сложность разрешения проблем на современном этапе. Незавершенный процесс демаркации границ и наличие анклавных территорий в Центральной Азии ведет к возникновению пограничных споров и политическому тупику в решении межэтнических проблем.

За два десятилетия независимости Кыргызской Республики произошло два крупных кровавых конфликта на юге страны, связанных с неразрешенными вопросами в политической, эконо-

мической, социальной, культурной, языковой сферах общественного устройства. Но и после них мы видим лишь ряд декларативных заявлений и невыполняемые обещания правительства по разрешению межэтнической напряженности. Был подписан ряд документов по межкультурному сотрудничеству и развитию прав и свобод для «этнических меньшинств» Кыргызстана, в рамках этого вопроса обсуждался статус Ассамблеи народов Кыргызстана (АНК). Однако все эти действия приводят к номинальному результату и не дают возможности для разрешения сложного комплекса межэтнических взаимоотношений. Этнический конфликт нужно рассматривать не как конфликт между народами. Под этническим конфликтом здесь понимаем «любую форму гражданского противостояния, при которой хотя бы одна из конфликтующих сторон мобилизуется по этническим границам или от имени этнической общности»¹.

На межэтнические и межкультурные коммуникации оказывают влияние исторически сложившиеся стереотипы в общественном сознании. Стереотипы не всегда отражают в адекватной форме прошлый и настоящий опыт межэтнических отношений – как негативные, так и позитивные их моменты. В исследовании стереотипов сформировалось несколько подходов, посвященных изучению различных аспектов феномена. В рамках одного из них стереотип рассматривается как особый элемент, участвующий в процессе формирования социальной группы (Г. Тежфел). Здесь важно отметить взаимосвязь между формированием стереотипов и соответствующим поведением: «в рамках каждой культуры создаются определённые устойчивые упрощенные образы идентификации других и предписываются нормы отношения к ним в стандартных социокультурных ситуациях. Стереотипы служат для упрощения повседневной жизни людей, иными словами, люди воспринимают ситуации обыденной жизни через идентифицирующие их стереотипы»².

---

¹ *Литвинова Е.И.* Брат мой – враг мой...? СМИ и внутривнутриполитические конфликты. Бишкек, 2012. С. 25.

² *Tajfel H.* Social Steriotypes and Social Groups // Intergroup Behavior. Oxford, 1981.

Специалист по этническим конфликтам и мультикультурализму В.А. Харченко отмечает в своей статье, что стереотипы, будучи «этническими образами», транслируются через язык, семью, религиозные институты, этнические и поселенческие общины, народное творчество, исторические знания, произведения искусства, литературу, СМИ и т.д.¹ Российский исследователь А.А. Малашенко подчеркивает, что этнические стереотипы всегда эксплицитны, т.е. порождают разного рода фобии, направленные на иные этнические группы, с которыми осуществляется контакт². Таким образом, существует почва для того, чтобы в результате действия внутренних для группы этнопсихологических механизмов возникла направленность в этнополитической сфере. Этнические стереотипы выступают механизмами формирования этноцентризма, политизация которого приводит к этнонационализму³. В средствах массовой информации может происходить формирование определенного стереотипа, который негативно воздействует на психологическое массовое сознание, что может вызывать реакционные деструктивные проявления. Адекватность освещения территориальных, языковых, миграционных вопросов в средствах массовой информации оказывает огромное влияние на климат межэтнических отношений соседних государств и может привести к необратимым процессам в случае некорректного освещения или фальсификации данных, а также при создании информационного вакуума, что становится причиной распространения слухов и дезинформации.

На фоне снижения качества уровня образования доминирование в общественном информационном поле развлекательных и не рефлексивных направлений ведет к появлению «одномерного человека», что позволяет некритично относиться к реальности, мыслить стереотипами, становясь объектом манипуляций и объектом

---

¹ Харченко В.А. Роль этнических стереотипов во внутригосударственных межэтнических конфликтах // Брат мой – враг мой...? / СМИ и внутривнутриполитические конфликты. Бишкек, 2012. С. 35.

² Там же. С. 33.

³ Малашенко А.А. Реальность этнических мифов / Под ред. М. Олкотт и А. Малашенко. С. 20–21.

сбыта товаров и идеологических мифов. Дискурсивный анализ печатных и телевизионных СМИ Кыргызстана показывает, что большая часть информации направлена на конструирование мифов со стороны национальных элит, где происходит обращение культурных ценностей в национальную идеологию, как это сейчас происходит с эпосом «Манас», без учета реалий современных вызовов, где все идеалы обращены в прошлое, а не в будущее. Создается идеологический миф о том, что «земля Кыргызстана» – это земля «кыргызов», строится дизайн образа, держущийся на патриархальных ценностях и моделирующей поведение «настоящего кыргыза», где, например, роль женщины заключается в продолжении рода «настоящих кыргызов». Это говорит об отсутствии полиэтнического образа населения Кыргызской Республики в публичном информационном потоке кыргызстанских СМИ и маргинальном положении «этнических меньшинств», что сказывается на их возможности доступа к образованию, представленности во властных структурах, бизнесе, науке, культуре и т.д. Таким образом, очертания этнополитологических понятий этноса и нации размываются и стирается понимание нации как гражданственности, в результате чего происходит гомогенизация определений. Получается, что в национальном государстве нет категории кыргызстанцев, а население состоит из кыргызов и не кыргызов. Причем кыргызы, как нациообразующий этнос, являются доминирующей группой, а все остальные – это «другие», соседи или, в крайнем случае, «гости», хотя они также родились в Кыргызстане, здесь живут, работают, юридически имеют кыргызское гражданство и являются полноценными гражданами Кыргызстана.

Попытки отстранения статуса русского языка правящими элитами и закрепление в нормативно-правовой базе неравного статуса русского и кыргызского языка приводит к лишению возможности осуществления межкультурной коммуникации через язык-транслятор. Здесь идет речь о законах, направленных на утверждения кыргызского языка как единственного возможного для государственного управления и ведения всех официальных документов,

что объясняется необходимостью сохранения государственного языка. Здесь можно привести пример Таджикистана, который перевел все ведение делопроизводства на таджикский язык, в результате чего этнические кыргызы, являющиеся гражданами Таджикистана и проживающие сейчас в Горно-Бадахшанской Автономной области в горах Памира, являются отстраненными от возможности свободной коммуникации с органами власти. Они не способны оформить даже самые простые юридические документы ввиду незнания таджикского языка, что ограничивает их права и возможности. Сложность языкового вопроса ведет также к отсутствию единого информационного пространства среди разных этнических групп, что приводит к ограниченности доступа к информации той или иной группы. Информационное поле СМИ в Кыргызской Республике поделено на языковые зоны с автономным, дискурсивно-ориентированным контентом, где одна информация автоматически становится недоступной для определенной группы в силу языковых барьеров. Ввиду отсутствия политики создания субтитров на телевидении информационные потоки не снабжаются кыргызскими субтитрами для русскоязычных каналов и, наоборот, локальная кыргызоязычная киноиндустрия не всегда рассчитана на русскоговорящего зрителя, что ограничивает обмен идеями и обсуждение проблем на символическом уровне, а также ведет к образованию стереотипов и отсутствию точек соприкосновения в межэтническом диалоге.

Таким образом нарастает отчуждение между различными этническими и языковыми группами, что приводит к дестабилизации обстановки в межэтническом климате отношений.

В.А. Лефевр в статье «Просчеты миротворчества» анализирует причины этнических конфликтов и приходит к выводу, что «в зонах этнических конфронтации окончательно разрешить конфликт нельзя: он все равно перейдет к следующим поколениям. Можно только остановить уничтожение людей, и именно это должно быть главной целью»¹. остано-

---

¹ *Лефевр В.А.* Просчеты миротворчества // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 2. С. 48–51.

вить сложный межэтнический конфликт в активной фазе эскалации – трудновыполнимая задача, несущая большие жертвы и требующая колоссальных затрат ресурсов. Зачастую встает необходимость привлечения внешней международной помощи, поэтому их лучше преждевременно выявлять и диверсифицировать риски их возникновения и усиления. Необходима своеобразная «межэтническая» профилактика возможных конфликтов, для этого важно проводить на перманентной основе этнополитический мониторинг. В работах В.А. Тишкова под этнополитическим мониторингом понимается «основанная на локально-корпоративном анализе способность оценивать социально-культурную и политическую ситуацию в многоэтнических странах, регионах и местных сообществах с целью сохранения и развития этнокультурного многообразия, определения существующей или потенциальной угрозы конфликта, и способность донести соответствующую оценку для принятия превентивных мер со стороны общества и государства»¹.

С целью проведения этнологического мониторинга на постсоветском пространстве и регулярной публикации его результатов, в 1993 году на базе Института этнологии и антропологии Российской академии наук была создана независимая экспертная организация – Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (сейчас она зарегистрирована как региональная общественная организация «Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов»²).

Важным инструментом здесь является метод мониторинга, в котором сочетаются качественный анализ на основе экспертных оценок и формализованный замер динамики ситуации на основе модели из 46 индикаторов, объединенных в семь категорий.

---

¹ Тишков В.А. Опыт этнологического мониторинга. М., 2004. С. 6.

² Хоперская Л.Л. Мониторинг этнополитических процессов как условие предупреждения внутригосударственных конфликтов (на материалах киргизской республики) // Брат мой – враг мой...? СМИ и внутриполитические конфликты. Бишкек, 2012. С. 24.

Ежеквартальная оценка строится по следующим критериям:

Среда и ресурсы: 1) энергоресурсы, водные ресурсы (питьевая вода, ирригация, водные пути, промысел); 2) земельные ресурсы (качество и цена, размер на человека, доступность, владение, лес и др. уголья); 3) недра (использование, доступ, дивиденды); 4) техногенное воздействие (опасные производственные выбросы, отходы, изъятия, компенсации); 5) бедствия и катастрофы (стихийные, экологические, промышленные, спровоцированные).

Демография и миграция: 1) расселение (плотность, динамика численности, этнические пропорции, степень урбанизации); 2) смешанные браки и разводимость, неполные семьи, полигамия; 3) естественное движение населения (рождаемость, смертность, продолжительность жизни, демографическая политика); 4) механическое движение населения (миграция, беженцы, временные жители, нелегальная миграция).

Власть, государство и политика: 1) государственно-административный статус; 2) доктрина и режим власти (федерализм, унитаризм, местное управление, партии и движения, выборы и смена власти, законодательство, госпрограммы); 3) этническое представительство (в органах власти, бизнесе, информационной и научно-образовательной сферах); 4) отношение «центр – регион» (правовые основы, переговоры, контакты, выгоды и обременительность); 5) права человека и коллективные права (правовая обеспеченность, нарушения, контроль, административное давление и тяготы, правозащитная деятельность); 6) общественный порядок и контроль за оружием, противодействие терроризму, вооруженные столкновения, экстремизм, акции общественного неповиновения, судебные разбирательства и исполнение; 7) компетентность и авторитет властей и лидеров, коррупция; 8) официальная символика и календарь.

Экономика и социальная сфера: 1) производство и динамика цен; 2) уровень и расхождение доходов; 3) занятость и безработица; 4) разделение труда (этническое, региональное, отраслевое, на уровне общин, обмен услугами, торговое посредничество, престиж занятия); 5) социально-профессиональная мобильность

(продвижение этнических групп, изменение статуса в трудовой деятельности, наличие маргиналов и их состав); 6) участие в приватизации, купле-продаже земли; 7) состояние социальной защищенности, обеспеченность жильем, здоровье и заболеваемость; 8) преступность и бытовое насилие, наркомания.

Культура, образование, информация: 1) культурное доминирование; 2) религиозная жизнь (конфессиональный состав и изменения, наличие и доступность храмов и мечетей, возможность совершать обряды, наличие и состояние святынь, лидеры и прозелитическая деятельность, роль в государстве, регионе, общинах, отношения между общинами); 3) языковая ситуация (законы и инструкции, язык власти, бизнеса, образования, информации, в том числе Интернета, язык межгрупповых контактов); 4) школьное образование (доступ, обеспеченность, гарантии, учительский состав, учебные материалы); 5) высшее образование (условия поступления, состав студентов, содержание программ, студенческая жизнь); 6) средства массовой информации (состав, контроль и цензура, характер программ и текстов, влияние на общество, этнический состав журналистов и телеведущих); 7) традиционные праздники и обряды (условия, поддержка властей, политическая окраска, участие разных групп населения); 8) исторический дискурс.

Контакты и стереотипы: 1) групповые требования и жалобы; 2) прошлые конфликты и коллективные травмы, этнические стереотипы (положительные и отрицательные, распространенность и использование, обидные клички, официальное противодействие); 3) изменение в самосознании (соотношение этнического и гражданского, местного и регионального, воздержание старых идентичностей и появление новых); 4) мифы, страхи и слухи; 5) наличие групповой идеи и идеологии; 6) уровень толерантности (межгрупповая ненависть, стычки и насилие, дискриминация, отношение к меньшинствам и новым группам, отношения между пришлыми, молодежные группировки).

Внешние условия: 1) наличие и влияние диаспор; 2) стабильность / нестабильность соседних и пограничных регионов и стран; 3) влияние международных политических процессов

и межгосударственного соперничества, деятельность зарубежных организаций; 4) территориальные претензии и проблема границ; 5) внешние связи и сотрудничество; 6) меняющийся имидж (страны, региона, народа, общины, режима в стране, регионе)¹.

По результатам мониторинга было выявлено, что в Кыргызстане за годы революционных перемен состояние высокого напряжения приобрело системный характер. Многие источники напряженности (связанные, в первую очередь, с дележом власти, земли и собственности), действовавшие и в предыдущие годы, после апрельской революции усилились. В итоге, конфликтный потенциал 2005 года еще более проявил себя в 2010 – первой половине 2011. Данные этнополитического мониторинга в Кыргызстане за период 2008–2011 годы дают представление о наиболее значимых проблемах развития этнополитики. Опыт этнополитического мониторинга ситуации в современной Кыргызской Республике, где степень динамичности политических процессов является одной из самых высоких на постсоветском пространстве, с точки зрения Л.Л. Хоперской, наглядно показывает необходимость учета этнического характера при проведении преобразований в любой сфере общественной жизни и на любом ее уровне².

Социальная практика закономерно подвела к необходимости теоретического осмысления и широкого использования научной экспертизы управленческих решений, применения научных методов в своевременном выявлении отклонений от приемлемых путей развития общества и государства. Проектом по выявлению конфликтов в Кыргызстане была создана программа, где представлена карта конфликтов по республике с основными показателями и данными по конфликту. Необходимо в рамках наднациональных органов и межправительских организаций, таких

¹ *Тишков В.А., Степанов В.В.* Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 году. М., 2004. С. 15–16.

² *Хоперская Л.Л.* Мониторинг этнополитических процессов как условие предупреждения внутригосударственных конфликтов (на материалах киргизской республики) // Брат мой – враг мой...? СМИ и внутриполитические конфликты. Бишкек, 2012. С. 31–32.

как ОДКБ и ШОС, разработать такие карты для всего региона в целом, для построения адекватной картины и моментального использования мер их предотвращения.

Для этнологического мониторинга и предупреждения конфликтов требуется мобилизация разных действующих участников межэтнического диалога: государственных структур, гражданских активистов, научного сообщества, бизнеса, реформирование принципов и подходов в освещении этнополитических вопросов, формирование новой повестки открытого обсуждения острых межэтнических проблем, а также, что немаловажно, формирование у нового читателя критического подхода к осмыслению поступаемой информации, его анализ и рефлексия.

В контексте рефлексивного подхода можно выделить две типовые альтернативные схемы, которые возможны при освещении этнополитологических вопросов: либо формирование мыслящей среды с развитием критического мышления, либо установление тотального контроля над СМИ и реализации стратегической концепции по вопросам мультикультурализма и полиэтничности. Наиболее инвариантные и эффективные механизмы формирования и разрушения субъектности связаны с воздействиями на рефлексивные структуры сознания. Философ и психолог С.Л. Рубинштейн¹ выделил два базовых способа существования человека как субъекта жизни. Первый – жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек (его можно назвать «реактивным»). Второй связан с появлением рефлексии. Сознание выступает как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее, для суждения о ней («рефлексивный» способ существования). В изменяющемся обществе особенно актуален второй способ существования человека как субъекта жизни – рефлексивный. Это связано с высокой динамикой процессов самоопределения человека и соорганизации индивидов для осуществления властных

---

¹ Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. С. 253–381.

полномочий, развития личности, общества и государства. Самая важная психологическая проблема в изменяющемся обществе – это проблема стимулирования и поддержки рефлексивного способа существования человека (группы) как субъекта жизни¹.

Амбивалентность влияния СМИ на межэтнические конфликты обозначена в анализе положительных и негативных факторах воздействия.

Негативные стороны влияние СМИ на межэтнические конфликты:

- отсутствие четко выраженной гражданской позиции СМИ;
- широко распространенный заказной характер деятельности СМИ;
- пассивная (а порой и негативная) позиция СМИ в сохранении и развитии «здорового» межэтнического диалога;
- доминанта коммерческих интересов при использовании в СМИ сенсационных материалов.

Положительные стороны влияния СМИ на межэтнические конфликты: источник информации и широкий охват населения;

- мониторинг и выявление, «вскрытие» опасных конфликтногенных зон и превентивные меры по разрешению конфликтов до его эскалации;
- общественная публичная площадка для построения межэтнического диалога;
- СМИ как медиатор;
- возможность формирования нового мультикультурного менталитета и толерантности через СМИ.

В заключение отметим, что прогнозирование социальных и межэтнических конфликтов и вопросы применения его результатов в социальном управлении, практической деятельности органов власти и управления требуют, безусловно, дальнейшего развития в плане теоретического осмысления и практического использования.

---

¹ *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированная парадигма СМИ: гармония информационной безопасности и развития России // Информационная и психологическая безопасность в СМИ: в 2 т. Т. 1: Телевизионные и рекламные коммуникации / под ред. А.И. Донцова, Я.Н. Засурского, Л.В. Матвеевой, А.И. Подольского. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 19–29.

Для оптимального построения информационного и аналитического обеспечения органов власти требуется углубленное изучение вопросов этнической политики и соблюдение конвенций и международных договоров в обеспечении прав всех граждан Кыргызской Республики. Выявление символов какой-либо социальной общности, слоя, общественно-политического формирования и соответствующих им мифов открывает возможность лучше понять сущность и содержание различных событий, процессов, явлений, точнее определять системообразующие элементы социальных структур, повысить качество прогнозирования развития социально-политических субъектов и получать своевременную информацию о назревании социальных и межэтнических конфликтов.

Список использованной литературы

Lefebvre V. Algebra of Conscience. Dordrecht/Boston/London, 2001.

Алиев А. Три правила постконфликтной реабилитации журналистов // Школа миротворчества и медиатехнологий. http://www.ca-mediators.net/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=79&Itemid=473&lang=ru

Аносов В.Д., Лепский В.Е. Исходные посыпки проблематики информационно-психологической безопасности. Проблемы информационно-психологической безопасности / под ред. А.В. Брушлинского и В.Е. Лепского. М., 1996.

Емельянов Г.В., Лепский В.Е., Стрельцов А.А. Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. № 3.

Лепский В.Е. Глобальное информационное общество и информационная безопасность России: проблема становления стратегических субъектов: материалы «круглого стола». М., 2001.

Лепский В.Е. Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний – стратегия оздоровления общества. М., 1999.

Лепский В.Е. Рефлексивный анализ политического PR в России: аспект построения гражданского общества // Рефлексивное управление: сборник статей. Международный симпозиум 17–19 октября 2000 г. М., 2000.

Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. Т. 2. № 1. М., 2002.

Литвинова Е.И. Брат мой – враг мой...? СМИ и внутриполитические конфликты. Бишкек, 2012.

Проблемы информационно-психологической безопасности / под ред. А.В. Брушлинского и В.Е. Лепского. М., 1996.

Вейцель Д.

магистрант кафедры политологии КРСУ

ЭКОНОМИКА КЫРГЫЗСТАНА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Состояние экономики Кыргызстана на сегодняшний день можно охарактеризовать как противоречивое. С одной стороны, имеются значительные стабильные поступления в бюджет от горнодобывающей отрасли, активно развивающейся сферы услуг, туризма, правительство ежегодно рапортует о положительном росте ВВП. С другой – хронический дефицит бюджета, широко распространенная коррупция, слабость научно-производственной базы угрожают стабильности экономической системы и ее развитию, обуславливают низкий жизненный уровень населения¹.

Положение дел в экономической сфере можно проследить на примере ситуации с выполнением республиканского бюджета. На протяжении последних лет наблюдается значительный дефицит средств – расходы превышают доходы. К примеру, в 2011 году дефицит бюджета составил порядка 21 млрд сомов (около 441 млн долларов)². В 2012 году тенденция к ухудшению продолжает сохраняться: принятый в марте государственный бюджет имел превышение расходов над доходами в 16 млрд сомов (около 336 млн долларов). Уже тогда многие эксперты справедливо указывали на то, что некоторые статьи доходов были «ддутыми», и они не смогут пополнить казну настолько, насколько указано в главном финансовом документе страны. Как показали дальнейшие собы-

---

¹ ШОС как фактор интеграции: фундаментальное исследование / Под ред. А.И. Салиева. Бишкек, 2012. С. 212–215.

² Доходы республиканского бюджета в 2011 г. (инфографика). <http://www.tazabek.kg/news:211661>

тия, аналитики оказались правы, и 29 июня парламент пересмотрел бюджет, заложив в него дефицит уже в 18,5 млрд сомов (378 млн долларов)¹.

Покрыть такую финансовую дыру, по словам депутатов и членов правительства, планировалось в основном за счет внешних заимствований. При прогнозе бюджета на 2013–2014 годы народные избранники также посчитали вполне оправданным сохранение дефицита бюджета, который планировали покрыть за счет внешних заимствований.

Некоторые эксперты вовсе выступили с предложением не включать внешние заимствования в статьи бюджета, так как внешние поступления финансовых средств в малой степени зависят от воли и политики руководства республики и всецело – от интересов иностранных кредиторов (рисунок 1)².

Таким образом, на основе анализа бюджетной политики можно сделать следующие выводы:

- во-первых, хронический бюджетный дефицит и обязательные в таком случае внешние заимствования показывают неправильность управления экономикой, неэффективность принимаемых правительством мер, в результате чего республика фактически не может самостоятельно удовлетворить собственные потребности и вынуждена жить в долг;
- во-вторых, внешние заимствования увеличивают размер внешнего долга республики и, как следствие, – через механизмы выделения грантовых и кредитных средств усиливают влияние иностранных государств на политику руководства страны;
- в-третьих, постоянное увеличение внешних заимствований приводит к большому риску повторения «греческого»

---

¹ Бюджет Кыргызстана на 2012 год утвержден с дефицитом в 18,5 миллиардов сомов. <http://www.knews.kg/ru/econom/19375/>

² Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии: материалы междунар. конференции / под ред. А.А. Князева. Бишкек, 2008. С. 36.

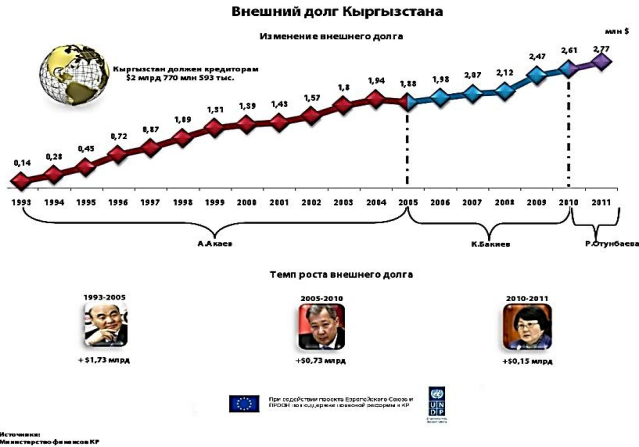

Рисунок 1 – Внешний долг Кыргызстана

сценария, где «латание бюджетных дыр», не подкрепленное созданием «реального» сектора экономики, привело к скатыванию страны к фактическому дефолту¹.

Возможен и другой сценарий, который можно условно назвать «экваторским», по примеру страны, которая в середине 70-х годов прошлого столетия расходовала около половины собственного бюджета лишь на обслуживание процентов по прежним займам².

Если руководство Кыргызстана желает избежать подобных сценариев, то ему необходимо провести реформирование системы управления экономикой, что, в первую очередь, подразумевает борьбу с коррупцией и развитие промышленного сектора.

Премьер-министр Кыргызстана Ж. Сатыбалдиев в одном из первых своих выступлений сообщил, что вследствие невыполнения бюджетных показателей всем государственным органам вскоре будет необходимо провести секвестрование бюджета. Это

¹ Греческий дефолт назначен на март. http://www.odnako.org/blogs/show_15124/

² Новейшая история стран Латинской Америки / под ред. А.И. Строганова. М., 1995. С. 248–256.

подразумевает значительное сокращение расходов ведомств. Пятого сентября министр экономики в новом правительстве О. Лаврова сообщила, что на сегодня дефицит государственного бюджета составляет уже 23 млрд сомов¹ (483 млн долларов) вместо прежних 18,5 млн сомов.

Таким образом, можно сделать еще один вывод: постоянное увеличение бюджетного дефицита в рамках одного финансового года при принятии непопулярных мер способно привести экономику к дефолту.

Относительно бюджетной политики можно также добавить, что в соответствии с официальной статистикой, ВВП республики поступательно растет. Так, по данным Национального статистического комитета, в 2011 году ВВП республики составил 5,7 %². При этом, за указанный год произошло замедление экономического роста вследствие снижения темпов производства на золоторудном месторождении «Кумтор». Смущает лишь тот факт, что среднегодовая инфляция за период с января по ноябрь составила всего 16,6 %³.

Одним словом, не нужно быть великим специалистом, чтобы понять, что темп роста ВВП во многом номинален в силу увеличения денежной массы инфляции. Как следствие, улучшаются показатели по доходной части. Однако, как утверждают специалисты, не все так мрачно. По итогам 2011 года Кыргызстан занимает 126 место из 193 по индексу человеческого развития⁴, что считается средним показателем. Одним словом, трудовые ресурсы республики благодаря наследию советской системы образования достаточно квалифицированы, чтобы осуществлять сложные крупные проекты. В соответствии с рейтингом Duing

---

¹ Кандидат в министры финансов О. Лаврова: Экономическая ситуация в Кыргызстане тяжелая. <http://www.tazabek.kg/news:338132/>

² В 2011 году инфляция в Кыргызстане составила 5,7 %. <http://www.tazabek.kg/news:268861>

³ *Lapins W.* Geschichte und Identitaet: Kirgisische Republik. Berlin, 2012. P. 79.

⁴ Кыргызстан в рейтинге индекса развития человеческого потенциала 2011 года занял 126 место из 193. <http://kg.akipress.org/news:476461>

Buisines, Кыргызстан в 2011 году занял 67 место, в 2012 – 70 место. К примеру, Россия в 2013 году занимает в рейтинге только 120 позицию, а Украина – и вовсе 152¹. Денежные переводы трудовых мигрантов в Кыргызстан составляют более миллиарда долларов, что значительно поддерживает покупательскую способность населения².

Запасы золотоносных, полиметаллических и иных руд в республике достаточно велики и могут использоваться в качестве локомотива экономического развития. Сфера гидроэнергетики также перспективна ввиду наличия значительного энергетического потенциала. Поэтому перспективы у экономики Кыргызстана есть, не хватает лишь эффективного управления имеющимися ресурсами, что напрямую зависит от политической воли руководителей государства.

Теперь взглянем на ситуацию по сферам экономики.

По объемам производства в структуре промышленной сферы Кыргызстана превалирует обрабатывающая (81,3 %), затем – производство и распределение электроэнергии, газа и воды (16,7 %) и горнодобывающая промышленность (2 %) ³, которая, несмотря на столь малую долю, обеспечивает значительную часть поступлений в бюджет республики.

Наиболее перспективными направлениями экономического развития эксперты называют развитие горнодобывающей отрасли (золото, полиметаллические руды, нефть), гидроэнергетики, возрождение старых и строительство новых промышленных предприятий, развитие сферы туризма.

В горнодобывающей отрасли главным источником прибыли является золотоносное месторождение «Кумтор», которое обеспечивает порядка половины всего объема промышленного про-

¹ Рейтинг постсоветских стран по лёгкости ведения бизнеса Doing Buisiness. <http://www.knews.kg/ru/infografika/5158/>

² Динамика притока денежных переводов в Кыргызстан за 6 лет (графики). <http://www.tazabek.kg/news:226381>

³ Удельный вес продукции по видам экономической деятельности (в процентах к общему объему производства) / Национальный статистический комитет. <http://www.stat.kg/stat.files/tematika/...pdf>

изводства и одну десятую часть ВВП¹. Кроме этого месторождения за все годы независимости в республике не было введено ни одного нового крупного объекта разработки, а имеющиеся на данный момент рудники и прииски зачастую не разрабатываются вовсе. Многие из существовавших в советское время предприятий на сегодняшний день также не функционируют. В целом, развитие горнодобывающей сферы и промышленности сдерживается коррупцией госаппарата и, как следствие, отсутствием стабильности для инвесторов.

Лишь проявление политической воли руководством страны, которое примет не декларативные, а реальные меры для борьбы с коррупцией, способно кардинально изменить ситуацию к лучшему. При существующей коррумпированной системе государственного управления невозможно эффективно развивать промышленность, в том числе и добывающую. Многочисленные примеры развивающихся стран Африки, Азии и Латинской Америки убедительно показывают, что при укоренившейся коррупции бюджет государства получает от продажи минеральных ресурсов незначительные доходы. Большие суммы при этом незаконно уходят в карман высших государственных должностных лиц. В результате, у этих государств отсутствуют средства для развития, а имеющиеся поступления попросту проедаются.

Для Кыргызстана в этом смысле полезно было бы изучить и применить опыт Монголии, которая за последние десятилетия сделала стремительный экономический рывок именно благодаря развитию горнодобывающей отрасли (в 2011 году темпы роста ее ВВП в два раза превосходили темпы роста Китая, в четыре раза – России). Причиной такого бурного развития послужила борьба с коррупцией в госаппарате, либерализация законодательства для иностранных инвесторов и принятие юридической нормы, гласящей, что законы в сфере горных разработок не будут изменяться в течение ближайшего десятилетия. Инвесторы

---

¹ Условия ведения горного бизнеса в Кыргызстане и тенденции их изменения за прошедший год. Бишкек, 2011. <http://siar-consult.com/wp-content/uploads/...pdf>

увидели в этой стране стабильность и приемлемые для себя правила, что и способствовало активному вливанию иностранного капитала в монгольскую экономику.

На данный момент руководству Кыргызстана для эффективного поступательного развития государства необходимо:

- осуществлять планомерную борьбу с коррупцией (использовать опыт Сингапура, Малайзии, Южной Кореи, Грузии и других стран, которые некогда находились в еще более тяжелых экономических условиях, чем Кыргызстан, но смогли совершить значительный рывок в развитии);
- провести работу по кодификации законодательства о недрах на предмет исключения противоречий, введение либеральных правил для иностранного и местного капитала (право льготного периода налогообложения для компаний, начинающих разработку новых месторождений, с поэтапным повышением налоговых ставок до приемлемого уровня), значительное повышение штрафных санкций за нарушение законов страны;
- законодательное введение ограничения на изменение правовых норм в горнодобывающей сфере сроком на 10 лет;
- привлечение на постоянной основе аудиторов с хорошей репутацией для проведения анализа финансовой деятельности горнорудных компаний. Данный шаг приведет к мультипликативному эффекту – проверка прозрачности деятельности нескольких компаний заставит другие не нарушать закон;
- осуществление жесткого экологического контроля над промышленными объектами. Республике будут во вред инвестиции в бюджет в обмен на уничтоженную природную среду;
- выпуск государственных облигаций на недра, продаваемые населению, без права перепродажи, сроком на 10 лет. Получение гражданами прямых дивидендов от горной добычи повысит авторитет и доверие к реформам государства.

Кыргызстан окружен быстро развивающимися и испытывающими ресурсный голод рынками Китая, Казахстана и Узбекистана¹. Поэтому золото, кремний, ртуть, свинец, сурьма, полиметаллические руды и другие полезные ископаемые республики могут стать трамплином, благодаря которому экономика страны может сделать стремительный рывок в развитии. Аккумуляирование средств от горнорудной отрасли позволит направить эти денежные потоки на реализацию проектов развития экономики и социальной среды.

Вернемся к Монголии. Приход в экономику этого государства иностранного капитала не только позволил увеличить доходы бюджета, но и оказал мультипликативный эффект на другие сферы – стали бурно развиваться дорожное и жилищное строительство, торговля, сфера услуг, телекоммуникации и др. (рисунок 2).

В случае использования примера Монголии Кыргызстан, вполне вероятно, тоже сможет добиться прогресса практически во всех отраслях в силу, во-первых, увеличения количества рабочих мест и, во-вторых, благодаря аккумуляированию в бюджете средств от горной добычи и расходованию их на наиболее приоритетные направления.

Развитие горнорудной отрасли подразумевает, что добытое сырье можно не только продавать, но и перерабатывать в самой республике. В связи с этим строительство предприятий по изготовлению из минеральных ресурсов готовых продуктов является важным шагом на пути к повышению эффективности и доходности экономики республики. В данном направлении необходимо уделить внимание следующим предложениям:

- построить предприятие по переработке добываемого в республике золота в готовые ювелирные украшения;
- ввести в строй нефтеперерабатывающие заводы в Ферганской и Чуйской долинах для снижения стоимости топлива на внутреннем рынке;

---

¹ Политические тренды Центральной Азии: современный ракурс: сб. науч. ст. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2012. С. 101.

Рисунок 2 – Структура ВВП Монголии в 2011 г.¹

- построить заводы по переработке местного хлопка в готовые ткани, которые используются успешно развивающейся швейной отраслью республики.

Еще одним перспективным направлением в промышленности является гидроэнергетика. Руководство страны рассчитывает на расширение экспортного потенциала электростанций и транспортировку энергии в Китай, Пакистан, Индию. Достигнутые в августе 2012 года соглашения с Россией вселяют уверенность, что на реке Нарын будут введены новые мощности, которые не только покроют растущие потребности республики, но и будут источниками для экспорта электричества за рубеж². Для развития гидроэнергетики необходимо предпринять следующие шаги:

- в полной мере реализовать договоренности между правительствами Кыргызской Республики и Российской Федерации, достигнутые в августе 2012 года, в сфере строительства каскада гидроэлектростанций средней мощности на реке Нарын;

¹ Монгольское экономическое чудо. http://printver.blogspot.com/2012/08/blog-post_9.html

² Россия спишет Кыргызстану 489 млн долларов государственного долга. <http://madeinkg.kg/posts/54>

- провести кодификацию законодательства подобно предложенной кодификации в сфере горного производства;
- активизировать работу по привлечению инвесторов в сфере малой и средней энергетики;
- осуществлять развитие, возможно, поначалу дотационное, области альтернативной ветровой и солнечной энергетики;
- ремонт и полное введение в строй всех агрегатов Камбаратинской ГЭС–2, а также строительство Камбаратинской ГЭС–1;
- весьма перспективным является строительство каскада ГЭС на мощной реке Сары-Жаз, электроэнергия от которых полностью бы шла на экспорт в Китай;
- завершение строительства ЛЭП Датка-Кемин и более мелких электромагистралей в Ошской и Баткенской областях для достижения полной энергетической независимости от Узбекистана и Казахстана;
- участие в реализации проектов по экспорту электроэнергии в Афганистан, Пакистан и Индию.

Введение в строй новых больших и малых генерирующих мощностей потенциально позволит республике выработать достаточно электроэнергии и отказаться от использования Бишкекской ТЭЦ, а значит, – внести вклад в оздоровление экологии республики. Данный энергообъект в будущем возможно использовать лишь в качестве отопительной станции, которая будет использовать для своей работы не дорогой уголь, а электроэнергию, выработанную на ГЭС, – самую дешевую энергию в мире¹.

При возведении гидроэлектростанций республике не стоит ставить свои планы под сомнение из-за позиции государств, расположенных ниже по течению реки. Так или иначе, но новые водохранилища не смогут серьезным образом повлиять на водообеспеченность стран нижнего течения Сырдарьи, Таласа, Чу, так как их объем будет сравнительно небольшим (объем самого большого

---

¹ Курбанова Н. Религия в общественно-политической жизни Кыргызстана на рубеже 20–21 веков: монография. Бишкек, 2010. С. 103.

из планируемых – водохранилища Камбаратинской ГЭС–1 – всего 4,6 млрд кубометров¹, что не идет ни в какое сравнение с объемом Токтогульского водохранилища в 19,5 млрд кубометров²).

Сфера туризма также признается экспертами и политиками одной из приоритетных. На сегодняшний день республика может предложить отдых на Иссык-Куле и так называемый «экологический туризм» по отдаленным районам страны с живописными пейзажами. Препятствиями на пути реализации этих планов является значительная удаленность республики от развитых стран Европы и Америки и довольно высокие цены на обслуживание и проживание в отелях и пансионатах Иссык-Куля при недостаточном уровне сервиса. Основной поток составляют туристы из России и Казахстана, но и они нередко испытывают трудности при пересечении кыргызско-казахской границы (особенно, если иностранные граждане следуют на собственном автотранспорте).

Вслед за промышленностью и энергетикой сфера туризма может стать одной из ведущих отраслей экономики республики. Она может приносить значительные доходы в государственный бюджет, и не только в летний сезон. Экологический туризм, знакомство иностранцев с экзотической для них кочевой культурой может осуществляться круглый год. Республике для развития данной отрасли необходимо предпринять следующие меры:

- проводить активные рекламные кампании по привлечению туристов в европейских странах, России и Казахстане. Без рекламирования за рубежом республики, ее особенностей, экзотичности не стоит ожидать значительного увеличения желающих приехать в страну (Тайланд в два раза дальше от Европы, чем Кыргызстан, но, тем не менее, он широко известен, и европейцы едут туда, а не к нам в республику);

---

¹ День 24 августа: дождемся ли мы премьера-технократа. <http://kg.akipress.org/print:559378/>

² *Биленко В.А.* Заиление водохранилищ на реке Нарын. <http://www.planet.elcat.kg/?cont=article&article=6/>

- проводить жесткую сертификацию для учреждений, предлагающих туристические услуги, с тем, чтобы значительно повысить в них уровень обслуживания;
- на уровне глав государств и правительств добиться расширения пропускной способности КПП на кыргызско-казахской границе, открытия новых постов.

Еще одной сферой экономики, которая на сегодняшний день развивается крайне медленно, но является жизненно необходимой, становится сельское хозяйство. Причиной стагнации отрасли стало раздробление некогда больших колхозов на мелкие фермерские хозяйства, которые в массе своей хоть и имеют землю для обработки, но не располагают необходимой для этого техникой. Вследствие того, что фермеры вынуждены нанимать тракторы, сеялки, комбайны и т.д., они несут значительные издержки, а это в конечном счете негативно сказывается на прибыльности занятия сельским хозяйством.

Данная отрасль на сегодняшний день, как показала практика, не способна в полной мере удовлетворить потребности республики в пшенице, сахаре и пр. Одной из главных проблем сельского хозяйства страны стало отсутствие работ по проведению севооборота, капитальному ремонту ирригационных сооружений, научно обоснованному сохранению пастбищ¹. В результате, значительные площади сельхозугодий либо деградировали, либо вовсе оказались заброшенными. Для исправления ситуации в отрасли сельского хозяйства, а также для ее дальнейшего развития, необходимо предпринять следующие действия:

- выдавать льготные кредиты фермерским хозяйствам под 9 % годовых (реализовать предвыборное обещание президента);
- успешным фермерским хозяйствам оказывать наибольшую помощь в крупных приобретениях – сельхозтехники, производственных и складских помещений;

---

¹ Статистический ежегодник Кыргызской Республики за 2007–2011 годы. http://stat.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=29&Itemid=101

- организовать выдачу фермерским хозяйствам по льготным ценам топлива, удобрений и семян, в том числе и в кредит;
- создать систему добровольной сертификации продукции сельхозпроизводителей в соответствии с мировыми стандартами, чтобы экологически чистые продукты из Кыргызстана могли поставляться на европейский, российский и иные рынки сбыта;
- возродить сахарный завод в Каинды, при этом установить приемлемые закупочные цены на сахарную свеклу для крестьян. Этот шаг позволит избавиться от полной зависимости от импорта.

Все вышесказанное касается в основном эндогенных факторов ведения экономического хозяйства. Вместе с тем, необходимо отметить, что развитие нашего государства зависит и от экзогенных детерминантов, таких, как процессы глобализации, интересы соседних государств и мировых держав. В истории достаточно примеров, когда патриотичные лидеры стран, независимо проводившие национальную политику, став неуютными «большим» странам, вскоре свергались нелегитимным способом по пути «революции снизу», щедро профинансированной извне.

Итак, проанализировав имеющиеся проблемы экономики Кыргызстана, можно сделать следующие выводы: во-первых, без борьбы с коррупцией никакого развития какой бы то ни было отрасли хозяйства быть не может, во-вторых, потенциал экономики республики и ее отдельных сфер значительно высок, и при эффективном управлении ими Кыргызстан сможет за короткие сроки решить основные проблемы, достигнуть устойчивого роста и развития.

Однако не стоит унывать и думать, что все решается за пределами нашей страны. Собственный выбор у Кыргызстана есть, тем более, что мы находимся в точке бифуркации, когда существует множество альтернатив и мы можем пойти по любому выбранному пути. Естественно, влияния извне не избежать, так как современная конъюнктура предполагает обязательное взаимодействие

с международной средой. Вопрос выхода из так называемого затянувшегося «демократического транзита» зависит в большей мере от воли и политики руководства страны, от того, хватит ли жесткости, чтобы модернизировать экономику и научиться удовлетворять внутренние потребности государства без внешнего финансирования.

Е.Г. Гарбузарова
канд. полит. наук, преподаватель
кафедры политологии КРСУ

ПОЛИТИКА РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

При анализе политики России в Центральной Азии, начиная с 1991 года, можно выделить несколько этапов ее эволюции и становления. Эти этапы насыщены военно-политическими, экономическими и культурными взаимоотношениями. Перед тем, как выйти на более тесный уровень взаимодействия и сотрудничества, пришлось пройти сложный и извилистый путь установления двусторонних и многосторонних контактов, при этом сохраняя и приумножая исторически сложившиеся связи.

Первый этап политики России в Центральной Азии после распада Советского Союза начинается с президентства Б.Н. Ельцина. Этот период неуверенности был связан с решением внутренних неурядиц, когда, после падения такой масштабной империи, России и государствам Центральной Азии пришлось столкнуться с серьезными политическими, экономическими и идеологическими проблемами. Даже на международной арене России отводили второстепенную роль в результате слабости в экономической и военно-стратегической сфере. Политические причины, как считает И. Звягельская, доминировали над экономическими: «Стремление российских демократов первой волны как можно скорее избавиться от политического груза центральноазиатских авторитарных режимов, выросших из советского коммунистического прошлого и способных, по их мнению, поддержать коммунистический реванш, было одной

из главных причин отторжения Центральной Азии»¹. Неприязнь к коммунистической идеологии подпитывалась постоянными утверждениями американской администрации Б. Клинтона о ее диктаторской природе, вследствие чего Б. Ельцин стремился в своей политической деятельности порвать с большевистским прошлым.

В меньшей степени Россия в тот момент думала о своей внешнеполитической стратегии в отношении Центральной Азии. При этом США и западные страны воспринимали Россию как слабую, проигравшую «холодную войну» страну. Проводили даже сравнение, что в XX веке созданию НАТО способствовала сильная Россия, но слабая Германия. В начале XXI века НАТО активизировало свою деятельность в связи со слабой Россией, но все более сильной Германией. От инерции к состоянию движения – так постепенно начинала складываться новая стратегия НАТО в отношении России, которая воспринималась как ущемление российских интересов на Востоке.

Однако, если рассматривать внешнеполитический вектор России в этот период, то следует подчеркнуть, что он преимущественно строился на «доктрине Козырева»². Суть этой доктрины в отношении центральноазиатских государств сводилась к следующему: обособление России от стран СНГ и жесткий отказ от интеграционных процессов³.

В свою очередь, центральноазиатские государства стремились к новым формам сотрудничества с Россией. Это подтверждает выступление Н. Назарбаева в МГУ им. М.В. Ломоносова 29 марта 1994 года, в котором было предложено создать Евразийский союз⁴. Предложение не получило поддержки со стороны России. Тогда лидеры Центральноазиатского региона, преиму-

---

¹ *Звягельская И.* Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. М., 2009. С. 41.

² Козырев А.В. 1990–1996 гг. был министром иностранных дел России.

³ *Дугин А.Г.* Геополитика. М., 2011. С. 250.

⁴ Проект Евразийского Союза. <http://konservatizm.org/seminars/sotsiologiya-geopoliticheskikh-protsessov/241209050729.xhtml> / 24.12.2009

щественно Казахстан и Кыргызстан, взяли курс на адаптацию к западной модели развития, которую они попытались внедрить в своих государствах. Как мы знаем, ценности этой модели следующие: принципы разделения властей, свободный рынок, открытое общество и т.д., что не всегда отвечало национальным особенностям центральноазиатских государств. Кроме того, в условиях слабой экономики и разрушительных процессов в социальной сфере стало невозможным проведение безболезненной трансформации всех ключевых сфер жизнедеятельности.

Таким образом, в первое десятилетие после обретения независимости государства Центральноазиатского региона устремились к сотрудничеству именно с США и странами ЕС, что усилило центробежные тенденции и настроения. Несмотря на наличие такой структуры, как СНГ, Россия абстрагировалась от сотрудничества с постсоветскими странами.

Второй этап политики России в Центральной Азии начинается с 1996 года, когда министром иностранных дел РФ становится Е. Примаков. Он полностью отходит от внешнеполитического курса своего предшественника и призывает Россию к решительному отстаиванию своих интересов мире и в Центральноазиатском регионе в частности. В доктрине делался акцент на том, что необходимо «вести осторожный диалог со странами СНГ и поощрять российский крупный капитал участвовать в приватизации стратегически важных предприятий в ближнем зарубежье»¹. Уже тогда он утверждал, имея в виду конкурентов России в Центральной Азии, что бывшие противники времен «холодной войны» не смогут стать полноценными партнерами, которые стремятся распространить свое влияние в Центральноазиатском регионе, угрожая своими действиями российским интересам в этой зоне. Е. Примаков писал: «Мы все в руководстве СВР (служба внешней разведки – прим. автора) хорошо представляем себе, что с окончанием «холодной войны» понятие «противник» не исчезнет <...> Руководители ряда западных стран действуют с целью не допустить особой роли России в стабилизации обстановки

---

¹ Дугин А.Г. Геополитика. М., 2011. С. 251.

в бывших республиках СССР, сорвать развитие тенденций на их сближение с Российской Федерацией»¹.

На втором этапе политики России в Центральной Азии наметилась ориентация на сближение с государствами региона, исходя из концептуальных основ нового российского внешнеполитического курса. В итоге, у российского руководства сформировалась теоретически целенаправленная политика, оставалась задача ее практической реализации.

Постепенная практическая реализация основных принципов «доктрины Примакова» началась с приходом к власти в России В. Путина. Наглядный пример – сотрудничество «Газпрома» с центральноазиатскими производителями газа, стартовавшее в 2001 году. Ключевые составляющие этого сотрудничества включают «закупки и организацию транзита газа через территории центральноазиатских государств, разведку и добычу газа, его переработку на российских газоперерабатывающих мощностях, а также создание и приобретение объектов топливно-энергетической инфраструктуры на территории стран Центральной Азии»².

Начиная с 2000 года, В. Путин придерживается во внешней политике прагматичного подхода, основанного на объективной оценке международных процессов. Принятая в этом же году Концепция внешней политики РФ свидетельствует о высокой значимости Центральной Азии, которую приобретает регион с этого момента. Стремление к установлению и развитию добрососедских отношений и стратегического партнерства со всеми государствами-участниками СНГ, как отмечено в Концепции, еще раз подчеркивает приоритетность центральноазиатского направления³. Кроме того, отмечается, что Россия будет стремиться к развитию разноскоростной и разноуровневой интеграции в та-

---

¹ Федоров Ю. Кризис внешней политики России: концептуальный аспект // Proet Contra. 2001. Т. 6. № 1–2. С. 36.

² Газпром в вопросах и ответах. <http://www.gazpromquestions.ru/index.php?id=40>

³ Концепция внешней политики РФ, утвержденная 28 июня 2000 г. / Внешняя политика и безопасность современной России. М., 2002. С. 117.

ких объединениях, как Союз Беларуси и России, Таможенный союз, ОДКБ, так как «интеграционные объединения приобретают все большее значение в мировой экономике, становятся существенным фактором региональной и субрегиональной безопасности и миротворчества»¹. Можно предположить, что политический курс В. Путина основывался на теории геополитики Р. Коллинза, который вместе со своим соавтором Д. Уоллером предсказал распад СССР. Анализируя дальнейшие события на постсоветском пространстве, они утверждали, что Россия «в средне- или долгосрочной перспективе будет в состоянии обрести доминантный по отношению к своим соседям престиж могущества» и что она вернулась к «чему-то более сходному с благоприятным для нее окраинным положением времен Петра»². В геополитической теории Р. Коллинза четко прослеживается мысль о значимости интеграционных процессов при наличии военной силы, подходящей геополитической конфигурации и партнерских взаимоотношений. Новый подход к политике России в Центральной Азии заключался в налаживании институционального сотрудничества. Было запущено сразу несколько интеграционных проектов, которые повысили роль России в политике государств Центральноазиатского региона. Наиболее продуктивным интеграционным объединением оказалось Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), договор об учреждении которого был подписан 10 октября 2000 года в Астане. С момента образования данного сообщества его членами являются пять государств – Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан. Более действенным инструментом по вопросам обеспечения безопасности становится ДКБ (Договор о коллективной безопасности), который в 2002 году был преобразован в ОДКБ. С этого момента Россия начинает придерживаться главенствующей роли в процессах формирования системы безопасности в Центральноазиатском ре-

---

¹ Концепция внешней политики РФ, утвержденная 28 июня 2000 г. / Внешняя политика и безопасность современной России. М., 2002. С. 111.

² *Евангелиста М.* Геополитика и будущее Российской Федерации // Полис. 2002. № 2. С. 91.

гионе. Немаловажным событием стало создание АТЦ СНГ (Антитеррористический центр государств-участников СНГ) в июне 2000 года, центральноазиатское отделение которого открылось в Бишкеке в 2001 году. Этот отраслевой орган СНГ ставит перед собой цель оперативно бороться с международным терроризмом и экстремизмом. В 2003 году в рамках ОДКБ в Кыргызстане была открыта военная авиабаза, как составляющая авиационного компонента сил быстрого реагирования.

Таким образом, начиная с 2000 года Россией был взят курс на сближение с государствами Центральной Азии. Началась заметная интенсификация сотрудничества в политической, экономической и военной сферах. Однако, на третьем этапе (2000–2008) политики России в Центральной Азии пока еще рано говорить о четкой и последовательной стратегии в отношении региона.

Четвертый этап внешней политики России в Центральной Азии начинается с президентства Д. Медведева. На этом этапе значительных изменений в российской политике не произошло: курс на интеграцию и реинтеграцию, который был взят в предыдущие годы, продолжался. Произошла преемственность внешнеполитического курса в Центральной Азии, который, однако, в новых условиях отличался своими характерными качествами. Спектр рассматриваемых вопросов был весьма разнообразным – от геоэкономического до военно-политического сотрудничества. Начиная с момента вступления в должность президента, Д. Медведев начал реализацию всеобъемлющей стратегии, совершая турне по Центральной Азии. Многообещающим был первый зарубежный визит российского президента в Казахстан в мае 2008 года, в ходе которого Д. Медведев и Н. Назарбаев договорились о разработке нового долгосрочного соглашения об экономическом сотрудничестве. Постепенно закладывался фундамент новой экономической архитектуры на постсоветском пространстве. В июле 2008 года по приглашению туркменского президента Г. Бердымухамедова Д. Медведев прибыл в Ашхабат. В ходе данного визита речь шла о новом транспортном коридоре, т.е. о необходимости строительства железной дороги Казахстан – Туркменистан – Иран, которое

завершится к концу 2013 года. Это масштабный транспортный проект, реализация которого экономически укрепит страны региона и постепенно свяжет с международными рынками. Приоритетным для России является сотрудничество с Туркменистаном в газовой отрасли. Во время очередного визита в Туркменистан в 2010 году российская делегация выразила намерение не допустить наполнение западного магистрального трубопровода (Nabucco) туркменским газом, запуск которого намечен на 2018 год. Как известно, этот газовый проект планируется запустить в обход России. В августе 2008 года российский лидер посетил с официальным визитом Таджикистан. Круг обсуждаемых вопросов был довольно широким: от торгово-экономического партнерства до сотрудничества в сфере образования. Следует отметить, что Россия является крупнейшим инвестором в гидроэнергетику Таджикистана. Военная тематика также являлась актуальной для двух государств, учитывая пребывание на территории Таджикистана российской военной базы, созданной на основе 201-й дивизии, численностью около 7 тыс. человек. По результатам этой встречи Д. Медведев подчеркнул, что «регион находится в сфере стратегических интересов России и выступает гарантом безопасности южных рубежей Содружества»¹. В октябре этого же года Д. Медведев прибыл в Кыргызстан с официальным визитом, а также на саммит глав государств СНГ и заседание межгосударственного совета ЕврАзЭС. Это свидетельствует о возрастающем влиянии России в регионе и открытии новых возможностей регионального сотрудничества.

Первый раунд центральноазиатских визитов был завершён первым государственным визитом президента России Д. Медведева в Узбекистан в январе 2009 года. С целью показать свое особое отношение к центральноазиатскому лидеру, Д. Медведев приземлился не в Ташкенте, а в Самарканде, в городе, где родился И. Каримов. По итогам переговоров был подписан ряд совместных документов. Узбекистан – консервативная по своим внешне-

---

¹ Первый официальный визит Президента России в Таджикистан. <http://www.1tv.ru/news/polit/31005>

политическим взглядам страна, которой свойственно дрейфовать от сотрудничества с Россией к США и наоборот.

В конце президентского срока Д. Медведева, в условиях международных деструктивных процессов вновь актуализировалась тематика по обеспечению безопасности и стабильности в регионе. В феврале 2012 года президент Кыргызстана А. Атамбаев посетил Россию с официальным визитом. Вопросы, выдвинутые на обсуждение, касались безопасности Центральноазиатского региона в связи с растущим давлением со стороны Запада на Сирию и Иран. Озабоченность у России вызывала возможность использования американской базы Манас, дислоцированной в Кыргызстане, в военном конфликте против Ирана.

На данном этапе центральноазиатской политики России следует рассмотреть предложение В. Путина (тогда премьер-министра) о создании Евразийского союза, высказанное 3 октября 2011 года. Положив начало процессу реанимации идеи Н. Назарбаева, В. Путин акцентировал внимание на «создании в будущем единой валюты и наднациональных органов»¹. Следовательно, речь идет о широкой степени интеграции, которая на начальном этапе является геоэкономической, а в перспективе может стать геополитическим объединением.

Центральноазиатская политика России в лице президента Д. Медведева продолжала отстаивать свои приоритетные интересы в регионе и развивать сотрудничество в рамках интеграционных проектов. Придерживаясь исторических особенностей, Россия укрепляла дружеские, партнерские и добрососедские отношения с государствами Центральной Азии. Однако, необходимо также отметить, что, пытаясь вернуть себе влияние в регионе, Россия наталкивается на преграды в виде политических элит центральноазиатских государств, которые с опасением относятся к действиям своего северного соседа. Эти опасения сводятся к боязни потерять часть своего суверенитета или лишиться значительной поддержки со стороны внешних сил. Тем не менее, на данном этапе можно говорить

---

¹ *Лаумулин М.* Возвращение в место, которого нет // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 1. С. 91.

о полноценном центральноазиатском курсе России, конечная цель которого – занять место координатора, путеводной звезды на центральноазиатском пространстве.

Пятый этап политики России в Центральной Азии начался в мае 2012 года с президентства В. Путина, который принял ся воплощать в жизнь идеи новой евразийской интеграции. Одна из главных задач этого этапа – сплотить центральноазиатские государства, преодолеть поляризацию и стать центром притяжения для всех государств региона. Анализируя дорожную карту В. Путина на следующие шесть лет президентства, а именно – какой должна быть политика России на постсоветском пространстве, политолог Н. Злобин утверждает, что «России так и не удалось преодолеть инерцию центробежных сил на постсоветском пространстве и самой стать центром его притяжения. Ее глобальная роль будет в значительной степени зависеть от того, насколько ей удастся создать центростремительную траекторию развития региона и стать его локомотивом в глобальный мир. Постсоветское пространство продолжает оставаться нестабильным, неконкурентноспособным набором стран, которые находятся на разных этапах внутренней трансформации. Пока России не удастся преодолеть системную депрессию постсоветского пространства и обеспечить ему адекватное место в мировой системе, оно будет оставаться самым серьезным ограничителем международного влияния самой России»¹. России нужна Центральная Азия для того, чтобы повысить свой имидж на международной арене, а центральноазиатские государства нуждаются в России, чтобы выйти из внутреннего хаоса и начать полноценное и успешное политическое и экономическое развитие, постепенно включаясь в мировую экономическую систему. Россия и государства Центральной Азии связаны между собой общей многовековой историей, схожими традициями и культурой, а в перспективе – и экономикой. Траектория дальнейшего развития предложена, остается довести заданную идею до победного конца.

---

¹ Российская газета. 8 мая 2012.

Таким образом, начиная с 1991 года, постепенно закладывался фундамент и новые горизонты стратегического сотрудничества между Россией и государствами Центральноазиатского региона. Россия, как и центральноазиатские государства, пережила политические, экономические и культурные проблемы, но все-таки смогла выйти на новый алгоритм взаимовыгодного сотрудничества, пройдя несколько этапов становления:

1 этап – 1991–1996,

2 этап – 1996–2000,

3 этап – 2000–2008,

4 этап – 2008–2012,

5 этап – 2012 – настоящее время.

В течение двадцати лет преодолевая извилистый путь поиска новых форм эффективного взаимодействия, в конечном итоге Россия и постсоветские государства пришли к объективной необходимости развивать евразийскую интеграцию. Рассуждая о новой постсоветской интеграции, можно выделить ряд проблем, которые в некоторой степени замедляют данный процесс: боязнь потерять суверенитет, разногласия, тонкости в механизмах принятия политических решений и т.д. Однако, в условиях существующей взаимозависимости невозможно не стать участником интеграционных процессов, которые становятся жизненно необходимыми.

А.Д. Дононбаев
доктор полит. наук, профессор

О ХАРАКТЕРЕ ДЕЙСТВИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Наряду с закономерностями, отражающими повторяемость или подобие типов событий, независимо от социального или технического уровня общества, политического режима или географического региона, существуют также «временные правила» и «рецепты». «Временные правила» отражают уровень менее общего порядка, чем совокупная история человечества. Они касаются одной из «структур», т.е. «одной из фаз той длительной исторической эволюции, которую прошел мир» – данной эпохи, данного географического региона или данного политического режима.

Наконец, существует уровень отдельного действия в данный момент и в данных обстоятельствах. Люди должны действовать. Но для того, чтобы эти действия были как можно более разумными, одних закономерностей и «временных правил» недостаточно. Поэтому, за отсутствием научных знаний, они опираются на принципы нормативного характера, которые могут быть названы «рецептами». В этом контексте необходимо отметить, что в науку о международных отношениях глубоко проник методологический скептицизм, согласно которому почти не признается существование законов функционирования и развития в этой сфере человеческой жизнедеятельности. Несмотря на широко распространенный скептицизм относительно существования законов в сфере международных отношений, объясняемый спецификой этой сферы социального взаимодействия, на имеющиеся разногласия в понимании их значения для объяснения и прогнозирования наблюдаемых здесь событий и процессов, на дискуссии,

касающиеся форм, характера проявления и степени «устойчивости» закономерностей, все же между исследователями есть согласие в ряде аспектов, существенно важных в контексте рассматриваемой проблемы.

Опираясь на логику подобных представлений, многие ученые высказывают мнение, что понятие «закона» в сфере международных отношений используется лишь в относительном смысле. По К. Попперу, наука развивается через выдвижение гипотез, которые могут быть опровергнуты на практике. Отсюда выдвинутый им «принцип фальсифицируемости»: подлинно научными высказываниями могут быть только те, которые можно опровергнуть опытом. Критический анализ такого подхода к изучению международных отношений¹ приводит к следующему выводу: значительно большую инструментальную нагрузку и эвристическую ценность имеет не рассмотрение и последующее отбрасывание «гипотез», а уяснение стохастического, то есть вероятностного, статистического характера социальных законов, лежащих в их основе. «Исходя из строго логических оснований», – указывал в свое время К. Поппер, – «ход истории предсказать невозможно». Он не сомневался в существовании тенденций в истории социального развития. Но их нельзя рассматривать как законы, ибо тенденции зависят от сложившейся ситуации, т.е. многообразия конкретно-исторических условий. В реальной жизни существуют условия как воспроизводящие данные тенденции, так и препятствующие их реализации.

Главными признаками социальных законов, объединяющих их с законами природы, считаются наличие строго определенных условий, при которых их проявление становится неизбежным, а также частичная, приблизительная реализация условий, при которых действует закон. В современной глобальной ситуации спонтанно увеличивается возможность решающего влияния малых событий и действий на общее течение мировых процессов.

Как следствие – особенно трудно обнаружить повторяемость тех или иных событий и процессов, поэтому главной чертой за-

---

¹ *Fisher D. Historian Fallacies: Towards Logic Historical Thought. N.Y., 1982; Мурадян А.А. Самая благородная наука.*

кономерностей является их относительный, вероятностный, непредопределенный характер. Степень такой приближенности в сфере международных отношений настолько велика, что многие исследователи склонны говорить не столько о законах и закономерностях, сколько о вероятностях наступления тех или иных событий, или о тенденциях.

Следовательно, международный процесс предстает не как пространство «железных законов», а как поле возможностей, между которыми люди осуществляют свой выбор. Ни при каких условиях эти международные и государственные законы не перечеркивают действие таких человеческих свойств, как политическая воля и духовная решимость. Как всякое сложное и многогранное общественное явление, система международных отношений и процесс развития государственных институтов имеет свою объективную и субъективную стороны. Интерес государства на международной арене также является категорией объективно-субъективного порядка. Его выразителями выступают конкретные люди.

С одной стороны, внешнеполитическая деятельность государства проявляется в действиях его лидеров, которые располагают определенными степенями свободы в выборе национальных целей. При этом большое значение имеют система идеологии, ценностей, а также амбиции, темперамент, воля, широта и глубина мышления лидеров. С другой стороны, само их положение обуславливает то, что они стремятся создать впечатление, будто в основе всех их действий лежит национальный интерес. Некоторые исследователи считают, что интерес объективен, но он, по сути, трудно познаваем. Поэтому для ученого, исходящего из объективного интереса в объяснении поведения людей и государств, сохраняется опасность соскользнуть на путь произвольного конструирования смысла и содержания национальных интересов. Иначе говоря, существует риск заменить субъективность мнений тех, кого изучает ученый, его собственной субъективностью.

В современной науке появляется новое понимание, в соответствии с которым существует, как правило, множество аль-

тернативных путей развития, в том числе и для международной истории, лишающейся предопределенности. Постепенно утверждается и новое понимание истории международных отношений как стохастического процесса – непредсказуемого, непредугадываемого, непредопределенного¹.

Историческая необходимость лишена тех черт неотвратимости и неизбежности, которые присущи действиям необходимости в царстве природы. Представляется неправомерным противопоставление категорий «историческая альтернативность» и «социальный детерминизм». Ведь детерминирована сама многовариантность развития международных отношений. Другое дело, что признание альтернативности как универсального свойства международных отношений ведет к обогащению понимания самого принципа социальной детерминации. Нельзя упускать из виду роль детерминант, связанных с деятельностью субъективного фактора. Социально-экономические структуры составляют объективные рамки для этой деятельности, но полностью ее не определяют. А именно от этой деятельности в решающей степени зависит победа того или иного варианта международного развития.

Таким образом, признание многовариантности развития международных отношений несовместимо с представлением об исторической необходимости как фатальной силе, прокладывающей себе путь с железной неотвратимостью сквозь хаотическое сцепление случайностей, образуемое разнонаправленной деятельностью людей. Альтернативность в истории есть форма существования необходимости, так как последняя может выразить себя в многообразии той социальной действительности, которая всегда выступает результатом деятельности человека.

В литературе последних десятилетий подчеркивается, что проблема закономерностей международных отношений «чем дальше, тем больше» предстает не просто наименее разработанной и наиболее дискуссионной, но и одной из самых запутанных в науке о международных отношениях. Так, наравне с го-

---

¹ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с Ильей Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12.

сударствами действуют и другие участники, поведение которых не всегда понятно. Это различного рода религиозные движения, ТНК, международные организации для которых не существуют границ, а интересы – переменчивы. Они могут изменять ход событий, не опасаясь национальных правительств. Последствием этого является включенность большей неуверенности системы международных отношений, источниками которой можно считать различные интересы, стремления и цели. Нельзя предсказать, какие мотивы преследуют эти участники. Предвидеть реакцию излагаемого участника становится нелегкой задачей для тех, кто относится к другой культуре.

Французские исследователи Б. Бади и М.-К. Смутс в своей работе «Мир на переломе. Социология международной сцены» показали, что современные международные отношения дают все меньше оснований рассматривать их как межгосударственные взаимодействия, ибо сегодня происходят существенные и, видимо, необратимые изменения в способах раздела мира, принципах его функционирования, в том, что ныне поставлено на карту¹. Взаимодействие около 200 государств, многочисленных международных организаций и движений, а также транснациональных корпораций (ТНК) совместно с возрастающей активностью человеческого фактора создают чрезвычайно усложненную и динамически развивающуюся сеть, где соотношение постоянно действующих и перемененно функционирующих факторов резко меняется в пользу последних. Например, парадокс Николсона провозглашает, что международная система оказывается более упорядоченной, а сами последствия действий акторов легко предугадываются при меньшем числе участников и, соответственно, степени их разнородности. Иначе говоря, предсказания и реализация эффективных действий усложняются, если в международную систему прибавляются все новые члены. Следовательно, уровень проявления на международной арене факторов случайного характера неизмеримо возрастает.

---

¹ *Badie B., Smouts M.-C. Le retournement du monde. Sociologie de la scene internationale. Paris, 1992. P. 237–240.*

И. Пригожин, основатель синергетического направления, постоянно указывает на то, что случайность, отдельные малые флуктуации могут играть существенную, определяющую судьбу системы роль вблизи моментов бифуркации. Он называет неустойчивостью состояние системы вблизи точки бифуркации, когда система совершает «выбор» дальнейшего пути развития. По его мнению, режимы движения переключаются, пути эволюции реальных систем бифуркируют, многократно ветвятся, в моменты бифуркации играет роль случайность, и, вследствие этого, мир становится загадочным, непредсказуемым, неконтролируемым. В определенном смысле дело обстоит действительно так. Малые флуктуации, случайности могут сбить, отбросить с выбранного пути, приводят к сложным блужданиям по полю путей развития. «Бифуркационная природа – эта та, в которой небольшие отличия и незначительные колебания могут, если они происходят при благоприятствующих обстоятельствах, распространяться на всю систему и приводить к новому способу функционирования»¹.

В преломлении к современным международным отношениям данное состояние увеличивает возможность решающего влияния малых событий и действий на общее течение больших событий.

Но все возможные пути – пути Дао – открываются как бы с высоты птичьего полета. Тогда становится ясным, что ветвящиеся дороги эволюции ограничены. Конечно, если работает случайность, то имеют место блуждания, но не какие угодно, а в рамках вполне определенного, детерминированного поля возможностей. Управление теряет характер слепого вмешательства методом проб и ошибок или же упрямого насилования реальности, опасных действий против собственных тенденций систем, и строится на основе знания того, что вообще возможно в данной среде. Управление начинает основываться на соединении вмешательства человека с существом внутренних тенденций развива-

---

¹ *Prigogine I., Stengers I. La Nouvelle Alliance. P.: Gallimard. 1979. P. 271.*

ющихся систем. Поэтому здесь появляется в некотором смысле высший тип детерминизма – детерминизм с пониманием неоднозначности будущего и с возможностью выхода на желаемое будущее, усиливающий роль человека.

Таким образом, детерминизм, с позиций которого случайность в международных процессах изгонялась, в последние десятилетия серьезно потеснен в самих своих основаниях. В настоящее время в фундаментальных исследованиях наблюдается серьезная трансформация научной картины мира. Развитие синергетики – науки о возникновении порядка из хаоса, о самоорганизации – позволило увидеть мир не с детерминистской точки зрения. И. Пригожин показал, что в точках бифуркации детерминистские описания в принципе невозможны. Так, например, если в летящий снаряд попадает другой снаряд и происходит раздвоение (бифуркация) первого, то объяснить, как будут вести себя его части, в каком направлении они полетят, в принципе невозможно. Не потому, что наука еще не знает этого, а потому, что это непредсказуемо, когда мы имеем точки бифуркации. Только впоследствии, когда утвердится новая траектория полета указанных частей, станут возможными описания на основе известных законов, но не в этих точках.

В настоящее время большинство исследователей стремятся избегать употребления самого понятия «закон», предпочитая оперировать такими менее обязывающими терминами, как «закономерности», «тенденции», «правила» и т.п. Б. Расса и Х. Старр отмечают, что даже в том случае, если бы теоретические исследования в науке о международных отношениях были развиты гораздо лучше, чем в настоящее время, все равно, скорее всего, ученые пришли бы не к формулированию законов, а к утверждению о приемлемости вероятностных тенденций: «В самом лучшем случае ученый-социолог может оценить не более, чем вероятность, что за данным специфическим событием (угрозой, обещанием или уступкой) последует желаемый результат»¹.

---

¹ *Rasset B., Starr H. World Politics. Menu for Choice. San Francisco, 1981. P. 51.*

Но и тогда, когда в сфере международных отношений отвергается наличие «законов», а присутствие «закономерностей» не подвергается сомнению, существуют разногласия относительно их содержания. Познание социальных законов не может не учитывать, что в различных общественных системах действуют, если так можно сказать, «неравномошные» законы, т.е. далеко не всюду и не во все исторические периоды отдельные социальные законы проявляются с одинаковой принудительной силой¹.

В конечном счете, многолетняя дискуссия по проблемам социальных законов привела к выводу: если «закон» – одна из ступеней человеческого познания, отражающая существенное в явлении, то менее глубокую сущность, характерную для другой ступени познания, отражает понятие «закономерность». Это понятие характеризует существенные связи, суть которых находится ближе к поверхности явлений, менее абстрактна и обща. Закономерность конкретнее и потому богаче закона. Кроме того, закономерность является своего рода «промежуточным результатом» действия ряда законов, поэтому она носит комплексный характер². Достигнутый к настоящему времени уровень развития науки о международных отношениях обуславливает то обстоятельство, что большинство теоретиков-международников говорит именно о закономерностях, а не законах в этой области действительности.

Вместе с тем, не следует рассматривать закономерности международных отношений как нечто раз и навсегда заданное самим фактом взаимодействия на международной арене. Ведь общесоциологические законы развития и смены общественных формаций не могут не находить своего проявления в сущностях иного порядка – закономерностях международных отношений. И хотя закономерности интернационализации и развития национальных общностей и государств тесно связаны, «вплетены»

---

¹ *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. С. 154.

² *Виноградов В.Г., Гончарук С.И.* Законы общества и научное предвидение. М., 1972.

в действие законов, определяющих и развитие отдельных социальных общностей, и всей человеческой цивилизации в целом, их универсальный характер и относительно самостоятельная сфера общественных отношений, где они проявляются, дают основание считать их специфическими для международных отношений. Таким образом, закономерности международных отношений не существуют и не проявляются вне конкретных социальных условий. Их действие определяется общественным строем, типом политического режима, природой внутриобщественных отношений, а также в значительной степени «человеческим материалом», т.е. политической культурой общества и людей, находящихся в процессе международного общения.

Законы общественного развития, в том числе и названные выше закономерности международных отношений, действуют в многообразных конкретно-исторических условиях. Их проявление опосредованно сознательной деятельностью, происходит на фоне определенной экономической, политической, региональной и глобальной обстановки. Все это накладывает отпечаток на их действие, но не отменяет сами эти закономерности. Порой, обозревая картину исторической действительности, можно обнаружить прямо противоположное тому, что следовало бы ожидать, исходя из знания законов социального развития. Но отсюда делать вывод, что социальные законы не обладают достаточной силой, значит уподобляться школьнику, который, наблюдая воздушный шар, ставит под сомнение существование законов тяготения¹.

Понятие «закон», «закономерность» и «тенденции» в общественных науках тесно связаны, но не тождественны. Социологические законы и закономерности проявляются как тенденции. По мысли Маркса, каждый такой закон обнаруживается как «некоторая, никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянная колебаний», но не любая тенденция приобретает силу закона, а лишь та, которая проявляется как «господствующая тенденция», «влияние которой явственно выступает только при определенных обстоятельствах и в течение продолжительного пери-

---

¹ Гультга А.В. Эстетика истории. М., 1977. С. 17.

ода времени»¹. В свою очередь, Ф. Энгельс отмечал, что законы общественной жизни «не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем, но не в непосредственной действительности. Это происходит отчасти потому, что их действие перекрещивается с одновременным действием других законов, отчасти же и вследствие их природы как понятий»². Все это характерно и для системы международных отношений.

Отмеченные здесь тенденции, а также наметившиеся явления во взаимодействии акторов международных отношений, существуют и проявляются в основном как более или менее устойчивые, долговременные процессы. А закономерности, которые служат их основой, переплетаются и нейтрализуют друг друга. Чтобы вывести равнодействующую из действия различных тенденций в международных отношениях, исследователь должен ясно понимать закономерную основу наблюдаемых им явлений и процессов. Он также обязан уметь разглядеть развитие системы международных отношений таким, каким оно изображается в документах, принимая во внимание тот факт, что в них присутствуют интересы данной социальной группы, государства, общественного движения и т.д.

На основе вышесказанного делаем следующие выводы.

Во-первых, закономерности международной сферы общественных отношений имеют стохастический, вероятностный характер. Выявление и анализ этих закономерностей опосредованы принятой парадигмой исследования.

Во-вторых, основными из этих закономерностей являются глобализация и регионализация экономической, социальной, политической и всей общественной жизни.

В-третьих, создание и укрепление национальных государств, развитие национальных общностей, реализующих свои интересы на мировой арене, – важнейшая тенденция, имеющая долговременный характер в сфере международных отношений.

---

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 262.

² Энгельс Ф. Письмо К. Шмидту 12 марта 1895 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 39. С. 365.

Названные закономерности составляют основу проявления других закономерных связей, тенденций, устойчивых зависимостей, проявляющихся в международных отношениях.

Современные позитивные тенденции международных отношений – демократизация, гуманизация, институционализация – отнюдь не являются необратимыми. Их проявление опосредовано сложным и изменчивым комплексом внутриобщественных и международных факторов, важнейшими из которых являются реальные интересы акторов международных отношений.

И, наконец, цивилизационно-культурологический и геополитический методы исследования играют весьма значимую роль в процессе формирования и развития существенных черт политической культуры международных отношений. Обособляя государство от той цивилизационной и геополитической среды, в которой оно живет, и рассматривая его, как единственного субъекта международных отношений, наука обедняет многокрасочный спектр исторической жизнедеятельности мирового сообщества. В мировой истории огромную роль играли факторы цивилизационных и геополитических различий, определяя в значительной мере характер и особенности международных отношений. Так, например, четко проявляющиеся различия, существовавшие между кочевой, аграрной и индустриальной цивилизациями, имели первостепенное значение в историческом развертывании международных отношений с древности до современности.

В Новое время (XV–XIX века), к примеру, возникает и существует охватывающая огромные территории колониальная система международных отношений. Она обозначила противостояние государств аграрного Востока и индустриального Запада. Сейчас глубокая пропасть разделяет страны Севера и Юга. Здесь явно прослеживаются не только социально-экономические причины, но и своеобразные цивилизационно-культурологические разломы. Данная специфика регионов и стран, разводящая их по разные стороны, сформировалась как результат исторически сложившейся ментальности народов, в свою очередь, обуславливающий характер политической культуры международных отношений.

О колоссальной мощи воздействия геополитического мотива на динамику международных отношений свидетельствует следующий факт. Как утверждает Л.Н. Гумилев, в III веке н. э. в центральноазиатских степях произошла засуха, охватившая громадные территории и продлившаяся в течение почти одного столетия. Возможно, так и было. Кочевые племена, исконно обитавшие здесь, из-за обрушившихся на них бедствий снимались с насиженных мест и огромными массивами устремлялись на запад. Те же народы, которые встречались на их пути, под мощным давлением теснились еще дальше. Во всяком случае, нельзя отрицать того, что, видимо, лишь «геотектонической» силы толчок мог создать своеобразный «эффект домино», когда не отдельные этносы, а множество народов пришло в процесс длительного сцепления и передвижения. Началась эпоха Великого переселения народов. В результате, германские племена, ранее жившие на внешних границах империи, вторглись на римскую территорию, сея повсюду хаос, войны и разрушения. Эту эпоху можно было бы назвать временем борьбы и взаимного истребления целых народов, стремительно возникавших и исчезающих государств, разрушений множества городов, сожжений бесчисленных сел, убийств мирных жителей, бесконечного насилия, грабежей беззащитных людей. Как верно заметил Ж. Ле Гофф, то, что было в Западной Римской империи «упадком», варвары превратили в «регресс»¹.

Напряженность научно-методологических дискуссий, разветвляющихся вокруг неоднозначного толкования актуальных проблем международных отношений, отражает существующие различия и противоречия концептуальных позиций современных теоретических школ и направлений. Сегодня во многих областях международных отношений частные субъекты и небольшие государства располагают большими возможностями, чем раньше. Одновременно снижаются возможности великих держав использовать традиционные силовые потенциалы для достижения своих целей. Сила становится все менее применяемой, менее осязаемой и менее принудительной. Исследователи отмечают, что современ-

---

¹ *LeGoff J. La civilisation de l Occident medieval. P., 1967. P. 63.*

ный мир находится в поисках новых отношений и новых субъектов. Закономерность национального интереса теряет свое прежнее значение. Многие современные элементы силы ускользают от государственного авторитета, оставляя межгосударственной системе очень мало средств эффективного влияния на происходящие процессы, заставляя прибегать к опосредованным и всегда дорогостоящим способам принуждения. Современные международные отношения дают все меньше оснований рассматривать их как межгосударственные взаимодействия, ибо сегодня происходят существенные и, видимо, необратимые изменения в способах раздела мира, принципах его функционирования. Краеугольные понятия, отражавшие сами основы, на которых веками покоились различные исторические типы международного порядка, такие, как «безопасность», «территориальная неприкосновенность», «государственный суверенитет», «лояльность власти» либо теряют свой смысл, либо приобретают совершенно новое значение.

Основой всех этих новых тенденций в международных отношениях является закономерность возрастающей взаимозависимости мира под влиянием микроэлектронной революции, революции в средствах связи, транспорта и коммуникации. Результатом становится вторжение в сферу мировой политики новых, нетрадиционных акторов: неправительственных организаций, финансовых фирм, мультинациональных корпораций, частных групп, демографических потоков, мафиозных структур и «рядовых» индивидов. Государства уже не могут, как прежде, контролировать их деятельность, которая все чаще осуществляется в обход и вопреки государственному суверенитету. Поэтому монополия государства в международных отношениях разрушается, хотя оно продолжает претендовать на эту монополию. Геостратегические приоритеты теряют смысл. Внутренняя и международная политика становятся все более взаимопроницаемыми, граница между ними стирается. Сужение эффективных компетенций национальных правительств, эрозия силовых отношений в международных отношениях и увеличение числа и многообразия «факторов вне суверенитета» создают новую картину взаимодействий на ми-

ровой арене. Международные отношения становятся все более транснациональными и все менее управляемыми. Отсюда сформулированный Майклом Николсоном «парадокс участия»: чем меньше количество и степень разнородности участников международных взаимодействий, тем более упорядоченной является система международных отношений и тем более предсказуемы действия отдельных участников и их последствия. Если же международные отношения пополняются новыми участниками, то прогноз, а, следовательно, и совершение эффективных действий становятся все более трудными.

Но вот что удивительно. Нарастание элементов хаотичности и разбалансированности, сопровождающее процесс глобализации международных отношений, имеет свою оборотную сторону. За кажущимся хаосом и бессистемностью можно узреть некую упорядоченность и законосообразность. Как видно, история международных отношений делается целенаправленно по-разному, в соответствии с интересами и представлениями тех субъектов, которые ее делают. Но все же, в итоге, она не оказывается результатом своего рода «интенционального проекта», постоянно «ускользает» от попыток вести ее в задуманном направлении. Это означает, что у истории международных отношений есть своя внутренняя логика, которая может быть в каком-то приближении воспроизведена концептуальной теорией. Ориентируясь на эту трудноуловимую логику, все же просматривающуюся в творческих притязаниях международных субъектов, теория никогда не дает исчерпывающего знания реальности и в то же время обретает способ отгородить себя от абсолютного релятивизма.

Новая концепция международной теории, по-видимому, не будет похожа на прежние, претендовавшие на объяснение общественной жизни лишь в логике собственных категорий. Международная реальность достигла такой степени сложности и динамизма, при которой ее можно осмыслить достаточно глубоко и всесторонне только сопоставляя ее видение с разных позиций. Каждая из них высвечивает какие-то существенные грани действительности, не воспроизводимые или односторонне воспри-

нимаемые с иных позиций. Едва ли итоги подобного сопоставления оформятся в некую целостную доктрину. Скорее всего, это будет подвижная система понятий, фиксирующая результаты перманентного синтетического процесса взаимодействия различных идейных течений и школ.

Итак, взаимозависимость и транснационализация международных отношений, утрата государством его прежней роли «законодателя мод» во взаимодействиях на мировой арене, упадок значения силы, а, следовательно, и баланса сил, как регулятора этих взаимодействий, рост числа и многообразия «факторов вне суверенитета» и обусловленный им «парадокс участия», стирание границ между внутренней и международной политикой – таков вклад транснационализма в познание закономерностей международных отношений. Следовательно, одной из групп подобных закономерностей является рост взаимозависимости современного мира, выражающийся в неоднозначных и противоречивых явлениях глобализации экономических и финансовых процессов и экологических угроз, в демократизации и гуманизации международных отношений. В ядерный век неуязвимость одной, даже самой сильной в военном отношении державы, невозможна. Это означает, что в международных отношениях появляются общие интересы, которые могут быть достигнуты только совместными усилиями.

С этим связана еще одна группа закономерностей. Это вывод о том, что государства – уже не единственные участники международных отношений, и что политика в отношении новых факторов (ТНК, национально-освободительных движений и т.п.) не может строиться на традиционном понимании внешней политики. Но расширение числа и многообразия участников международных взаимодействий, «размягчение» государственного суверенитета и изменение содержания безопасности не вытесняют государства со сцены мировой политики, а лишь изменяют и усложняют их роль в поддержании стабильности.

Следующая группа закономерностей касается функционирования международных систем. Их общей чертой является то, что

происходящие в них процессы определяются наиболее мощными государствами и состоянием имеющихся между ними отношений. Наконец, допускается возможность разных типов международных систем и критериев их классификаций. Напомним, что именно политический реализм стал основой таких широко известных понятий, как биполярная, мультиполярная, равновесная и имперская международные системы. Как известно, в биполярной системе господствуют два наиболее мощных государства. Если же сопоставимой с ними мощи достигают другие державы, то система трансформируется в мультиполярную. Одна из главных идей, на которых базируется концепция международной системы, – это идея об основополагающей роли структуры в познании ее законов. Данная идея разделяется абсолютным большинством исследователей. Структура международной системы навязывает всем странам такую линию поведения в экономической области или в сфере экологии, которая может противоречить их собственным интересам. Структура позволяет понять и предсказать линию поведения на мировой арене государств, обладающих неодинаковым весом в системе характеристик международных отношений. Таким образом, именно состояние структуры международной системы является показателем ее устойчивости и изменений, стабильности и «революционности», сотрудничества и конфликтности. Именно в ней выражаются законы функционирования и трансформации международной системы.

Список использованной литературы

Улесов А.К., Попов В.Д. Социологические законы, познание и управление. М., 1979.

Мурадян А.А. Самая благородная наука. М., 1990.

А.Д. Дононбаев
доктор полит. наук, профессор

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ТЕНИР – ПРАВИТЕЛЬ» В ТЮРКСКИХ И КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Кыргызстан, несмотря на то, что является в основном горной страной, возник и сложился на том небольшом пространстве громадного региона Центральной Азии, который во все исторические времена продувался с разных сторон многообразными ветрами жизни. Ветрами как различных движущихся человеческих потоков, экономических связей, политических интересов, так и международных взаимодействий, культурных преемствований, религиозных миссий. Верно говорят, что по этой границе как раз-то и проходил стык цивилизаций Запада и Востока, Юга и Севера.

Уже в глубокой древности, двигаясь навстречу друг другу, здесь встретились два мира – Китай и Иран. Зримые следствия грандиозной встречи этих самодостаточных цивилизаций на земле наших предков основательно отложились в культуре и языке кыргызского народа. К примеру, корневое понятие человеческого духа «Бог» в нашем языке с давних пор обозначалось двумя словами: «Тенир» и «Кудай». Генетические истоки первого слова восходят к Китаю («*тенир*» от «*тянь*»), а второе пришло к нам из Ирана («*кудай*» от «*худоо*»). Источники, китайские и др., указывают, что кыргызы были прямыми потомками голубоглазых и светловолосых «динлинов», по-видимому, одной из этнических ветвей ираноязычных саков. Появление этнонима «кыргыз» датируется примерно III веком до н. э. Скрупулезнейшим образом исследовавший множество исторических сочинений Ху Чжэньхуа, кыргызовед по своим научным интересам, отмечает, что назва-

ние «кыргызы» в иероглифическом написании «гэкунь» («гэгунь, «гянь-гунь») «цзянькунь», «цигу», «гэгу», «сяцзясы», «гэлицисы», «цзилицзисы, «булутэ» и т.д., упоминается в различных династийных хрониках и летописях древнего и средневекового Китая. В частности, он опирается на упоминаемые Сыма Цянем в «Шицзи» («Исторических записях») народе «гэгунь»¹. Более адекватный по произношению термин «цзиэрцзисы» является изобретением гораздо позднего времени.

Китайские авторы, подчеркивал В.В. Радлов, называют кыргызов по имени реки «Цзянь-Кунь» (Енисей), на которой они жили, и «рисуют их как белокурых и голубоглазых людей. Такое описание заставило некоторых ученых предположить, что этот народ индоевропейского происхождения»². По В.В. Бартольду, китайские источники в описании киргизов отмечали «рыжие волосы, румяные лица и голубые глаза»³. «...Куманы, т.е. половцы», – пишет, основываясь на таких данных, Л.Н. Гумилев, – «потомки западной ветви динлинов – кыпчаков. Прямые потомки динлинов, енисейские кыргызы...»⁴. Затем, с V века н. э. до XV–XVII веков определяющим оказывается влияние тюрко-монгольской среды Центральной Азии. Именно эта длительная эпоха, вероятнее всего, наложила сильнейший отпечаток на физический и духовный облик кыргызов. Но в это же время с юга двигалась арабо-мусульманская цивилизация, влияние которой было не менее значительным. И, наконец, в XIX веке через Россию и ее культурно-языковое мышление наша страна восприняла плоды европейской цивилизации. Можно сказать, что традиционная политическая культура Кыргызстана в своем становлении и развитии испытала воздействие самых разнообразных цивилизаций.

---

¹ Ху Чжэньхуа. Кыргызы Северо-Западной окраины Китая // Жэньминь жибао. 21 февраля. 1984.

² Радлов В.В. Заметки о киргизах // Литературный Киргизстан. 1989. № 2. С. 113.

³ Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Кыргызы. Источники. История. Этнография. Бишкек, 1996. С. 73.

⁴ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993. С. 387.

лизационных течений. Например, трудно переоценить в этом отношении концептуальное влияние древнекитайской геополитической модели «правитель – сын Неба» или же «Тенир (Тэнгри) – ажо» на мировоззренческие построения тюрко-монгольских этносов средневековья. Современная политическая культура нашего государства формируется в процессе интенсивного освоения европейского опыта. Здесь необходимо подчеркнуть, что в исследовании геополитической концепции «правитель – сын Неба», несомненно, огромную роль играют как китайские, так и тюркские источники. В частности, весьма ценно последовательное раскрытие этой темы в эпосе «Манас».

Познание седой старины в историческом бытии кыргызского народа начинается с эпоса «Манас». Писатель Ашым Жакыпбек, как никто другой из наших современников уловивший живую энергетику связи эпоса «Манас» с народным духом и отразивший ее в великолепном романе «Небесный Манас», заметил: «“Манас” сотворен кыргызом, кыргыз спасен “Манасом”»¹. Нетрудно понять первую часть изречения. Конечно же, эпос – творение народного духа. Но какое смыслообразующее содержание скрывается во второй?! Если глубже вдуматься и проследить всю цепочку от начала до конца, то перед нами предстанет картина развертывающейся исторической памяти, в которой живая взаимосвязь десятков поколений людей органично вплелась в художественную ткань эпоса. Эпос стал могучим сплавом Слова и Образа, неустанно ковавшим единство и сплочение. Мы не погрешим против истины, если скажем, что кыргызы сумели пережить многовековые испытания и невзгоды, не исчезнуть в пучине исторических бедствий и явиться в современном мире как вполне дееспособный народ во многом благодаря тому, что в своей памяти сохранили эпос «Манас».

Эпос «Манас» – это творение мира в слове. Не в прозаическом, а в поэтическом смысле. Как точно отмечает А.А. Салиев, этот океаноподобный эпос предстает перед нами «в виде некоего грандиозного песнопения»². В нем сокрыта тайна ушедших времен. Сказитель

---

¹ *Жакыпбек А.* Тенири Манас. Бишкек, 1995. С. 8.

² *Салиев А.* Человек входит в мир. Фрунзе, 1983. С. 90.

созидает удивительный мир на грани реального и фантастического, упорядочивает его в стройной системе вдохновенного творчества и делает достоянием человеческой культуры.

Но, как справедливо отмечает М. Монтень, «память располагает более вместительной кладовой, чем вымысел». Прошлое вещает настоящему посредством памяти. Эта весть предстает той ниточкой, которая, протянувшись через многие поколения, связывает нас в органичное целое – народ. Человек прошлого в эпическом словотворчестве передавал неизбывные чувства страдания и наслаждения, переполнявшие его сердце и душу, делился горестными и радостными мыслями, теснившимися в его голове, повествовал об обуревавших его побуждениях и сомнениях, заставлявших его искать твердые опоры на крутых изломах трагической жизни, рассказывал о деяниях, совершаемых им во имя неутоленных надежд и вожделенных мечтаний о будущем. Не только в творческом порыве самого слова, но и многоликости, разнообразии связи между ними каким-то краешком открывается перед нами нечто сокровенное. О каких же исторических реалиях в жизнедеятельности народа повествует эпос «Манас»?

По-видимому, уже на рубеже перехода к новой эре шел процесс консолидации этнических групп, которые позже, в I тысячелетии нашей эры, оформились в единую общность под названием «кыргызы». Так, по утверждению С.Г. Кляшторного и Д.Г. Савинова, генеалогические легенды тюрков позволяют говорить о том, что наряду и одновременно с формированием в целом древнетюркских этнических групп, на самых ранних этапах тюркского этногенеза шел процесс этногенетического выделения кыргызов, кыпчаков и теле-огузов¹. Естественно, возникает ряд вопросов. Например, каким было соотношение этнического и политического моментов в конкретном содержании названия «кыргыз» в тот или иной исторический период?

¹ *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Древнетюркские этнополитические объединения и их значение в этногенезе народов Средней Азии и Казахстана // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов Всесоюзной конференции (20–23 ноября 1988 г.). М., 1988. С. 67.

Большая часть жизнедеятельности народа протекала в составе различных государственных образований: Тюркского и Уйгурского каганатов, империи Караханидов, Чингизидов, России, СССР или ханств Моголистана, Коканда и т.д. Следуя строгой исторической логике органичного совпадения этнического, политического и территориального начал, обеспечивающего полноту суверенной жизнедеятельности народа, следует выделить лишь два судьбоносных момента в историческом развитии Кыргызстана: Кыргызское великодержавие (IX–X) и современную Кыргызскую Республику. Народ сумел выстоять и сохранить свою целостность на крутых изломах исторического пути. Пребывая в составе других государств, он не растворился в конгломерате мощных племен и народностей, что являлось обычным событием в жизни многих древних и средневековых этносов. Даже в трагические моменты распада государственности, когда, казалось, целостность народной жизни рассыплется на несоединимые осколки, интегрирующая роль переходила к этническим институтам духовного сплочения. На своем историческом пути, подчеркнем еще раз, народ пережил времена, когда в хитросплетении трагических коллизий, потеряв обретенную государственность, вновь возвращался к истокам этнического существования, и, напротив, достигнув определенного рубежа, создавал государственную форму жизнедеятельности.

По мнению Ху Чжэньхуа, после того, как в 1128 году была образована империя Западное Ляо («черных киданей» – «кара-китаев»), а в 1207 году в Центральной Азии установилось монгольское владычество, кыргызский народ попал в политическую зависимость и вел борьбу за свое освобождение. Именно в этих условиях в течение XIII–XVI веков большая часть кыргызов оказались вынужденны переселиться с верховьев Енисея в район Тянь-Шаня. В XVII–XVIII века кыргызы отражали атаки народа, называемого в хрониках Цинской империи «вэйлатэ», т.е. «джунгаров» – «калмаков». Оставшиеся на Енисее кыргызские роды и племена уже переселялись в западную часть Тянь-Шаня, недоступную для джунгарских поработителей. Обжившие вос-

точный Тянь-Шань кыргызы также переместились на Памир, Фергану и район Каракорумского хребта¹. Об этом же пишет Т.О. Бейшеналиев в основательном труде «Киргизы и Джунгарское ханство (XVII–XVIII вв.)»². Эти столетия оказались временем поистине великих бедствий. Исходя из данного обстоятельства, основной корпус эпических сказаний кыргызского народа, в том числе и «Манаса», складывался в пределах этого исторического периода. Причем, видимо, между пришлыми и местными существовали тесные родственные связи еще до массового переселения. Такая ситуация могла укрепляться с эпохи Кыргызского великодержавия, когда переселенческий процесс, по-видимому, носил еще эпизодический характер и был связан скорее с воинскими задачами охраны западных границ. С образованием единой кочевой державы – Кыргызского каганата этноним «кыргыз» преобразуется в политоним, т.е. общее название входящих в государство этносов. Постепенно определенная группа тюркоязычных родов и племен, ранее имевших другие имена, начинает идентифицировать себя с самоназванием «кыргыз». Они принимают имена политически господствующих родов и племен и вливаются в их состав. Как известно, те или иные родоплеменные группы очень часто получали название по имени исторического лица, некогда состоявшего во главе их на правах феодальных владетелей. Но на самом деле, под общим названием сплошь и рядом объединялись также и группы, не связанные кровным родством, единством происхождения от данного реального предка, а включенные в состав этого родоплеменного подразделения по самым разным политическим, социальным и экономическим причинам. Наверное, именно этот фактор обусловил почти полное совпадение названий тюркских родов и племен Енисея и Алтая, и кыргызских родов, и племен Притяньшанья.

---

¹ Ху Чжэньхуа. Героический эпос кыргызского народа – «Манас». Сборник литературы национальных меньшинств. Вып. 1. Пекин, 1983. С. 10.

² Бейшеналиев Т.О. Киргизы и Джунгарское ханство (XVII–XVIII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т.О. Бейшеналиев. Л., 1989. С. 13.

«Материя» родоплеменной структуры кыргызского общества в эпоху кочевого хозяйствования имела достаточно дезинтегрирующих связей, разрушавших целостность этносоциального организма. И только лишь противодействие дезинтеграционным потокам «культуры духа» в образе непрерывно бодрствующей исторической памяти создавало условия реинтеграции народного единства. И, подобно вещи птице из бессмертного романа Чингиза Айтматова «И дольше века длится день», которая тревожным криком постоянно взывала в ночи: «Вспомни, чей ты? Чей ты? Как твое имя? Имя?», неусыхающая, животворящая память заставляла народ помнить о сплоченности. В айтматовском понимании историческая память, ее внутреннее воплощение в отдельном человеке, в целом народе, во всем человечестве концентрирует в себе некую «сокровенную суть». Ю.Н. Давыдов справедливо видит ее в сознании «человеком своего собственного Я», т.е. самосознании¹. «Со-знание», т.е. знание человека о том, что он познает окружающий мир, переходит в «само-сознание», когда он пропускает исторический опыт предшествующих поколений через собственное «Я» и «Мы». Он осознает свое «Я» как самостоятельную субстанцию и, наряду с тем, как органичную часть «Мы». Это сознание преемственной связи времен и поколений, понимание своего единства с народной жизнью. Помнится, в мире Гамлета распалась связь времен. Это был художественный прием драматурга, усиливший трагическое ощущение времени героем и передававший ощущение трагедии времени. В реальной действительности, даже в самых трагических жизненных коллизиях человеческие поколения всегда стремились сохранять преемственную нить социального бытия. Как известно, каждый данный момент времени, представляя прерыв, «частицу» наличного бытия, тем не менее, может быть «социально осмыслен» лишь в едином потоке непрерывного.

---

¹ Давыдов Ю.Н. Этическое измерение памяти. (Нравственно-философские размышления в связи с романами Чингиза Айтматова) // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. М., 1990. С. 166.

Человеческая история есть разворачивание непрерывно восходящей линии социального времени. Это время может сжиматься и растягиваться, разламываться и соединяться, но распасться не может, ибо движение истории предполагает единство прошлого, настоящего и будущего. Ведь сама деятельность людей имеет реальный смысл в преемственности поколений, в синтезе «сплавления» опыта прошлого, деятельности в настоящем и ориентации в будущее. Историческая память становится самосознанием отдельного человека и целого народа в процессе усвоения культуры, знания своего происхождения и принадлежности, нетленных образов, сохраняющих впечатления детства, лица родных и близких, воспоминания о круге родного мира и народа. Именно поэтому «горький дым отечества сладок».

Самосознание лежит в основе свободы человека. И если человек лишен культурной памяти, иначе говоря, знания собственной истории, то он неизбежно превращается в манкурта. Человек, оторванный от своих, в сознании своем соединяется с ними. Человек же, лишенный своего сознания, даже пребывая среди своих, оказывается чуждым им. Гений кыргызского народа, как бы подспудно чувствуя возможность такого разрушительного хода событий, опережающим образом создавал созидательные, защитительные механизмы в самом человеческом духе. По-видимому, комплексное представление об этом явлении выстраивается в своеобразную концептуальную модель «культуры духовного возрождения». И, что чрезвычайно интересно, здесь «кристаллизуется» некая новая, еще не исследованная сфера в духовно-мировоззренческом развитии кыргызского народа. Историческая память в ее духовной целенаправленности становится сердцевидным началом развития этнополитической культуры кыргызов. Следовательно, когда материальное бытие предоставляет недостаточно средств или вовсе не предоставляет таковых для консолидации народа, то насущная потребность заставляет механизм объединительных усилий перемещаться в сферу духовной жизни. Об этом говорят исторические факты. Например, удивляет, как население экономически разобщенных и политически

раздробленных городов-государств и многочисленных княжеств Италии в XII веке лишь несокрушимым единством своего духа сумело жестко противостоять мощной силе рыцарей Фридриха Барбароссы. Не создавшая единого государства вплоть до середины XIX века Италия, к тому времени, подобно другим европейским странам, представляла сплоченную нацию. Восхищает, как этнически разделенный феодальный Афганистан в XIX веке явил миру рождение нового государства, опережающим образом развивающегося национального самосознания, которое сумело противостоять модернизированной армии капиталистической Великобритании. В становлении этноса «дух» играет не менее важную роль, чем «материя». Порой, высоко поднявшийся «дух» попросту заменяет низко развитую «материю». Таким образом, эта этнополитическая культура обратно воздействовала на характер и содержание формирующихся в обществе политических тенденций развития, направляя их по определенным каналам реализации. Именно в силу действия этой причины, в средневековой истории кыргызской народности распад государственности, сопровождаясь значительной этнической дифференциацией, не приводил к необратимому разложению общинно-родового ядра и, соответственно, сохранял целостность народной жизни, а также обеспечивал непрерывность цивилизационного развития¹.

Этнополитическая культура «патриархально-феодалного принуждения» человека являлась своеобразным способом выживания в жесткой геополитической среде и сохранения народом своей цивилизационной целостности. В жизнедеятельности кочевых этносов в силу часто складывающихся экстремальных ситуаций, когда постоянно вставал вопрос о приспособлении к тяжелейшим природным условиям существования, общие интересы геополитического выживания и цивилизационной адаптации народа оказывались важнее удовлетворения специфических интересов родоплеменной знати.

---

¹ *Тогусаков О.А., Абилдаев Э.Е.* Особенности становления политической организации номадов Центральной Азии // Политическая история Кыргызстана. Бишкек, 2001. С. 43–55.

Мера реализации специфических интересов властвующих групп зависела от эффективного обеспечения общих интересов. Жизненное благополучие кочевых этносов напрямую зависело от их способности расширять и удерживать определенный экологический и геополитический ареал пространственного обитания. Воспроизводство кочевого населения было связано с воспроизводством скота. Чем больше во владении этноса оказывалось обильных лугов, пастбищ и водоемов, тем значительнее были гарантии выживания, благоденствия и роста численности населения. Стремление же расширять пространство обитания неизбежно вызывало противодействие других кочевых этносов, также побуждаемых жаждой расширения.

На наш взгляд, именно это состояние перманентного противостояния вызывало во взаимоотношениях кочевых этносов непрерывные агрессивные войны. Уже изначально, в силу обстоятельств своего существования, кочевник должен был становиться как скотоводом, так и воином. В этих столкновениях с соседями решение конфликта могло быть осуществлено несколькими путями:

- 1) истребление врагов в военной схватке;
- 2) присоединение их в качестве составных звеньев этнической общности;
- 3) воссоединение с более сильной этнической общностью в качестве ее составных звеньев, чтобы противостоять другим крепким конгломератам племен.

Кроме того, как только геоэкологическая среда, окружающая кочевой этнос, по каким-то причинам стихийного характера переставала благоприятствовать воспроизводству скота и благополучию, начинали действовать факторы дифференцирующего порядка.

В акте избрания Манаса ханом отчетливо проявляется незримая взаимосвязь мирского и сакрального начал в историческом сознании людей. С одной стороны, избрание главы государства было делом всенародным. Процедура выборов была изначально демократической, это было делом каждого кочевника. Само слово «курултай», пришедшее из далеких исторических времен, как бы

несло в себе горький привкус и вместе с тем сладостный запах отеческого дыма кочевий предков и тепла родной земли. Курултай, как свидетельствуют предания, созывались на крутых изломах исторического бытия народа, когда именно всенародная воля должна была определить тот или иной выбор и принять судьбоносное решение. Кого из претендентов избрать главой народного единства, принять ли бой с врагом, несущим меч войны, или смириться в рабском ничтожестве перед грозным противником, тронуться ли в путь, неизведанный, сулящий опасности и, быть может, даже гибель, или остаться на старом становище и прозябать в жалком существовании – вот лишь малая толика множества вопросов, которые обсуждались и по которым принимались решения в дни всенародных курултаев. Все, кто считал себя частицей этого народа, взволнованно ожидали курултая, понимая, что его решения определяют важнейшие перемены. И к нему готовились заранее, основательно и серьезно. А когда курултай завершался, люди доносили до самых дальних кочевий все перепетии словесных схваток, имевших место на нем, борьбы различных мнений и предложений, из которых участвовавшие во всенародном обсуждении и делали выбор. Этот исторический факт вносит серьезные коррективы в наше понимание легитимности, т.е. законности власти в кыргызском обществе. Власть ханов в древности и средневековье была не безграничной. В истории кыргызов почти неизвестны случаи узурпирования ханской власти. Чаще всего, решающую роль играли выборы ханов на всенародных курултаях. И эта традиция легитимизации власти идет от укорененных в политическом сознании и поведении кыргызского народа норм и обычаев. В эпосе «Манас» можно наблюдать последовательное воплощение этих норм в деятельности главного героя. Характерно то, что в кыргызском народе не получила развития присущая другим кочевым обществам сословная структура разделения на «ак соок» («белая кость») и «кара соок» («черная кость»). При исторической необходимости и желании народа можно было среди многочисленных потомков Чингизидов найти какого-нибудь захудалого представителя «ак соок». Но, видимо, демократиче-

ская привычка столь сильно «въелась» в политическое сознание и поведение, что весь народ на длительном историческом этапе своего развития оставался в положении «кара соок». Выделение аристократической верхушки манапов из народной массы не говорило еще о деспотическом всевластии. Их роль можно уподобить тому положению, которое занимали потомки аристократических фамилий в демократических Афинах.

С другой стороны, в народной массе всегда присутствовала идея о том, что избранный вождь должен обладать какими-то магическими свойствами, свидетельствующими о его связях с миром божественного. Это сочетание реального и мифического как бы гарантировало успех самого правления. В эпосе очень выразительно передана мифологическая привычка массового сознания наделять народного героя и правителя государства сакральной силой. Само рождение легендарного батыра, рассказывает манасчи, ознаменовалось божественным сигналом. Как и рождение Чингисхана, в подробностях изложенное в «Сокровенном сказании монголов» (оно сопровождалось особыми предзнаменованиями и младенец якобы явился на свет, сжимая в кулачке сгусток крови), рождение Манаса также было чудесным, исполненным сверхъестественного смысла. Тут и вещей сон Джакыпа, и тяжелые роды Чыйырды, которая произвела на свет весьма необычного ребенка, и «горы раскалывающий крик младенца», и «львообразный» облик новорожденного, крепкого и сильного, крупного и тяжеленного, как пятнадцатилетний подросток. Впечатляет поэтически-сказочный образ рождения Манаса, воссозданный вдохновенным повествователем Уркашем Мамбеталиевым:

Тоо көчүрүп баркырап,	Первый крик ребенка
Баланын үнү жанырды.	Расколот горную твердь.
Таманы тийген жеринен,	Ножек случайная печать
Тамдай тагы табылды.	Оставила громадный след.
Аркасы жайык көрүндү,	Широкогрудый стан,
Арстандай кара жал,	Подобно львиной гриве,
Алты айрылып бөлүндү.	В шести распластавшихся частях.

Джакып, безмерно ликуя рождению сына, возносит свою благодарность всевышнему создателю – Тениру (Небу)¹. Надо полагать, термин «Тенир» (в некоторых тюркских языках – «Тэнгри») все же китайского происхождения. Еще в древнейшие времена, в пору ранней стадии становления китайской государственности (примерно XVI–XV века до н. э.), возникает политическая культура, в которой центральной была идея о «Тяньцзы – правителе, сыне Неба»². Согласно этой идее, «Тянь-Небо» представляет собой божественную, «повелевающую» сферу по отношению к нижней, подчиняющейся сфере – «Ди-Земле». Небо передает «мандат» – право на правление человеку, избранному им и уведомляет об этом людей каким-то особым знаком. В китайской политической традиции подобный «мандат» на правление Поднебесной получает личность, обладающая мощной энергией морально-этического воздействия на людей – «дэ». Тюрко-монгольская традиция говорит просто о силе личности, возвышающей ее над всеми и позволяющей по этой причине взять в свои руки бразды правления. Именно среди самых разных тюркских этносов, происхождение которых связано с Центральной Азией, наблюдается широкое распространение культа Неба³. Следовательно, это концептуальное родство, а также геополитическая и историческая среда близкого общения китайского и древнетюркского народов дают основание для выдвижения такой точки зрения. В свете подобной интерпретации данного вопроса кажется недостаточно оправданной попытка возвести генезис термина «тенир» к шумерскому языку и слову «дингир».

¹ Мурас. Бишкек, 1991. № 3. С. 6–7.

² Мартынов А. С. Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции // Народы Азии и Африки. 1972. № 5.

³ Алиев К. М. Культ Тенгири в системе мировоззренческих представлений тюркоязычных народов Северного Кавказа. (Проблемы мировоспитания и миропонимания в древности и средневековье) // Тюркология–88. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции (7–9 сентября. 1988). Фрунзе, 1988. С. 549–551.

Итак, правителем становится «Богом отмеченный и избранный» человек. Избрание его народом как бы является лишь следствием богоизбранности претендента на монарший престол. Причем, сев на ханский трон, правитель должен был все время подтверждать свою богоизбранность. Одним из самых мощных факторов, доказывающих ее, выступала все та же чудесная, всесокрушающая сила. Не только в «Манасе», но и в других мировых эпических произведениях мы встречаемся с традиционным мифопоэтическим взглядом, согласно которому внешняя сила героя выражает его внутреннюю сущность. Благополучие народа прочно ассоциируется с качествами правителя. Богатство, счастье, достаток людей следуют из удачливости, здоровья, силы лидера. И действительно, ведь суровая реальность была такова, что ошибка в выборе претендента на ханский трон оборачивалась неминуемыми бедствиями для подданных. Кратко выражаясь, «в вожде (царе) коллектив объективирует себя и мир превращает в субъект»¹. Наиболее зримым и впечатляющим проявлением силы считалась череда побед на поле брани. Если правитель постоянно побеждает всех своих врагов и расширяет границы своего государства, это как раз и свидетельствует о том, что Бог покровительствует ему. Читая и перечитывая «Манас», мы восхищаемся и в то же время изумляемся той непрерывной череде героических сражений и грандиозных побед, которые одерживает Манас. Ханы Нескара, Текес, Орго, Акунбешим, Алооке, Шоорук, Конурбай – вот далеко не полный перечень лиц, с которыми приходится сражаться легендарному герою и его дружине. Здесь богоизбранность эпического персонажа непосредственно выводится из того, сумел ли герой победить на поле битвы всех своих врагов?! Законность правления доказывается посредством удачливости в военных делах. Тимур, которого придворные летописцы льстиво величали «Повелителем Мира» и «Потрясателем Вселенной», изрекал: «...Всевышнему благоугодно было поставить меня пастырем народа, возложить на голову мою венец царский и утвердить

---

¹ Брагинская Н.В. Царь // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 615.

меня на престол». Эта его уверенность, что он избран Аллахом, укреплялась по мере того, как он в сражениях почти не терпел поражений и часто побеждал своего противника. В глазах своих современников он обладал в полном смысле харизматическим ореолом. В таких обстоятельствах, естественно, он вовсе и не нуждался в том, чтобы как-то искать для себя древнюю ханскую родословную. Поэтому, чтя политические традиции своего времени, имевшие большое влияние на сознание и поведение людей, даже в период наивысшего могущества своей власти, он как бы прикрывался именем одного из бездарных потомков дряхлевшей династии Чингизидов, называя его ханом. А себя скромно величал амиром. Отдавая номинально ханскую власть другому, Тимур удовлетворялся тем, что он был фактически повелителем. Или другой пример. В дастане Ахмеди «Iskender-name» («Книга Александра») воспеваются героические деяния Орхан-бея, внука Эртогрула и сына основателя турецкого государства Осман-бея¹. Орхан представлен удачливым правителем, непрерывно одерживающим победы над врагами, демонстрирующим в глазах подданных законность своей верховной власти. Его успехи являются бесспорным доказательством благосклонности Всевышнего. Бог покровительствует делам этого правителя. Все военные и мирные предприятия, начатые Орханом, завершаются успешно². Этот идеализированный образ реального правителя имеет глубокие истоки в общетюркской центрально-азиатской концепции о связи между «богоизбранным героем» и Всевышним, т.е. Небом.

Как это ни парадоксально, именно сакрализация деятельности правителя государства в истории была мощным источником единения и консолидации народа. В кочевом мире она открывала реальную возможность, наряду с органично вплетенной в родо-

---

¹ *Ahmedi. Iskender-name*. Рукопись СПб. Ин-та востоковедения РАН (без даты издания).

² *Петросян И.Е.* О чем говорят «недостовверные источники». Дастан Ахмеди и ранняя история Османского государства // Восток. 1993. № 4. С. 21.

племенные институты потестарной структурой, создавать параллельно иную, политическую структуру, функционирующую непосредственно под руководством государя. В эпосе «Манас» очень четко и ясно раскрывается процесс перехода от этнополитической культуры, базирующейся на родоплеменных связях, к культуре политической, прораставшей на почве государственно-территориальных связей. Следовательно, здесь речь идет об исторических реалиях той эпохи, когда кыргызский этнос, преодолевая родоплеменной строй как явление своей социально-политической биографии, пытался перейти к государственному строю, к новой ступени организации жизни. Переход же к государственной форме организации общественного бытия, как отмечалось, был сопряжен с необходимостью появления в определенный период исторической жизни народа харизматической личности. Этнополитическое сознание народа в легендарной фигуре Манаса признает такую божественную, священную уже по своему происхождению личность. По мнению современного американского социолога С. Липсета, в период своего формирования государственная власть узаконивала себя очень часто «средством харизмы». Например, в той же истории монгольского народа переход от родоплеменной организации к государственному строю приходится на период жизни и деятельности Чингисхана. Потомки же Чингисхана образуют длинную цепь так называемой легитимной власти. Эта легитимность верховной власти Чингизидов обеспечивалась тем, что сакральная сила династии воспринималась людьми как правомерно передающаяся потомкам, т.е. своего рода привычка, стереотип этнополитического сознания и поведения. Бабур, один из прославленных потомков Тимура, завоевав Индию, основанное им новое государство называет «державой Великих Моголов». Каковы мотивы такого названия? Инерция политического мышления концентрировалась на идее, что могущество и сила империи Чингисхана должны были как бы «перелиться» и продолжиться в новом государстве. Лишь сакральная фигура правителя и его потомков с их «магическими качествами» могла удержать в консолидированном единстве ко-

ческое государство, которое в своем историческом развитии слишком часто раздиралось бесконечным противостоянием интересов разделенных родоплеменных объединений. Кочевое общество характеризуется как дуализмом собственности, так и дуализмом властвования. Даже в период наивысшего своего развития государству почти никогда не удавалось полностью сосредоточить у себя всю реальную власть. А в моменты распада государственного начала власть «перетекала» к родоплеменным институтам. В такие времена лишь историческая память в образе культуры «духовного возрождения» обеспечивала народное единство. Отсюда, по-видимому, следует вывод, что человек и народ не могут существовать без исторической памяти. Как видно, особенно в ней люди нуждаются на крутых изломах исторического бытия. Историческое беспамятство приводило ко многим народным трагедиям. Пожалуй, именно в те роковые мгновения истории, когда народ в своем беспамятстве переходил какую-то судьбоносную критическую черту, он исчезал с лица земли, уходил в небытие. Ярчайшими примерами такого трагического поворота событий являются судьбы широко известных в древности Ассирийской военно-политической империи и ассирийского народа, а в средневековье Кыпчакской кочевой державы и кыпчакского народа. Почему одни народы, не выдержав суровой драмы исторических коллизий, трагическим образом погибают, другие же, выдержав натиск жестоких времен, закаливаясь в неустанных испытаниях, продолжают жить и развиваться? Кажется, вопрос этот и ответ на него, как бы мы ни пытались воспроизвести весь ход событий и объяснить их во взаимосвязи, все равно содержит в себе некую историческую тайну. Думается, она сокрыта в духе народном. К примеру, слишком разросшееся имперское сознание подавило и размыло духовные скрепы, обеспечивавшие единство ассирийского народа, и когда империя пала, народ буквально рассыпался. Кыпчакский же этнос, расселившись на необъятных пространствах от степей Монголии до устья Дуная, видимо, потерял узы духовного родства. История оказалась, к счастью, благосклонной к кыргызскому народу. Ведь были в его более чем двухтысячелет-

нем бытии периоды, когда казалось, что связи, скрепляющие его единство и целостность, вот-вот оборвутся, а народ, распавшись, погибнет в пучине страшных войн и бедствий. Но, бог милостив, судьба давала шанс жить дальше и бороться за свое существование. И завесу этой тайны, наверное, можно приподнять и многое увидеть, если мы сумеем взглянуть на события, переживаемые нашим народом в историческом прошлом и повествуемые в своих каких-то судьбоносных чертах в эпосе «Манас», с точки зрения этого духовного стержня.

Как справедливо указывают ученые, из отсутствия социальной эволюции, напоминающей европейскую эволюцию, был сделан опрометчивый вывод об отсутствии в кочевом обществе всякой эволюции. Более того, кочевой мир стал представляться разрушительной силой в истории. Номады же нередко изображались в образе варваров и хищников, паразитирующих на захвате и разграблении богатств, накопленных в земледельческом мире. В этой связи, обычным является мнение, что свои ограниченные производственные возможности кочевники стремились восполнить грабительскими набегами и захватническими войнами, т.е. тем, что Дж. Гуди называет «производством добычи»¹. В этом идеолого-мировоззренческом контексте весьма показательны размышления следующего рода. Историко-экономические оценки подтверждают, что условная единица площади обрабатываемой земли была способна приносить семь кормовых единиц. В случае же ее перевода на экстенсивное скотоводство, она давала всего одну единицу. Даже подсчитано, что пищевая ценность олеины с единицы площади составляла 1 каллорию, а риса – 1012. Выходит, при номадизации земля способна прокормить во много раз меньшее количество людей. Так почему же масштабы номадизации в экономической истории Юго-Западной и Средней Азии были столь огромными в средние века? Почему кочевник не желал обрабатывать землю? Ссылаясь на К. Виттфогеля, отмечавшего нередко имевшуюся у номадов свободу выбора, А.М. Петров приходит к неутешительному выводу, что отказ кочевника

---

¹ *Goody J. Technology, Tradition and the State in Africa. L., 1971.*

от оседлого образа жизни чаще всего продиктовывался «нецелесообразностью добывания жизненных средств неизмеримо более трудоемким крестьянским путем», нежеланием попасть в жесткий и жестокий воспроизводственный механизм восточного земледелия, основывающегося на деспотизме. Не исключено, что дело усугубляла «имевшаяся возможность получить желаемое посредством власти, паразитирующей на оседлом населении, на притеснении последнего (превращение оазисов в пастбища и т.д.)»¹. Если перевести такие мысли на простой, будничны́й язык, то получается, что кочевник ленив, а потому – беден, с завистью, вожделением ждет момента, чтобы силой отобрать у земледельца его богатства. Естественно, летняя пора являлась лучшим временем в жизниномада. Но в экологических условиях Центральной Азии зима бывает чрезвычайно суровой. Неужели кочевник благоденствовал в насквозь продуваемой холодными ветрами юрте?! Неужели ему не хотелось жить в теплой избе? Несомненно, никто не может отрицать страшные последствия для земледельческих районов от татаро-монгольского нашествия Чингисхана или завоевательных походов Тимура. Однако, они были не менее разрушительными и для кочевого хозяйства. Да, действительно, история хорошо помнит, что монголы, уничтожив империю Цзинь, превратили обширные пространства в пастбища. В тысячу и даже в сто с лишним тысяч цинов². С древнейших времен кочевники были заинтересованы в расширении торгово-экономических связей с оседлыми земледельцами. Все, изучавшие этот вопрос, подчеркивают, что товарно-денежные отношения в кочевом обществе достигают высокого уровня развития. Еще К. Маркс писал: «Кочевые народы первые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой, форме и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов»³. Хозяйство но-

---

¹ Восток. 1999. № 1. С. 189.

² У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980. С. 30.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 99.

мадов уже по способу производства не могло быть замкнутым, автаркичным, в отличие от земледельческого. Поэтому кочевники были вынуждены нередко отстаивать свое право на торговлю с земледельцами путем применения военной силы. Исходя из таких соображений, Т.А. Жданко обоснованно полагает, что «роль в историческом процессе пресловутых “разбойничьих” нападений кочевых орд на земледельческие оазисы сильно преувеличена», и что такие нападения «большой частью вызывались именно нарушением по каким-либо историческим причинам тесных торговых связей степных племен с оазисами и стремлением восстановить экономическое равновесие путем насильственного подчинения городов и сельских местностей и получения необходимых кочевникам продуктов земледелия и ремесла в виде добычи или дани»¹. Такой же взвешенный подход в оценке исторических взаимосвязей кочевников и оседлых народов обнаруживается в исследованиях французских ученых Ле Турне, Лэмбтина, Каэна. Им удалось показать, что нашествия кочевников могут быть самыми различными по результатам. Во-первых, они не обязательно несли с собой гибель и разрушения. Во-вторых, движения кочевников действительно являлись во многих случаях фактором обновления и перехода общества на качественно новую ступень. В-третьих, отношения кочевников и оседлых народов нужно рассматривать не как ситуацию антагонистической вражды, а как взаимодействие противоречивых частей одного социально-экономического организма².

Манас предстает в образе не просто прародителя кыргызской народности, но и в качестве основателя государства. Наверное, было бы наивным полагать, что в эпосе «Манас» найдет хоть какое-то отражение процесс созидания государства. Ведь эпическое произведение, как творение народное, возводит в идеал и вдохновенно поэтизирует не государство и его правителя, а народ, его единство, славу героя-батыра, преданно защищающего народные

---

¹ Жданко Т.А. Проблема полуоседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана // Советская этнография. 1961. № 2. С. 54.

² Мусульманский мир. 950–1150. Сборник. М., 1981. С. 95–150.

интересы. Но даже в скупых упоминаниях, замечаниях можно уловить характеристики, присущие государству, создаемому Манасом и его дружиной. Почти девизом-лозунгом звучат наполненные поэзией слова: «Курама курап журт кылдым. Кулаалы таптап куш кылдым» – «Сплотил разрозненный род я в единый народ. Государства соколиные крылья ему дал». Тайна кочевого общества и государства скрывается в том, что мы обозначили как дуализм собственности и власти. В кочевом мире не было условий для формирования государства в европейском смысле. Так, в феодальную эпоху Европа последовательно прошла путь от «военной демократии» к «сословной монархии», а затем к «абсолютистской монархии», сменившейся в период буржуазных революций «конституционной монархией» или «республикой». Завесу над природой кочевого государства приоткрывает А.Н. Нысанбаев. Разбирая проблему казахского кочевого государства, он пишет, что «не было особой роли государства в жизни казахского общества, поскольку не было самого государства в западном (можно сказать в марксистском) его понимании». По его мнению, деклассированное казахское общество функционировало в основном как гражданское общество. Поведение рядового члена общества регулировалось при помощи определенных правил «степной демократии». Вместе с тем, «содержание и характер властных отношений определялись классическими восточными традициями государственного управления».

Китайские источники подтверждают, что аппарат управления Кыргызского каганата имел достаточно разветвленный штат чиновников, делившихся по шести разрядам. Упоминаются семь глав ведомств, три главы местных администраций, десять уполномоченных из центра на места чиновников, пятнадцать делопроизводителей. Были военные чины, сборщики налогов и податей и т.д. Таким образом, Кыргызский каганат являл собой, по определению китайских летописцев, особый тип кочевого государства («син го» – «государство передвигающихся»). Китайцы, к концу I тысячелетия н. э. обладавшие двухтысячелетним опытом государственности, без колебаний и сомнений относили кочевой тип

государственности к разряду подлинных государственных образований, хотя и весьма специфичных¹. Созданный в эпосе полнокровный образ «кырк чоро» («сорока витязей») имеет огромное символическое и реальное значение. Организация дружины «кырк чоро» – это начало перехода от родоплеменной к территориально-административной организации жизни общества и государства. Во-первых, «кырк чоро» – это символ воинской доблести, отваги, бесстрашия на поле брани. Трудно даже вообразить, что медногрудный и железнорукий Манас, обладавший могучей, нечеловеческой силой, не боявшийся идти против дюжины вражеских богатырей, мог бы в конечном счете одержать блестящую победу в сражении, не будь рядом с ним его сорока витязей. Но, во-вторых, нужно учитывать, что витязи, хотя каждый из них связан многими родственными нитями с каким-то родом и племенем, откуда он происходит, являются членами единой семьи Манаса. Это люди, оторвавшиеся от родоплеменных корней, служащие идее «ынтымак», зримые черты которой воплощались в том государственном объединении, которое создавал Манас. В эпосе «Манас» образ «кырк чоро» традиционно преподносится прежде всего со стороны своих воинских деяний. Однако же внимательное чтение и изучение текста позволяет видеть казалось бы и незримую социальную подоплеку связи Манаса и «кырк чоро». Конечно, Манас для них и вождь, и предводитель, и герой, и бог, и человек. Гамлет, вспоминая своего отца, называет его «человеком в полном смысле этого слова». Манас для витязей, как и для народа, – «высшее проявление человеческого духа». Весь облик, образ деяний, мыслей и намерений Манаса подчеркивает, что в нем наиболее органично слились лучшие черты подлинного человека. Поэтому-то говорится о нем: «айкөл Манас» – «Манас великодушный». Служить под руководством такого человека – это счастье и гордость для витязей. В свою очередь, Манас выдвигает перед ними ясную и четкую программу действий. Свободы и мира, которые жаждал каждый кыргыз, невозможно добиться

---

¹ *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

если не будет «ынтымак» – «единства» народа. Это требует постоянных воинских усилий. Обращаясь с речью к своим витязям, Манас призывает их не давать оружию долго ржаветь, ведь враг побеждает именно того, кто ослабел в бездеятельности. Только воинский успех на поле битвы давал возможность в те времена сохранить мир и спокойствие в очагах. Враг мог быть убежден, что получит действенный отпор лишь тогда, когда ему наглядно демонстрировали мощь и силу воинского оружия¹.

Эпос «Манас» объединял и сплачивал кыргызский народ в течение многих веков. Манас был героем, которому подражали многие юные души. Сейчас, в пору серьезных перемен в нашей жизни, необходим дух, присущий реалиям этого эпического творения. Сотворить новый мир могут лишь люди, обладающие подлинным духом преобразовывать, изменять его. Развитие национальной государственности требует укорененных традиций. К счастью, они в нашей истории имеются. Поэтому идея национального возрождения имеет под собой реальную основу. Для своего утверждения в трудных реалиях современной жизни, человек должен иметь некие привлекающие образы из прошлого. И если таковые находятся, то обнаруживается вера в будущее, готовность и способность изменить мир в соответствии с этой верой.

---

¹ СОВ. Т. 2. С. 284–290.

А.Д. Дононбаев
доктор полит. наук, профессор

**О ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ДРЕВНЕГО КИТАЯ (СТРАТАГЕМНОСТЬ
МЫШЛЕНИЯ)**

В истории Китая эпоха «Чжаньго» – «Сражающихся царств» (453–221 годы до н. э.) являет собой крутой исторический перелом, на гребне которого Китай пережил невиданные катастрофы, казалось, разрушавшие до основания истоки человеческого сосуществования и единства. В огне разрушительных войн, нескончаемых и напряженных, гибли царства и люди, наносился огромный ущерб материальным и духовным ценностям, созданным усилиями и трудом многих поколений. И это все погибало, и вновь создавалось. Естественно, в эту историческую эпоху решающим фактором становится такая закономерность, как «покорение» и «поглощение» государств друг другом, а в политической культуре международных отношений древнекитайских царств доминирующая роль переходит к принципам «конфронтационности» и «конфликтности». Подобная политическая культура направляет поведенческие ориентации людей в русло взаимного ожесточения. Всякий обладавший силой правитель царства стремился бросить вызов своим очередным врагам с позиций непримиримой конфронтационности и конфликтности. Уважали и признавали только силу, продемонстрировать которую можно было лишь в конфликтных ситуациях, неизбежно перераставших в кровавые войны. Идея *сосуществования*, тем более, *суверенитета* функционирующих рядом друг с другом государств еще совершенно неведома в эту эпоху. И, как следствие, в международных отношениях политическая культура

«компромисса» и «консенсуса» становилась прибежищем слабых царств. Но менталитет, выработавшийся в условиях изощренной борьбы в политической сфере, позже распространился и на гражданскую жизнь. Человек теперь не придерживается древних этических норм, моральных принципов, не обуздывает свою эгоистическую стихию, а желает обуздать и подчинить своим страстям других людей. В действиях людей на передний план выходит не только индивидуализм, т.е. стремление обозначить свое личностное «Я», определиться в своем индивидуальном бытии, обособиться от ближайшего окружения в своих интересах и притязаниях, но и эгоизм, эгоцентризм, который диктует человеку не просто жажду самоутверждения, но самоутверждения посредством ущемления жизненного пространства других людей, и даже их уничтожения.

В целом же, войска сражающихся царств с 476 по 221 годы 222 раза встречались на поле брани. В период между 354 и 255 годами до н. э. только одно царство Цинь более 40 раз выступало против своих соседей. В таких условиях убийства царей уже становятся рядовым событием. В эпоху «Чжаньго», сообщает Цзи Вэньфу, были казнены и умертвлены 36 правителей¹. В этой ситуации создаются союзы, коалиции государств. В период «Чуньцю» претенденты на роль объединителей широко используют тактику союзов с наиболее удаленными царствами. Так сформировался союз «Хэцзун» («Вертикальный союз»), объединивший царства Чжао и Чу. Другой союз – «Ляньхэн» («Горизонтальный союз») объединял царства Цинь и Ци. Союзы создавали видимость стабилизации межгосударственных отношений. Но они были весьма непрочными и временными образованиями, сотканными из множества противоречий и конфликтов. Придя к согласию по каким-то вопросам, правители царств и их сановники искали пути и способы его нарушения, если это диктовалось сиюминутной выгодой и целесообразностью. Консенсусы были непрочны и кратковременны, а конфликты – неодолимы и постоянны. Не сумев найти точку компромисса и не имея особого желания пре-

---

¹ Цзи Вэньфу. Чуньцю – Чжаньго сысян шихуа (Беседы по истории идей эпохи «Чуньцю – Чжаньго»). Пекин, 1958. С. 12.

одолеть существующие конфликты, неизбежно перераставшие в конфронтацию, эфемерные политические союзы разваливались подобно картонным домикам. Ко второй половине периода «Чжаньго» они теряют всякое реальное политическое значение. Но, следует все-таки заметить, что даже в усеченных исторических формах политические союзы царств открывали в определенной мере дорогу развитию благотворных общественных тенденций в сферах производства и торговли. В этой связи ускоряется процесс, в результате которого создается ситуация, когда наиболее сильное царство приобретает возможность не только доминировать, но и реально обладает способностью уничтожить своих соперников. Это и происходит. Так, в 228 году до н. э. под ударами войск царства Цинь пало Чжао, в 225 – Вэй, в 223 – Чу, в 222 – Янь и, наконец, в 221 – Ци.

Интересно то, что в эпоху «Чжаньго» мыслители и политики в прагматическом плане признают военную силу в качестве главного фактора достижения гегемонии и поддержания нормальных межгосударственных связей. Однако превосходство грубой военной силы не всегда и не во всем оказывается решающим условием. Ей противопоставляют изощренную политическую интригу. Дипломатические хитрости и уловки становятся жизненно важными средствами обуздания противников.

Основателем этого направления в искусстве ведения войны, названного впоследствии стратагемной дипломатией, считается древнекитайский полководец Синь Бинь, живший в царстве Ци в IV веке до н. э. Его размышления легли в основу широко известного трактата «Сунь-цзы». Приведем лишь одну цитату из него: «Война – это путь обмана. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко...»¹.

---

¹ Древнекитайская философия: собр. текстов в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 202.

Поэтому искусство и технология обмана, притворства, лицемерия и предательства являются повседневными знаками и символами того времени. Как это ни удивительно, сложность многоходовых комбинаций в противоборстве соперников, создает многоцветную картину «уравновешивающегося» взаимодействия между силой одних и слабостью других царств. По-видимому, это обстоятельство и продлевало в своей бесконечной протяженности время междоусобных схваток и борьбы. В «Планах Сражающихся царств» встречается эпизод, в котором повествуется о том, как в 341 году до н. э. войска царств Ци и Вэй сошлись на поле брани. В этой битве стотысячная вэйская армия была разбита, погиб наследник вэйского престола. Обуреваемый жаждой мести, вэйский ван обращается к своему ближайшему сановнику за советом: «Ведь Ци – мой враг, ненависть к которому не ослабнет до конца дней моих. Хотя моя страна невелика, но у меня часто возникает желание собрать все войска и ударить по нему». Сановник царства Вэй отвечает, что этого нельзя делать, и поучает своего правителя о необходимости в своих политических действиях держаться правила «меры» и «расчета». Он предлагает своему господину отправиться к царскому двору Ци и там объявить, что он готов стать подданным правителя этого государства. Такой шаг приведет к тому, что вызовет гнев и ревность правителя царства Чу. Его войска начнут войну с царством Ци. И действительно, этот хитроумный маневр вызвал гнев царя Чу и ненависть царя Чжао в отношении правителя Ци. Войска Чу выступили в поход против Ци, а армия Чжао оказало им содействие. Царство Ци потерпело сокрушительное поражение.

Объясняя этот эпизод, К.В. Васильев совершенно справедливо подчеркивает, что непомерная гордыня царства Ци, принимающего от вэйского царя почести, полагающиеся по традиции лишь Сыну Неба, нужно рассматривать «не как нарушение нравственного принципа, а как опасный политический просчет». Людям того времени, непрерывно находившимся под жестким прессом повседневного сурового опыта и потому относившимся к жизни с позиций обыденного реализма, «политические планы и замыс-

лы», содержание которых сводилось к вероломству и предательству, вооруженному грабежу и ежеминутному переходу от обмана к насилию, «казались единственными источниками исторических перемен»¹. В тех жесточайших условиях, когда дистанция между жизнью и смертью была слишком короткой, чтобы пренебречь какими-то нюансами существующей ситуации, поневоле приходилось отбрасывать напрочь морально-этические принципы, приноравливаться к поистине «свинцовой» действительности, постоянно держась ориентации на прагматические соображения. Родоначальник одного из важнейших идейно-политических учений древнего Китая, школы «законников» – легизма («фацзя»), оказавшего огромное влияние на историю этой страны, Шан Ян (390–338 годы до н. э.) откровенно говорил в своей «Книге правителя области Шан» о невозможности и нецелесообразности придерживаться в политической деятельности конфуцианских норм гуманности, милосердия и долга. Древность, когда этические нормы находили применение в разных областях жизни, в том числе и в политике, исчезла безвозвратно. Ее порядки не вернуть. Современность, т.е. время междоусобной борьбы, является совсем иной политической реальностью. Другой последователь легизма Хань Фэйцзы (ок. 288–233 годы до н. э.) доказывал, что в настоящее время правителям приходится иметь дело совсем с иным народом, чем в древности. Теперь «пропитания на всех не хватает. Поэтому в народе идет борьба... ибо бедность и богатство – это не одно и то же»². Правитель, если он хочет одолеть и свалить своих врагов, преуспеть в осуществлении своих целей и замыслов, должен не стесняться идти путем использования таких средств, как коварство, вероломство и хитрость. Это возможно, когда правитель рассчитывает каждый свой шаг на много ходов вперед, соблюдает меру в своих притязаниях, учитывая особенности складывающегося момента. Объединение раздробленной «Поднебесной» в единое государство правителем царства возможно лишь при условии постоянного и трезвого учета

---

¹ *Васильев К.В.* Планы Сражающихся царств. С. 120–122.

² Древнекитайская философия. Т. 2. М., 1972. С. 261.

политической ситуации и способности принимать решения, в которых для достижения конечной цели используются любые средства. Шан Ян и Хань Фэйцзы, а также и другие представители легизма были истинными прагматиками своего времени, подходившими к оценке прошлого с позиций настоящего. Они считали возможным и даже нужным правителю в случае необходимости жертвовать этическими принципами должного поведения, утвердившимися в древнем чжоуском обществе, но утратившими свое значение в современном им реально-сущем мире, во имя достижения конечных целей. Иначе говоря, идея, которая в европейских условиях получила концептуальное выражение во взглядах Н. Макиавелли в XVI веке, не раз посещала также и древнекитайских политических мыслителей. Более того, в теории легизма она получает основательное развитие.

Но, откровенно признавая доминирующий характер «патронажа силы» в практических делах, политики и мыслители времен «Чжаньго» в своей риторике и необходимых жизненных ситуациях опирались на морально-этические принципы, которые, по-видимому, уже стали органичным компонентом системы миропонимания и политической культуры древних китайцев. Эта политическая культура являлась скрытым движущим мотивом в межгосударственных отношениях. Поэтому каждый гегемон провозглашал в своей деятельности достижение двух целей. Во-первых, в обстановке утери Сыном Небареальной власти, дарованной ему Небом, стать связующим звеном между ним и правителями царств, для чего решить задачу объединения Поднебесной. Эта функция, которую брал на себя гегемон, близка к позиции, занимаемой впоследствии в средневековой Японии сёгуном в его отношениях с императором. Во-вторых, объединив страну, дать отпор многочисленным варварам и расчистить путь к «умиротворению» Поднебесной.

Для народного мирозерцания в эпоху «Чжаньго» характерно выведение нравственности и этики из космического миропорядка. Мораль оценивается сугубо натуралистически: она есть космический миропорядок, проецирующийся на человека.

Область нравов не осознается еще как специфически общественная, исключительно человеческая сфера. С этой точки зрения священная особа чжоуского вана как бы незримо возвышается над всеми подданными. Она, находясь на земле («ди»), одновременно пребывает на небе («тянь»), сообщаясь с небесным владыкой. Его величие основывается не столько на авторитете силы, сколько на предустановленном космическом порядке обладания «этической благодатью» («дэ»)¹. Если бы чжоуского вана отличало от подданных только наличие силы, то он ничем бы не выделялся из толпы, и любой владетель удела, почувствовавший свою мощь, мог бросить ему вызов, и, в случае победы, отнять власть и сесть на его место. Для каждого очередного гегемона, глубоко в душе лелеявшего мечту объединить страну и стать основателем новой династии, всегда вставал мучительный вопрос о том, обладает ли он «мандатом» на управление Поднебесной, дарована ли ему власть Небом, причастен ли он к «дэ» – «небесной благодати»? И если в практической деятельности он терпел крах, то тем самым как бы убеждался, что Небо отвернулось от него и что он не обладает «благодатью» в достаточной мере, чтобы претендовать на управление Поднебесной. Чжоуский ван, хотя он в настоящий момент потерял власть, тем не менее, как потомок У-вана, родоначальника правящей династии, которому Небо даровало «мандат» на управление, может вернуть благосклонность небесного владыки. Иначе говоря, признание суровой политической реальности постоянно сопрягалось с образом идеально-должного мира, присутствующего в сознании людей и повелевающего действовать в соответствии с его принципами².

Китайская стратагемная дипломатия нашла свое применение и в других странах Восточной и Юго-Восточной Азии. В литературе нередко приводят весьма показательный эпизод из истории

¹ *Васильев К.В.* Религиозно-магическая интерпретация власти вана в западночжоуских эпиграфических текстах // Китай: общество и государство. М., 1974. С. 10–12.

² *Мартьянов А.С.* Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции // Народы Азии и Африки. М., 1972. № 5.

средневековой Японии. Япония XVI века. Бесконечные феодальные распри разоряют страну, тормозят ее развитие. С середины столетия крупнейшие князья (даймё) предпринимают попытки объединения страны. Один из них – Такэда Сингэн, властитель княжеств Каи и Синано. Главным военным советником Такэда был Ямамото Канскэ. Начертанные на знаменах Такэда слова «ветер, лес, пламя, горы» он перефразировал в основные принципы своей стратегии: быстрый, как ветер; спокойный, как лес; всепобеждающий, как пламя; несокрушимый, как горы.

Одной из операций, спланированных и проведенных по советам Ямамото Канскэ, была операция по присоединению княжества Сува. По настоянию Ямамото, Такэда двинул свою армию на Сува, его войска далеко углубились во вражескую территорию, назревало решающее сражение...

В ставке Такэда один из военачальников докладывал князю:

– Господин, войска готовы. Мы ждем приказа начать общее наступление.

Такэда повернулся к советнику:

– Ямамото Канскэ, как ты считаешь, начинать наступление?

– Зачем? Всё уже и так решено. На знаменах армии Такэда начертано: ветер, лес, пламя и горы. Этого достаточно. Надо думать о переговорах.

В разговор вмешался младший брат Такэда Сингэна, Нобусигэ:

– При чем здесь переговоры? Ты лучше скажи, как нам выиграть сражение?

Канскэ спокойно ответил:

– Повести войска в бой – еще не значит быть хорошим полководцем. А вот победить без лишних потерь...

Сингэн с ним согласился. В этой ситуации князь Сува, который решил, что даже великий Сингэн устранился его могущества, с радостью согласился на мир и даже стал названным братом недавнего противника. После этого он дважды приезжал в гости к Такэда, всячески демонстрируя свою лояльность. Когда же он приехал во владения Сингэна в третий раз, то, по совету

Ямамото, князь Такэда приказал убить его. Когда убийство совершилось, Сингэн спросил советника:

– Канскэ, почему ты так настаивал, что князя Сува надо убить?

– Потому, что у меня возникла та же самая мысль, что и у Вас. Разве Вам не показалось подозрительным, что он приезжал сюда три раза подряд? Вежливость требовала, чтобы Вы тоже поехали к нему в гости. А это означало бы опасность для Вас.

Довольный, что избежал ловушки, Сингэн спросил:

– Канскэ, когда мы нападём на Сува?

– Я полагаю, Вы это знаете, господин, – спокойно сказал Канскэ и, поклонившись, ушел.

Вскоре к князю явились военачальники во главе с главным военачальником Итагаки:

– Господин, надо спешить. Надо немедленно выступить в поход на Сува.

Сингэн рассмеялся:

– Нет, спешить совсем не надо! Знаешь, Итагаки, Ямамото Канскэ – он просто *ужасный* человек!

В итоге расчет Ямамото Канскэ оказался правильным. Убийство князя сначала обозлило вассалов Сува, они готовы были драться до конца с войсками Такэда. Но так как тот не спешил нападать, они занялись более важным делом – выяснением отношений с целью захвата престола княжества: ведь у убитого князя не было сына и, следовательно, не осталось наследника. Через полгода после убийства, когда армия Такэда двинулась на Сува, ей удалось захватить княжество почти без сопротивления.

Приведенный в исполнение план Ямамото реализовывал одну из канонических китайских стратагем – стратагему № 4: «В покое ожидать утомленного врага». Это стратагема изматывания противника, смысл которой в том, что силы, изматывающие противника, проистекают не из открытого противоборства. В точности по этой же стратагеме (хотя, конечно, не зная о ней) действовал Кутузов, оставляя Москву и тем самым обрекая Наполеона и его войска на тяжелую и голодную зимовку, которая

окончательно подорвала моральный дух французской армии и нанесла ей материальный урон. После этого «ожидания в покое» «утомленный враг» начал отступление, закончившееся полным уничтожением армии.

Для того, чтобы понять, о чем идет речь, обратимся к понятию *стратагема*. Само понятие *стратагема*¹ (по китайски: чжимоу, моулюе, целюе, фанлюе) означает стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость. Интересна сама семантика этого понятия: чжимоу, например, одновременно означает и сообразительность, и изобретательность, и находчивость.

В контексте древнекитайского канона, переводимый в европейской литературе словом «стратагема» термин «цзи», обозначающий план, расчет, военную уловку близок по смыслу знаку «фа» – прием, способ, метод. Содержание понятия «стратагема» многослойно. Оно включает краткое разъяснение, цитату, раскрывающую смысл стратагема, комментарий, часто иллюстрируемый историческим прецедентом. Стратагема выражает китайскую ментальность, для которой видимый мир и является и не является реальностью. Китайская мудрость – наука бодрствования духа, чуткого отслеживания текущего момента². Ее главный вопрос не *что?* Даже не *как?* А *когда?* Быть мудрым по-китайски – значит, просто уметь все делать вовремя. Стратагемное мышление в глазах китайца изначально высокоморально, поскольку требует осознать во всей полноте объективное положение вещей. Победа в поединке хороша уже потому, что достается сильнейшему – тому, кто претворил в себе «полноту сердечного понимания».

Тем не менее, проблема соотношения стратагемности и морали была поставлена еще в древнем Китае. Она решалась исходя из одного общего критерия: если герой действовал, исходя из

---

¹ Стратагема – от греческого слова «Stratanehma», действие полководца, военная хитрость.

² Гончаров С.Н. Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1999. С. 175.

интересов государства и ради благоденствия народа, то он становился положительным героем, его стратагемы и основанные на них действия были благородными по определению. Разумеется, узурпаторы власти, охотники за чужим добром и прочие злодеи составляли «негативные» стратагемы, которые, тем не менее, подлежали изучению и запечатлению в анналах истории.

Как уже отмечалось, стратагемность зародилась в глубокой древности и была связана с приемами военной и дипломатической борьбы. Огромное влияние на теоретическую разработку стратагемной дипломатии оказал Сунь-цзы, требовавший облекать предварительные расчеты в формы стратагем. На протяжении тысячелетий китайские полководцы составляли стратагемы для взятия крепостей и достижения успеха в военных кампаниях.

Однако стратагемы составляли не только полководцы. Политические учителя и наставники царей были искусны и в управлении гражданским обществом, и в дипломатии. Все, что требовало выигрыша в политической борьбе, нуждалось, по их убеждению, в стратагемном оснащении. Владение искусством составлять стратагемы было свидетельством высокой одаренности. О таких людях говорили: не успеет шевельнуть бровью, как в голове рождается план. В древнем Китае придворные ученые и философы также занимались составлением стратагем. Эти профессионалы предлагали свои секретные планы правителям, способным оплатить их интеллектуальные услуги. Высшие сановники китайской империи должны были в совершенстве владеть искусством составления стратагем. Их способность в этой области отмечалась в императорских указах.

Кто же может успешно пользоваться стратагемами? Тот, кто всесторонне подготовлен, кто, изучив особенности стратагемного мышления и действий, может обеспечить выигрыш в состязаниях даже с более сильным и хитрым противником. «Непобедимость заключена в самом себе, возможность победы заключена в противнике», – учил Сунь-цзы¹. Стратагемность – это школа

---

¹ Харро фон Зенгер. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. М., 2007. С. 5.

психологического противоборства, которой присущи свои законы и требования. Давая рекомендации своим читателям, Сунь-цзы впервые описал определенный стереотип поведения, который можно назвать азбукой стратагемщиков. «Если ты и можешь что-нибудь, – наставлял великий стратег, – показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его, приведи в расстройство и бери его; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; если его силы свежи, утоми его; если его ряды дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает»¹. Девизом стратагемного образа действий являются слова Сунь-цзы: «Сначала будь как невинная девушка – и противник открывает свою дверь. Потом же будь как вырвавшийся заяц – и противник не успеет принять мер к защите»².

Стратагемность была серьезным оружием в руках китайских политиков, военных и дипломатов. Благодаря устной традиции, исторических хроникам и художественным произведениям, эффективность применения стратагем была очевидной и для широкой публики. Стратагемы стали национальным достоянием. Прагматичный китайский ум классифицировал стратагемы по видам, разработал методiku применения той или другой стратагемы в зависимости от конкретной ситуации, создав таким образом своеобразный «банк данных» – «Трактат о 36 стратагемах», который длительное время скрывался от иностранцев. Все стратагемы в трактате разделены на шесть групп:

- стратагемы победоносных сражений (1–6);
- стратагемы сражений при равновесии сил (7–12);
- стратагемы наступательных сражений (13–18);

---

¹ Харро фон Зенгер. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. М., 2007. С. 15.

² Восток – Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., 2002. С. 238.

- стратагемы сражений с несколькими участниками (19–24);
- стратагемы сражений совместно с третьей стороной (25–30);
- стратагемы проигранных сражений (31–36).

В начале параграфа мы рассмотрели стратагему «В покое ожидать утомленного врага». Рассмотрим несколько примеров стратагем и их применения. Рассматриваемые примеры в основном отражают исторические сюжеты эпохи «Чжаньго».

Стратагема 1. «Обманув императора, переплыть море». Это стратагема введения в заблуждения открытыми действиями, усыпляющими бдительность врага.

Пример первый. Упражнения в стрельбе перед городскими воротами.

Однажды враги осадили город Кунжун. Как устоять без помощи извне? Средство нашел некий Тай Шицы. В сопровождении трех всадников он выехал за ворота осажденного города. Расположившиеся лагерем на некотором расстоянии от города, вражеские воины с удивлением наблюдали за прогулкой. Тай Шицы установил у городской стены мишень и стал со своими людьми упражняться в стрельбе. Расстреляв все стрелы, всадники вернулись в город. На следующий день все повторилось. Во вражеском лагере несколько воинов поднялись взглянуть на стрелков, остальные продолжали лежать, даже не повернувшись в их сторону. То же происходило на третий день, причем уже ни один из вражеских воинов не счел упражнения в стрельбе достойным внимания. Наконец, на четвертый день Тай Шицы посреди занятия вдруг вскочил в седло, сильно ударил коня хлыстом, и как стрела помчался сквозь кольцо врагов, увозя с собой донесение с просьбой о помощи. Когда враги опомнились и бросились вслед, Тай Шицы был далеко за горами.

Пример второй. Передислокация войск суйским военачальником Хэ Жэби.

В 589 году династия Суй решила захватить лежащий к югу от реки Янцзы город Чэн. Перед выступлением военачальник Хэ Жэби трижды предпринимал перемещения и концентрацию войск. На третий раз чэнцы потеряли бдительность, и внезапная

атака суйцев почти не встретила сопротивления и увенчалась полным успехом.

Приемы применения стратагем можно встретить не только в Китае. В политике различных европейских и восточных обществ можно встретить подобные приемы. К примеру, учение Н. Макиавелли является тому подтверждением. На современном этапе развития международных отношений можно встретить использование таких приемов.

Пример третий. Достижение внезапности. Операция «Буря в пустыне».

Во время войны в Персидском заливе задолго до истечения срока ультиматума Ираку (15 января) американская разведка провела операцию по дезинформации противника и введении его в заблуждение относительно военных возможностей США и их союзников, их готовности начать боевые действия. В печати публиковались мнения и оценки авторитетных политических деятелей и военных специалистов, которые утверждали, что многонациональные силы будут готовы к ведению войны с Ираком только к началу марта. Так, 19 декабря 1990 года заместитель командующего американскими войсками в Персидском заливе генерал-лейтенант Г. Уоллер в интервью журналистам заявил, что «американские войска не будут в состоянии полной боевой готовности для начала военных действий против Ирака к 15 января 1991 года»¹. Дезинформация велась и по дипломатическим каналам. После встречи в Женеве 9 января брат Саддама Хусейна Барзан Такрити позвонил в Багдад и сказал: «Американцы не хотят воевать. Они хотят «заболтать» дело. Они слабы»².

Наконец, срок ультиматума истек. Наступило 16 января 1991 года. Боевые действия не начались. Это окончательно убедило иракского лидера в том, что наступление противника откладывается. А еще через день, 17 января, в три часа ночи мощная военная машина многонациональных коалиционных

---

¹ Уокер Р. Международные отношения и понятие политического // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 5. С. 17.

² Там же. С. 18.

сил была приведена в действие. Мощным авиационным и ракетным ударами подверглись иракские военные и экономические объекты, узлы коммуникаций, центры по производству ядерного, химического и биологического оружия, пусковые установки ракет. Операция «Буря в пустыне» началась неожиданно для противника, несмотря на открытую подготовку к ней в течение нескольких месяцев.

Стратегема 2. «Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао».

Это стратегема давления на противника нанесением удара по его слабому месту. Смысл ее хорошо передает толкование, приведенное в трактате «36 стратегем»: «Справляться с неприятелем – все равно, что направлять движение вод: там, где противник наступает, отводи в сторону его натиск, как отводят водный поток; там, где противник слаб, заполняй пустоты в его обороне, словно возводишь плотины в стоячей воде».

Пример первый. Маневр Дэн Сяопина.

Когда в августе 1947 году Чан Кайши собирался предпринять большое наступление на район, захваченный Коммунистической партией Китая, Дэн Сяопин и Лю Бочен со своими войсками сформированным маршем оставили районы, где располагались их опорные пункты, и направились за тысячу миль в горы по другую сторону Хуанхэ, в район, занятый чанкайшистами. Под угрозой оказалась сама основа военной силы Чан Кайши. Он был вынужден защищаться от мощного наступления армии коммунистов и не смог напасть на «красные» районы. Так одним маневром была изменена вся картина военных действий.

Пример второй. Тайпинские повстанцы.

Применение стратегемы 2 в китайской истории нового времени иллюстрируется захватом города Ханьчжоу в 1869 году войсками повстанцев-тайпинов, которые таким образом хотели принудить к отступлению войска, осаждавшие их столицу Нанкин.

Можно отметить, что принцип, изложенный в толковании данной стратегемы, успешно применяется почти во всех восточных единоборствах.

Стратегема 3. «Убить чужим ножом».

Это стратегема подставного лица, смысл которой в том, чтобы вредить косвенным путем, не афишируя себя. Однако надо заметить, что каноническое толкование стратегемы в трактате «36 стратегем» имеет несколько иной смысл: «Намерения врага очевидны, но третья сила вступает в борьбу. Нужно воспользоваться силой этого третьего, чтобы одержать верх над врагом».

Пример первый. Зарытый документ князя Хуаня.

Князь Хуань из государства Чжэн стремился к тому, чтобы захватить государство Куай. Прежде всего, он приказал узнать, как зовут всех искусных министров и военачальников государства Куай, после чего написал бумагу, в которой говорилось: после падения государства все перечисленные лица получают столь же высокие должности в государстве Чжэн. Кроме того, все земли государства Куай будут поделены между ними. Затем князь Хуань воздвиг за городскими стенами большой алтарь и зарыл под ним бумагу. После этого он приказал заколоть кур и свиней и дал Небу торжественную клятву, что не нарушит заключенного с сановниками из Куай договора.

Когда князь государства Куай узнал об этом, он заподозрил в измене весь свой главный штаб и государственный совет и, разгневавшись, повелел всех их казнить. Таким образом, князь государства Чжэн Хуань не только избавился от элиты государства Куай, но и еще использовал для этого самого властителя государства Куай. Теперь князь Чжэн мог без труда одолеть государство Куай.

Пример второй. «Компромат» на Тухачевского.

Учитывая маниакальную подозрительность Сталина, германская разведка через утечку информации в Чехословакии подбросила компрометирующие сведения на одного из наиболее способных военачальников Красной Армии, выступавшего за модернизацию и реорганизацию технического перевооружения Красной Армии в соответствии с требованиями, которые предъявила война. Так как информация поступила от правительства Чехословакии, то у Сталина, не любившего Тухачевского, появился «железный» повод для расправы с маршалом.

Пример третий. «Отец и приемный сын».

В романе-эпопее «Троецарствие» министр-блудителю церемоний Вань Юнь задумывает стратегию, чтобы избавиться от жестокого и распутного военачальника Дун Чжоу, который стремился захватить престол. Вань Юнь договаривается с красавицей, певицей и танцовщицей Дяочань о том, что она должна понравиться и Дун Чжоу и его приемному сыну, храброму, но недалекому воину Люй Бу. Вань Юнь обещает отдать Дяочань молодому храбруцу, но отправляет ее к Дун Чжоу. Люй Бу взбешен и обвиняет Ван Юня в коварстве, однако тот заявляет, что Дун Чжоу лишь поинтересовался подарком и взглянул на красавицу, после чего, уверив, что сам передаст ее Люй Бу, увез артистку к себе. Дяочань постоянно стремится столкнуть своего хозяина с его приемным сыном. В конце концов ей это удалось, и Ван Юнь, устроив западню, заманил Дун Чжоу во дворец, где тот и был убит Люй Бу.

Этот пример показателен в плане использования в стратегиях психологического фактора. Здесь наглядно раскрываются необходимые условия для составления и успешной реализации стратегии: умение рассчитать ходы и предвидеть их последствия, знание психологических особенностей тех, против кого направлен план: Дун Чжоу обаян жадной властью и сластолюбив, Люй Бу храбр и недалек, и может увлечься красавицей, и, наконец, упорство автора в реализации стратегии.

Для военачальников предъявляются особые требования в использовании стратегии. Они выглядят следующим образом.

Отряд, атакуя, захватывает новые территории. Победив сражения зависит от:

- выбора успешной стратегии и неукоснительности следования ей, поскольку смена стратегии в ходе сражения чревата разгромом;
- нет времени на долгие рассуждения, надо действовать;
- безошибочная оценка своих возможностей (численности и квалификации живой силы, резервов техники и времени для маневров), погодных условий и особенностей рельефа местности;

- завоеванная территория должна обладать потенциалом, достаточным для восстановления потерь;
- пользуется успехом ограниченное время. Новыми победами подтверждать свой класс стратега. Бездействующая армия перестает быть армией.

Внешняя политика Китая была подчинена стратегической традиции ведения политики. Многие из внешнеполитических доктрин древнего и средневекового Китая активно использовались теми или иными китайскими правителями также и в новое время. Среди них такие, как:

- «использовать одних варваров против других варваров»;
- «привлекать дальних, нападать на ближних»;
- «ослабив поводья, не разрывать отношений» и др.

Каждый раз, когда китайские правители чувствовали, что они не в состоянии навязать свою волю соседям, в ход шла так называемая политика «умиротворения» или политика «ненатянутой узды». Сложились свои стратегические правила взаимоотношений правителей древнего Китая со своими соседями-варварами:

- делать вид, что полностью веришь их словам;
- восхищаться их внешностью и искусством, стараясь при этом привлечь на свою сторону;
- умение пользоваться соблазнами: подношения отменных шелковых тканей, дорогих колесниц, изысканной еды, красивых танцовщиц и т.п.

Таким образом, стратегическая мудрость – это сплав стратегии с умением расставлять скрытые от противника западни. Казалось бы, все просто: найдите свою стратегию и оснастите ее ловушками. Но даже в такой суперстратегической игре, как шахматы, европейские мастера лишь в конце XIX века научились строить стратегические планы, основанные на оценке ситуации. По этому поводу Ласкер писал: «Найти правильный план так же трудно, как отыскать правильное обоснование его. Прошло много времени, по меньшей мере тысяча лет, прежде чем шахматный мир понял значение плана»¹.

---

¹ Харро фон Зенгер. 36 великих стратегов. М., 2001. С. 25.

Знание древних стратагем, составление хитроумных планов стало в Китае традицией, причем, касающейся не только дипломатии или войны. Продуманный во всех деталях обычный бытовой план сравнивали с классическим наследием великих стратегов. Умение составить стратагему свидетельствовало о способностях человека, наличие плана вселяло в исполнителей уверенность в успехе любого дела. Поэтому на всех уровнях в Китае привыкли с должным уважением относиться к стратегии и вырабатываемым стратегами планам. Отважнейших политических проблем до игры в китайские шашки «вэй-цзи» – всюду шло состязание в составлении и реализации стратагем. Появился даже специальный термин – *чжидоу*, обозначающий такую состязательность.

Стратагемность стала чертой национального характера, особенностью китайской психологии. Но это не означает, что китайцы – это нация ловких интриганов, хитрецов и обманщиков. Это народ, умеющий стратегически мыслить, составлять долгосрочные планы как на государственном, так и на личном уровне, народ, просчитывающий ситуацию на достаточное количество ходов вперед и употребляющий стратагемные ловушки для достижения успеха.

Д. Зарецкая
магистрант кафедры политологии КРСУ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сегодня политическая реклама приобретает все большее значение в избирательном процессе Кыргызстана, так как отражает суть политической платформы кандидата или партии, тем самым формируя политическое мировоззрение и оказывая влияние на политический выбор населения. Учитывая, как часто в Кыргызской Республике проводятся выборы, политическая реклама уже активно представлена в своем широком разнообразии и используется в предвыборной борьбе различными политическими силами.

Для того, чтобы определить роль политической рекламы в избирательном процессе Кыргызской Республики, следует дать определение данному феномену. Под политической рекламой понимается специфический способ политической коммуникации, а также продвижение определенного кандидата (или партии), распространение о нем информации, посредством которой можно повлиять на политический выбор населения. Политическая реклама нацелена, в первую очередь, на приобретение как можно большего количества голосов, а в идеале – на достижение победы на выборах.

С момента обретения Кыргызской Республикой в 1991 году независимости и проведения первых демократических выборов в истории Кыргызстана, в республике начала распространяться политическая реклама и самые первые политические технологии. В данной связи следует выделить два этапа развития и применения политической рекламы в Кыргызстане.

Первый этап охватывает временной промежуток с 1991 по 1998 годы. На нем политическая реклама находилась только на стадии своего зарождения и начального становления. В данный период в качестве рекламного материала активно использовалась печатная продукция – брошюры и газеты, где кандидаты излагали свою предвыборную платформу и идеи. В этот период политическая конкуренция не была обозначена так четко, как в последующие годы.

Второй этап, длящийся с 1998 года по настоящее время, можно назвать этапом развития политической рекламы. Различные виды, жанры и средства политической рекламы стали использоваться в ходе предвыборной агитации, что можно объяснить наличием большого количества кандидатов, политических партий, конкурирующих между собой за завоевание наибольшего числа голосов на выборах.

Сегодня политическая реклама в Кыргызской Республике активно применяется именно в период проведения избирательной агитационной кампании. Каналами ее распространения являются телевидение, радио, газеты, интернет и пр. По жанровой принадлежности политическая реклама делится на прямую и косвенную. Под прямой политической рекламой понимается тип рекламы, где главным источником распространения информации о кандидате или партии является сам кандидат или его сторонники. В косвенной политической рекламе источник информации является нейтральным, не имеющим отношения к кандидату.

По видовой специфике политическая реклама делится на устную, телевизионную и наглядную. Устная политическая реклама передается посредством радио и с помощью громкоговорителей, установленных на автомашинах, участвующих в агитационных автопробегах. Среди телевизионной политической рекламы следует выделить рекламные ролики о кандидате/партии, биографические фильмы, участие в предвыборных дебатах. К наглядным видам политической рекламы относятся листовки, брошюры, биллборды, рекламные щиты и растяжки на улицах города. В рамках проведения предвыборной кампании кандидаты

практикуют поездки по регионам, проведение встреч с избирателями, проводят благотворительные акции, устраивают развлекательные мероприятия и концерты с привлечением местных и зарубежных знаменитостей. Большое значение имеет продуманный имидж кандидата, которого он в течение всего предвыборного периода придерживается. Также для любого кандидата и партии имеет значение наличие собственной символики и идеологической программы.

В настоящий период в предвыборной борьбе в Кыргызстане стал активно использоваться Интернет: партии «Республика», «Ар-Намыс», «СДПК», «Ак-Шумкар», «Ата-Мекен», «Замандаш», «Партия Зеленых Кыргызстана» имеют свои постоянные сайты. На них размещаются биографии кандидатов от политических партий, членов политсовета партии, излагается предвыборная программа, публикуются видео и отчеты о проведенных мероприятиях не только в рамках предвыборной кампании, но и после ее завершения. Однако, сайты некоторых партий («Бутун Кыргызстан», «Акыйкат», «Ата-Журт», «Содружество», «Партия Коммунистов», «Эгемен Кыргызстан») функционируют и обновляются зачастую исключительно в предвыборный период. Это можно рассматривать как свидетельство того, что эти партии не ставят перед собой цель долгосрочного существования на политической арене.

Также в предвыборный период кандидаты заводят свои странички в социальных сетях, где могут напрямую общаться со своими потенциальными избирателями. Это удобный, эффективный и не требующий затрат способ распространения информации о кандидате. Следует отметить тот факт, что в Кыргызстане, наряду с использованием законных средств политической рекламы, во время предвыборной гонки применяются и так называемые «грязные» политические технологии. К таковым можно отнести применение административного ресурса, дискредитацию оппонентов, обман, подкуп и прочие попытки обойти соперников в предвыборной борьбе. Вопрос о предотвращении применения подобных технологий решается исключительно в правовой форме.

Так, в вопросе о правовом регулировании политической рекламы следует отметить некоторые положительные для Кыргызстана моменты. Хотя специализированного закона о политической рекламе пока не существует, деятельность политических партий/кандидата, в том числе и агитационная, в предвыборный период регламентируется кодексом о выборах и кодексом этического поведения политических партий на выборах в Кыргызской республике, согласно которым политические партии и кандидаты во время проведения избирательной кампании должны отказаться от таких видов деятельности, которые могут угрожать республике потерей государственной и территориальной целостности. Также кандидаты не должны приобретать голоса избирателей насильственным путем, использовать подкуп и другие незаконные действия на избирательных участках. Данные меры помогут регулировать использование «грязных» технологий в предвыборной борьбе и позволят избежать их применения. Искоренить применение подобных технологий полностью нельзя, и определенный процент нарушений на выборах всегда будет присутствовать, однако можно свести его к минимуму посредством правового регулирования избирательного процесса¹.

Другая специфическая черта развития политической рекламы в Кыргызской Республике – использование опыта проведения предвыборных агитационных кампаний России и Запада. За неимением собственных специалистов по политическому PR, политическим технологиям и рекламе, кандидаты перенимали предвыборные слоганы и стиль агитационных плакатов, которые были очень похожи и часто скопированы с политической рекламы других стран. Однако то, что применимо в условиях других стран, может быть не актуально для Кыргызстана, так как слоганы, плакаты и прочая рекламная продукция, с помощью которой распространяется информация о кандидате, не является универсальной для всех регионов. Та реклама, которая в другой стране привела кандидата или партию к победе на выборах, может оказаться совершенно провальной в условиях

---

¹ Кодекс этического поведения политических партий на выборах в Кыргызской Республике. Бишкек, 2010.

Кыргызстана, если не учтены особенности образа мышления и менталитет местного населения, а также специфика страны в целом.

К сожалению, в Кыргызстане на данный момент существует недостаток экспертов в области политической рекламы, и для проведения избирательной кампании кыргызстанскими политиками приглашаются специалисты из России и Украины. Однако не все партии и кандидаты, участвующие в выборах, привлекают профессионалов для проведения предвыборной кампании. В Кыргызстане на данный момент не существует специализированных центров по оказанию профессиональных услуг в области политического PR-технологий. Это означает, что Кыргызстану следует развивать данное направление, так как политическая реклама и политические технологии – сфера, которая только набирает свои обороты. Тот факт, что в Кыргызстане всегда проходит столь ожесточенная предвыборная борьба и страсти не утихают даже после оглашения результатов выборов доказывает, что применение политической рекламы весьма актуально. Если к предвыборной агитации будут привлекаться специалисты из этой области, то качество политической рекламы, несомненно, улучшится. Кандидаты, при наличии профессиональной команды и тщательно продуманной стратегии, получают реальный шанс на победу в выборах, и сам избирательный процесс будет усовершенствован.

Список использованной литературы

Закон Кыргызской Республики «О рекламе» от 24 декабря 1998 года. Бишкек, 1998. Кодекс о выборах в Кыргызской Республике от 29 мая 1999 года № 39. Бишкек, 1999.

Кодекс этического поведения политических партий на выборах в Кыргызской Республике. Бишкек, 2010.

Административный ресурс в избирательной кампании. <http://www.33333.ru/public/adminresurs.php>

Исследование Международного института политической экспертизы «Исследование предвыборной ситуации в Кыргызской республике». http://stratagema.org/exclusive/research/research_1018.html 09.09.2010

История и виды политической рекламы. <http://www.33333.ru/public/history.php>

Коноваленко А.В. Психология политической рекламы. М., 2005.

Малкин Е., Сучков Е. Политические технологии. М., 2006.

Булгак О. Политическая реклама как составляющая часть предвыборной агитации // Власть. № 8. 2012.

Сколько стоит победа на выборах? <http://www.33333.ru/public/sena.php>

ЦИК опубликовал отчет о расходах политических партий на предвыборную кампанию. <http://www.nts.kg/content/цик-опубликовал-отчет-о-расходах-политических-партий-на-предвыборную-кампанию>

Н.А. Кутнаева
аспирант кафедры политологии КРСУ

БЕЗЪЯДЕРНЫЕ ЗОНЫ КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, установившаяся после второй мировой войны, характеризовалась конфронтационной биполяризацией системы международных координат и связанной с ней гонкой обычных и ядерных вооружений. Разработка ядерного оружия (ЯО) одновременно открыла новую эру поиска путей решения проблемы его нераспространения. Одним из таких решений стали шаги по постепенному формированию международного режима нераспространения ядерного оружия.

Понятие международного режима разрабатывалось в рамках активного академического дискурса среди представителей различных течений в теории международных отношений, что привело к созданию новых концепций и понятий в политологии и международных отношениях. Разумеется, основные дебаты велись между учеными неолиберальной и неореалистской школ, отличающихся в оценках ролей основных акторов на международной арене и институтов. Например, основатели неолиберальной школы отмечали все возрастающее влияние новых – негосударственных – акторов в мировой политике, в частности, транснациональных корпораций и международных неправительственных организаций. Неолибералы, в отличие от неореалистов, минимизируют роль институтов и их влияние на международные отношения, в рамках теории «институционализма» придержива-

ются мнения, что международные институты играют большую роль в международных отношениях¹. Согласно одному из родоначальников теории международных режимов Стефану Краснеру, международный режим – это «явные или подразумеваемые принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений, по которым ожидания акторов совпадают в определенной сфере международных отношений»². Роберт Кеохэйн дает другую формулировку: «институты с четкими правилами, согласованными среди правительств, которые имеют отношение к определенному типу вопросов в международных отношениях»³. Эффективность международного режима зависит от того, насколько участники режима следуют его нормам и правилам. Эксперты называют два условия стабильности режима: выгода для участников и соблюдение правил игры участниками⁴. Кроме того, как указывает Джервис, условия заключаются в том, чтобы влиятельные игроки хотели бы организовать данный режим, а также имели общие ценности относительно безопасности и сотрудничества⁵.

Применительно к режиму нераспространения ядерного оружия, необходимо отметить, что международный режим – это «совокупность международных договоренностей и организаций с участием как ядерных, так и неядерных государств, а также внутренних законодательств стран-участниц, целью которых является предотвращение приобретения ядерного статуса госу-

---

¹ *Krasner S.D.* International Regimes. Ithaca: Cornell University Press, 1983.

² *Krasner S.D.* Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables. In *International Regimes*, edited by Stephen D. Krasner. Ithaca: Cornell University Press, 1983.

³ *Keohane R.* Neoliberal Institutionalism: A Perspective on World Politics // *International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory*. Robert O. Keohane. Boulder: Westview Press, 1989. P. 4.

⁴ Ядерное нераспространение: в 2 т. / под общ. ред. В.А. Орлова. М., 2002. Т. 1. С. 74.

⁵ *Jervis R.* International Regimes, International Organizations. Vol. 36. № 2. Spring 1982. P. 360.

дарствами, которые не имели его к 1967 г.»¹. Основой данного режима является Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), открытый для подписания 1 июля 1968 года и вступивший в силу 5 марта 1970 года. Традиционные инструменты политики нераспространения включают программы по обнаружению ЯО (верификация), снижение напряженности в регионе через меры укрепления доверия, гарантии безопасности и оказания помощи через военное сотрудничество, укрепление многосторонних режимов экспортного контроля с целью ограничения доступа к технологиям и материалам ОМУ, укрепление режима международного нераспространения и оказание давления на государства, имеющие возможность распространения технологий и материалы ОМУ через торговые санкции и общественную дипломатию. В рамках режима нераспространения были созданы неформальные группы стран для борьбы с распространением ОМУ и оружия. Их целью является составление списков товаров и технологий, которые имеют отношение к производству ОМУ и экспортный контроль над такими товарами и технологиями. Например, целью «Австралийской группы» является гармонизация мер экспортного контроля, направленного на снижение беспрепятственного распространения химического оружия. В «Режим контроля над ракетными технологиями» входят государства-противники распространения беспилотных систем доставки ОМУ. «Комитет Цангера» отвечает за составление подробных списков контролируемых ядерных товаров. «Группа ядерных поставщиков» обеспечивает контроль над ядерным экспортом. Группа, созданная благодаря «Вассенаарской договоренности», способствует прозрачности и большей ответственности в передаче обычных вооружений и товаров двойного назначения и технологий².

В качестве одного из инструментов режима нераспространения выступают зоны, свободные от ядерного оружия (ЗСЯО), ко-

---

¹ Ядерное нераспространение: в 2 т. / под общ. ред. В.А. Орлова. М., 2002. Т. 1. С. 16.

² Имеется еще и вертикальное распространение ЯО: увеличение по количеству и по силе разрушительности ЯО в ядерном государстве.

торые предотвращают «горизонтальное распространение» ядерного оружия, т.е. распространение ЯО в неядерные государства¹. На территории государств-участников зон запрещается проводить исследования, разрабатывать, производить, накапливать запасы, владеть или контролировать любое ЯО или другое ядерное взрывное устройство (ЯВУ). Между тем, разработка мирной ядерной энергии в таких зонах разрешается.

Интересно было бы рассмотреть содержание концепции «зона, свободная от ядерного оружия»², которое подвергалось постоянной модификации, начиная со времени его появления в конце 1950-х годов. Вплоть до 1980-х годов спектр значений, приписываемых данной концепции, был крайне широк. Иногда это зависело от приоритетов внешней политики той или иной страны, а иногда – и от международной повестки дня. Например, в рассекреченных архивах Государственного департамента США в конце 1960-х и начале 1970-х годов такая зона называется «денуклеаризованной зоной»³, «безатомной зоной»⁴, «безъядерной зоной» и относится, прежде всего, к Латинской Америке, Африке и Восточной Европе. В 1957 году румынский премьер-министр

---

¹ В данной статье термины «безъядерная зона» и «зона, свободная от ядерного оружия» или «ЗСЯО» будут использоваться как взаимозаменяемые синонимичные понятия. При этом необходимо учесть, что более корректное название – зона, свободная от ядерного оружия, поскольку во многих странах регионов, впоследствии ставших зонами, свободными от ядерного оружия, государства имели программы по разработке «мирного атома».

² Telegram from the Department of State to the Mission to the North Atlantic Treaty Organization and European Regional Organizations, Subject: Department Views on Rapacki Plan, Washington, January 21, 1958. US Department of State, Office of the Historian, Foreign Relations of the United States, Washington, DC. Vol. X. 1958–1960.

³ *Van Oudenaren J.* Détente in Europe: the Soviet Union and the West since 1953. Duke University Press, 1991. Pp. 405–407.

⁴ *Middleton D.* East, West Weigh a Neutral Zone; Disengagement in Central Europe is Viewed by Many as Key to Other Issues // The New York Times. January 26, 1958. P. 3.

Стойка внес инициативу о создании «зоны мира». Из выступлений Н.С. Хрущева следовало, что Восточная Европа должна была стать «зоной разъединения»¹, «зоной, свободной от атомного, водородного и ракетного оружия»², «зоной, свободной от ракет»³ и «зоной без иностранных военных баз». В начале 1980-х годов в переговорах о создании Балканской безъядерной зоны Т. Живков и Н. Чаушеску обсуждали «зону добрососедских отношений» а с середины 1980-х – «зону, свободную от ядерного и химического оружия»⁴.

В предложении Андрея Громыко от 1956 года безъядерная зона – это зона в Центральной Европе, состоявшая из Восточной и Западной Германии из соседних с ними государств, в которой запрещалось бы развертывать «атомные военные соединения и какие-либо виды атомного и водородного оружия»⁵. Предложение министра Польши Адама Рапацкого по созданию безъядерной зоны от 1957 года заключалось в создании на территории Польши, Чехословакии, ГДР и ФРГ зоны под контролем стран блоков Организации Варшавского Договора (ОВД) и НАТО. При этом государства, входящие в данную зону, должны были взять на себя обязательства не производить, не накапливать, не ввозить для собственного использования, не давать согласие на развертывание на своей территории любых видов ЯО⁶. Они были бы

---

¹ Excerpts From Statements by Soviet Bloc Nations // The New York Times. May 28, 1958.

² Leader of Albania Says Soviet Wanted Bases There in '59 // The New York Times. December 4, 1972. <http://legacy.wilsoncenter.org>

³ Зорин В.А., Менжинский В.И., Пирадов А.С. Борьба Советского Союза за разоружение, 1946–1960 годы. М.: Изд-во ИМО, 1961. С. 416.

⁴ Summary Record of the 22d Meeting of the Executive Committee of the National Security Council, Washington, November 7, 1962 / Kennedy Library. National Security Files, Meetings and Memoranda Series, Executive Committee, Vol. II, Meetings, 17–24. Top Secret. Sensitive. Pp. 405–407.

⁵ Lall Betty Goetz. On disarmament issues: the Polish plan // Bulletin of the Atomic Scientists, June 1964. P. 41.

⁶ Van Oudenaren J. Détente in Europe: the Soviet Union and the West since 1953. Duke University Press, 1991. P. 190.

обязаны не устанавливать и не позволять устанавливать на своей территории оборудование или средства доставки ЯО, включая ракетные пусковые установки. В свою очередь, ядерные державы, уважая статус зоны как безъядерной территории, должны были принять на себя обязательства не применять данное оружие в отношении зоны или каких-либо целей на ее территории. План не предусматривал верификационный механизм. Во втором плане Рапацкого от 1958 года речь шла о создании безъядерной зоны с предусмотренным механизмом контроля и присоединение ФРГ к зоне без признания ГДР. Обновленный план связывал тактическое и обычное вооружение, поскольку речь шла о замораживании обычных вооружений на территории зоны на существующем уровне. В третьей концепции Рапацкого – так называемом «плане Гомулки» (первого секретаря ЦК Польской Объединенной Рабочей Партии) от 1964 года¹ происходит последовательный регресс в вопросе создания безатомной зоны. Здесь речь идет уже не об избавлении от уже существующих атомных вооружений в ФРГ, а о заморозке ядерного и термоядерного оружия на территории ПНР, Чехословакии, ГДР и ФРГ с соответствующими территориальными водами и воздушным пространством.

В концепции ЗСЯО на Балканах, в частности, в предложении румынского премьер-министра (сентябрь 1957) Киву Стойка (Chivu Stoica) речь идет о создании безъядерной демилитаризованной мирной зоны без военных баз в Центральной Европе и на Балканах². Таким образом, концепция ЗСЯО претерпевает еще одно изменение: добавляется понятие «мирная зона», наличествует привязка к отсутствию военного оружия в оговоренном регионе. Пересмотренная концепция Стойка от 1959 года говорит о создании нейтральной зоны на Балканах и запрещении там ядерного оружия. В 1974 году уже со стороны СССР поступило предложение о выводе всех кораблей США и СССР с ЯО на бор-

---

¹ *Van Oudenaren J. Détente in Europe: the Soviet Union and the West since 1953.* Duke University Press, 1991. P. 191.

² United Nations General Assembly. Declaration of the Indian Ocean as a Zone of Peace. Document A/8492. October 1, 1971.

ту из Средиземноморья¹. В начале 1970-х годов с трибуны ООН прозвучала идея о создании зоны в Индийском океане и его прибрежных государств в качестве «зоны мира»². Инициатива, выдвинутая Шри-Ланкой, имела цель предотвратить ядерную конфронтацию обеих мировых сверхдержав в Индийском океане. Предполагалось, что вывод баз и военно-морских сил сверхдержав из региона превратит регион в «зону мира».

В силу того, что количество государств, стремящихся приобрести статус зоны, свободной от ядерного оружия, росло, 9 декабря 1974 года ООН приняла резолюцию, в которой дает задание предпринять специальное всеобъемлющее исследование по зонам, свободным от ядерного оружия³. В соответствии с Резолюцией ГА ООН, выпущенной год спустя, ЗСЯО – это «...любая зона, признанная Генеральной Ассамблеей ООН, которую любая группа стран в свободном проявлении суверенитета образовала в силу договора или конвенции, при этом: (А) заявлено о полном отсутствии ядерного оружия на территории данной зоны, в том числе определен порядок разграничения зоны; (Б) установлена международная система верификации и контроля, чтобы гарантировать соответствие с обязательствами, вытекающими из этого устава»⁴. Ядерные государства (ЯОГ) должны сделать юридически обязывающие заявления «в договоре, конвенции или протоколе». Подобная формулировка показывает, что международная норма о необходимости подписания ядерными государствами протокола к Договору о ЗСЯО еще не устоялась. При подписании одного из вышеперечисленных международных соглашений, ЯОГ берут на себя обязательство соблюдать договор о ЗСЯО, не помогать государствам-членам ЗСЯО в нарушении правил дого-

---

¹ United Nations General Assembly Resolution 3261 F of December 9, 1974.

² United Nations General Assembly Resolution 3472 B (XXX). December 11, 1975.

³ United Nations General Assembly Resolution 3472 B (XXX). December 11, 1975.

⁴ United Nations General Assembly Resolution 3472 B (XXX). December 11, 1975.

вора, и «воздерживаться от применения или угрозы применения ядерного оружия» против государств-членов ЗСЯО»¹.

В 1999 году некоторые аспекты Доклада 1975 года были расширены и углублены, когда комиссия ООН по разоружению внесла на рассмотрение «Создание зон, свободных от ядерного оружия (...)». Требования к такой зоне включают, но не ограничиваются следующими пунктами:

1) Идея о создании ЗСЯО должна исходить от государств самого региона.

2) Государствам, которые хотели бы установить ЗСЯО, следует проводить консультации с ЯОГ в ходе переговорного процесса, с тем, чтобы содействовать и продвигать подписание и ратификационные процедуры протоколов к договору. Эти протоколы юридически обязывают ЯОГ «не применять и не угрожать применением ядерного оружия государствам-участникам договора».

3) Государства, которые хотят создать зону, должны соблюдать все юридические соглашения, которые вступили в силу до создания Договора о ЗСЯО.

Далее документ также оговаривает положения, зачастую являющиеся проблемными при становлении безъядерных зон. Государства-члены зоны свободны «в своих суверенных правах» в определении, стоит ли давать разрешение на транзит по своей территории иностранных судов и самолетов. Договор об учреждении ЗСЯО запрещает «разработку, производство, управление, владение, испытание, размещение и транспортировку» ЯВУ. Размещение подобных устройств других иностранных государств также запрещено. Государства-участники ЗСЯО могут подвергаться верификационным процедурам, которые проводятся (но не ограничиваются) при полномасштабных гарантиях МАГАТЭ. Государства, которые хотели бы установить ЗСЯО, должны представлять собой «единую географическую единицу» и четко определить географические границы зоны. Мирное использование

---

¹ United Nations General Assembly Resolution 3472 B (XXX). December 11, 1975.

ядерной энергии разрешено, «поддерживая социально-экономическое, научно-техническое развитие государств-участников»¹.

При сравнении этих документов ООН от 1975 и 1999 годов можно выявить значительную разницу в определении ЗСЯО, поскольку в докладе 1975 года обозначены только четыре аспекта, на которые государства, желающие создать ЗСЯО, должны обратить внимание:

1) Зона должна получить признание Генеральной Ассамблеи ООН;

2) территория Зоны должна быть полностью свободной от ядерного оружия;

3) Зона должна иметь четкие границы;

4) должна быть установлена система верификации и контроля².

Доклад 1999 года является гораздо более детальным. В международно-правовой документ 1999 года удалось включить все условия, выдвинутые ядерными державами, неядерными государствами, МАГАТЭ и ООН.

Первоначальные концепции безъядерных зон оказались нежизнеспособными из-за существующих различий идеологического плана и реалий «холодной войны». Первая безъядерная зона на заселенной территории смогла быть реализована в Латинской Америке (договор Тлателолко) после прохождения «апробации» на концепциях безъядерных зон на незаселенных территориях, воплотившихся в следующих договорах: «Об Антарктике» (1959), «О принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела» (1967) и в гораздо более позднем соглашении «О запрещении размещения на дне и под дном морей и океанов ядерного оружия» (1971).

---

¹ Доклад Комиссии по разоружению. Генеральная Ассамблея ООН. Официальные отчеты. 54 сессия. Дополнение № A/54/42. Нью-Йорк, 1999.

² United Nations General Assembly Resolution 3472 B (XXX). December 11, 1975.

США и НАТО выступали против подобных инициатив, поскольку, по их мнению, это привело бы к разоружению только государств Североатлантического альянса, без уступок со стороны стран-членов Варшавского Пакта, а также к доминированию СССР в регионе и нарушению статус-кво в военном плане. Москва, напротив, неизменно поддерживала идеи создания ЗСЯО по всему миру.

Необходимо отметить, что, несмотря на множество концепций безъядерных зон, появившихся во второй половине XX века, из-за их выдвижения странами-членами ОВД инициативы скептически воспринимались государствами противоположного блока – НАТО. Невозможность создания ЗСЯО на территории Европы была обусловлена тем, что от расстановки ядерных сил в этом регионе зависел установившийся баланс сил на европейском театре военных действий. При исключении ядерного оружия в Европе преимущество было бы отдано СССР.

Таким образом, безъядерные зоны в качестве одного из инструментов международного режима нераспространения ядерного оружия предусматривают усложнение географического перемещения ЯО для ядерных держав, уменьшают вероятность создания новых ядерных государств, способствуют улучшению региональной безопасности, усилению глобального режима нераспространения и сохранению окружающей среды. Как справедливо отмечает резолюция Генассамблеи ООН, «Зоны, свободные от ядерного оружия, являются одним из наиболее эффективных средств предотвращения как горизонтального, так и вертикального распространения ядерного оружия и содействия устранению опасности ядерной катастрофы»¹.

---

¹ United Nations General Assembly Resolution 3472 B (XXX). December 11, 1975.

М.С. Казакпаев

ст. преп. кафедры политологии КРСУ

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ

Необходимость развития политической конфликтологии продиктована сущностью и динамикой политических процессов, происходящих в современном Кыргызстане. После синдрома двух революций, случившихся в политической истории нашей страны, уже должно быть предельно ясно, что новая зарождающаяся политическая система в Кыргызстане, не терпящая на общественном уровне каких-либо авторитарных сдвигов, может развиваться только в виде высококонкурентной политической системы с легализованным институтом оппозиции, при которой власть в своем политическом управлении так или иначе вынуждена будет идти на различные компромиссы. Следовательно, имеющиеся в различных дискуссиях суждения о необходимости установления политической стабильности, которая в виде некоей «мифической сильной управленческой руки» покроеет все внутривнутриполитические процессы и поставит всех действующих акторов на свое место, конкретно в ракурсе Кыргызстана уже несбыточны. По той причине, что общество, прогнав Акаева–Бакиева, как в массовом, так и в одиночном формате, уже не боится прессинга политической власти. Власть, в свою очередь, зная теперь пределы давления и принуждения, вырабатывает в себе довольно высокий инстинкт самосохранения. В результате, политическая власть, стремясь удержаться на своем олимпе, вынуждена сама, объявив все имеющиеся политические свободы, автоматически способствовать созданию высококонкурентной политической системы.

Становится очевидным, что в системе отечественной политической науки при изучении внутривнутриполитических процессов большое значение необходимо придавать развитию предмета политической конфликтологии, благо примеров из политической практики Кыргызстана в аспекте насыщенности учебно-лекционного курса предостаточно. При этом не всегда данная отрасль политической науки может быть идентична по содержанию лекционным курсам ученых из стран СНГ, так как развитие политических процессов в странах за двадцать лет суверенного развития порой кардинально различно. Демократические ценности в политической системе Кыргызстана, по сравнению с другими странами СНГ, реализуются в большей степени. Более того, в ряде лекционных курсов и учебниках стран СНГ проблемы политического конфликта преподаются довольно узко и больше в негативном плане, при котором вся тенденция сводится к описанию механизмов разрешения и урегулирования данного аспекта конфликта. Феномен внутривнутриполитического конфликта практически полностью черпается из западной практики. В ряде издаваемых учебников в странах Содружества изучение и преподавание курса политической конфликтологии исходит из специфики и практики своей страны. Это понятно, но здесь часто и, порой, необоснованно с научной точки зрения, тенденциозно критикуются конфликтные политические процессы в Кыргызстане, имевшие место в марте 2005 и апреле 2007 годов. В этом случае, безусловно, необходимо отражение взгляда отечественных ученых-политологов, особенно в рамках выпускаемых учебников, лекционных курсов по политической конфликтологии.

В Кыргызстане имеется широкий простор для развития политической конфликтологии ввиду сложившейся, как уже было отмечено выше, конкурентной политической системы. Сам вектор политического развития в стране носит, и, скорее всего, будет носить конкурентный, конфликтогенный характер. Связано это, прежде всего, с предоставлением легальных коммуникативных каналов политической оппозиции, как в парламенте, так и вне его. Также определенную конфликтогенность в политические процессы прив-

носит деятельность правозащитных неправительственных организаций, молодежных и других общественных объединений. В этих условиях политической практики специалистам по политической конфликтологии необходимо, наряду с анализом теоретических подходов и типологии, взаимоувязать теорию с богатой политической практикой Кыргызстана. По каждому разделу политической конфликтологии, охватывающей проблемы анализа конфликтов в партийной и межпартийной среде, в парламенте, между ветвями власти, вертикальных политических конфликтов (власть и оппозиция), необходимо на конечной стадии вырабатывать конкретные пути их урегулирования с выдачей профессиональных научных рекомендаций. Студентам, специализирующимся в области политологии, социологии, психологии необходимо усвоить специфику медиации при разрешении политических конфликтов, заключения политического компромисса, механизма политического консенсуса. Занимаясь проблемой изучения конфликтов в партийной среде на практике Кыргызстана, в условиях новой парламентской системы правления студенты должны знать понятия и специфику фракционных, межфракционных объединений в парламенте и особенности правил политической игры и конфликтных процессов между коалицией большинства (правлящей коалиции) и оппозиционного меньшинства (парламентской оппозиции). В изучении нуждаются причины и специфика внутривнутрипартийных и межпартийных конфликтов, механизмы предотвращения данного вида конфликтов. Представляет интерес деятельность оппозиционных партий и движений, налаживание диалога с властью по различным политическим вопросам.

Кыргызская политическая конфликтология имеет большие перспективы развития. От нее требуются не только академические изыскания, но и консультативные профессиональные предложения в вопросе о путях решения конфликтных практических задач, таких как противостояние власти и оппозиции на современном этапе, несогласованность в действиях разделенной, согласно Конституции, государственной власти, конфликты политических партий и др. И здесь отечественная политическая конфликтоло-

гия, несомненно, будет способствовать просвещению по части стратегии и тактики разрешения и предупреждения политических конфликтов.

Практический опыт последних лет наглядно демонстрирует обострение борьбы за политический статус и ресурсы, права и влияние самых разных социальных субъектов вокруг власти: между центральной властью и региональной властью, между ветвями власти, между властью и оппозицией, между группами влияния, наконец, между государством и криминалом. Все более очевидным становится противоборство конфликтующих сторон, то и дело принимающее бескомпромиссные формы, характеризующееся резкими скачками в настроениях и поведении больших масс людей, внутренними расколами в партиях и общественно-политических движениях, еще недавно представлявших воплощением прочности и единства (к примеру, недавний раскол во фракциях партий «Ата-Мекен» и «Ар-Намыс» в парламенте).

В таких условиях вирусом острой политической конфликтности оказывается охвачено все население страны. Ведь даже самый терпеливый и миролюбиво настроенный человек не в силах остаться в стороне от тех политических противостояний, которые мы наблюдаем сегодня в стране.

Все это делает вполне понятным пристальный интерес людей к проблеме происхождения, развертывания, регулирования и разрешения разного рода конфликтных политических ситуаций в обществе. Как подчеркивает американский политолог Дж. Бартон: «аналитические усилия в области политической конфликтологии должны быть направлены прежде всего на то, чтобы уяснить природу и сущность разнообразных социально-политических конфликтов, их функции и механизмы действия, условия возникновения и способы предупреждения, выявить и практически использовать закономерности развития и основные факторы, влияющие на их эскалацию и деэскалацию, возможности предсказания и пути урегулирования, предложить политическим группам «социальные и политические технологии» их разрешения»¹.

---

¹ *Burton J. Conflict: Resolution and Provention. New York, 1990. С. 67–68.*

Современная наука считает политические конфликты неотъемлемой частью жизни. Некоторые из них не только допустимы, но и желательны, поскольку дают информацию о политических проблемах общества, позволяют выявить скрытые от глаз процессы, противоречия и т.д., то есть имеют диагностическую функцию. Главное, чтобы политический конфликт нес в себе конструктивность, ведь конструктивные политические конфликты ведут к перестройке существующих и формированию новых политических отношений между всеми акторами, способствуют повышению активности и мотивации к политической работе, росту квалификации профессионального политика, способности к позитивным изменениям развития его личности. Однако, теми же западными учеными констатировано, что «...любой конструктивный политический конфликт, если его своевременно не преодолеть, превращается и в разрушительный»¹. Восстановление работоспособности структуры, пораженной конфликтом, является проблематичным, а в отдельных случаях – невозможным. Возникает необходимость в подготовке специалистов, способных квалифицированно решать задачи прогнозирования, профилактики, управления политическим конфликтом в разных сферах политической жизнедеятельности.

Подведем итог. Существующие острые политические конфликты в современном Кыргызстане – выражение того кризисного состояния, в котором оказалось наше общество. Всеобщий характер политического и экономического кризиса обуславливает разнообразные конфронтации политических групп и индивидов во всех основных политических сферах: проблеме поиска идеологических ориентаций, в структуре власти, политической культуре и этике, ресурсотношений. Нарастание противоборства политических групп подрывает устойчивость социальных процессов и отношений, делает их все более нестабильными, усиливает хаотичность функционирования и изменения различных социальных систем в обществе, всего общественного организма в целом.

---

¹ Schelling T. The Strategy of Conflict. New York, 1963. С. 51–52.

В этих условиях особое научное и практическое значение приобретает развитие и использование политической конфликтологии, предмет которой составляет изучение природы и функций социально-политических и политических конфликтов, разработка методов и механизмов их регулирования и разрешения. Нарастание теоретического и практического потенциала конфликтологических исследований в сфере политики, повышающее компетентность в конфликтологическом подходе, способно сыграть существенную роль в улучшении сложившейся политической ситуации и стать важным фактором стабилизации общественных процессов и отношений. Это хорошо поняли в свое время в развитых демократических странах, где политическая конфликтология занимает видное место в научной, экспертно-консультативной и образовательной сферах.

А.В. Макаров
ст. преп. кафедры ФиСПН КРСУ

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ТРАНЗИТНОМ ОБЩЕСТВЕ

Понятие «политическая социализация» начали использовать в 1954 году при анализе положения беженцев, а затем – в исследованиях по социальным ориентациям детей. Однако, проблематика политической социализации быстро стала настолько актуальной, что уже в 1968 году около 800 членов Ассоциации американских политологов избрали «политическую социализацию» своей специальностью. Некоторые исследователи считают, что «отцом» самого понятия политической социализации следует считать Г. Хаймона, выпустившего в 1959 году работу под названием «Political Socialization»¹.

Можно констатировать, что анализ политической социализации общества или социальной группы зависит от того, сторонником какой модели социализации выступает исследователь. Большинство современных специалистов согласны с американским политологом Ф. Гринштейном, утверждавшим, что использование этого понятия возможно и оправдано в следующих ситуациях:

- 1) при изучении политических ориентаций у детей;
- 2) при изучении норм и правил, преобладающих в обществе;
- 3) при изучении влияния различных политических теорий на граждан в любой стадии их жизненного цикла;
- 4) в ходе наблюдений за деятельностью институтов социализации, которые являются своеобразными каналами воздействия общества на человека.

---

¹ *Щербинин А.И.* Вхождение в политический мир (теоретико-методологические основания политической дидактики) // Полис. 1996. № 5. С. 138.

Таким образом, политическая социализация включает в себя развитие механизма идентификации формирующейся личности с определенным политическим сообществом. В идеале – это отождествление со «своим» государством, социальной общностью, формирование патриотизма и позитивного отношения к последним. В реальности же принятые в обществе модели социализации могут носить как интегрирующий, так и дезинтегрирующий характер. Интегрирующая модель характерна для обществ, где большинство индивидов интериоризируют в процессе политической социализации приблизительно одинаковый набор политических установок, стандартов и ценностей в относительно однородной политической культуре. Дезинтегрирующая модель возникает при наличии в обществе субкультур, использующих особые, зачастую конфликтные или даже несовместимые между собой модели политической социализации. При этом политическая социализация индивидов одного общества в рамках «своих» политических субкультур может весьма существенно отличаться.

С другой стороны, политическая социализация рассматривается и как форма социального контроля. Опосредующим звеном между политической системой и личностью выступают агенты политической социализации. Агентами¹ политической социализации обычно называются семья, школа, группы равных², СМИ,

---

¹ Одни ученые для обозначения социального института, оказывающего социализирующее воздействие, используют понятие «агент социализации», другие используют термин «агентура социализации». Например, школа и семья – агентуры, а учитель и родитель – агенты. Более распространенным является первый подход, когда под агентом социализации понимается именно социальный институт, а не отдельный его представитель.

² Английское *peer groups* переводится разными авторами как группы равных, группы сверстников или статусные группы. В применении к детям и подросткам группы сверстников кажутся наиболее подходящим переводом. Однако в реальное содержание термина в англоязычной науке несколько шире: «К ним относятся детские прогулочные группы, компании друзей, школьные и институтские братства, а также небольшие трудовые коллективы, члены которых тесно связаны между собой и имеют примерно равный статус. Группы равных могут принимать

группы интересов, политические партии, религиозные институты, армия, государство и его органы. Влияние этих агентов неодинаково. Если на начальных стадиях социализации очень велика роль семьи и школы, то в подростковый и молодежный период возрастает влияние групп сверстников, а во взрослой жизни увеличивается социализирующее значение партий, трудовых коллективов, профсоюзов и ассоциаций. Средства массовой информации же достаточно значимы на протяжении всей жизни.

Важным с методологической точки зрения является и анализ соотношения понятий «политическая социализация» и «политическая культура», поскольку зачастую их употребляют либо как взаимозаменяемые, либо как взаимодополняющие в описании изучаемой социально-политической реальности. Даже если эти понятия и разводятся, то соотношение между ними выстраиваются исследователями двояко. Одни считают, что понятие «политическая культура» шире, чем понятие «политическая социализация» и оно включает последнее в себя в качестве составного, процессуального или инструментального компонента. Другие полагают, что понятие «политическая социализация», как более широкое, включает в себя понятие «политическая культура» в качестве результирующего компонента.

Последователи теории политической культуры настаивают, что в ходе политической социализации, которая рассматривается как важнейшая системная функция, происходит формирование тех когнитивных, чувственных и оценочных восприятий политической жизни, которые детерминируют качество политической системы. К примеру, С. Верба настаивал, что «политическая культура общества представляет собой систему эмпирических верований, экспрессивных символов, ценностей, которые в совокупности и определяют ситуацию, в рамках которой осуществляется политическое действие. Она обеспечивает субъективную ориен-

---

самые разнообразные формы: это и кучка регулярно встречающихся в парке мамаш в России, и уличные шайки в Бразилии, и группа администраторов с Уолл стрит, являющихся членами одного клуба» (*Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р.* Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002. С. 111).

тацию по отношению к политике»¹. По мнению С. Барнса, культура – это не всякое индивидуальное верование, а то общее, что присутствует в верованиях всех людей. Иными словами, культура – это убеждение, что и другие люди верят так же и в то же, как и во что верит сам конкретный индивид. Или по-другому: культура – это когда люди думают, что и другие так же, как они, думают о политике². Таким образом, в рамках данной логики политическая социализация определяется как средство воспроизводства политической культуры, обеспечивающее преемственность формы и содержания политического процесса.

Тем не менее, современные исследователи почти всегда, в большей или меньшей степени, определяют политическую социализацию и как процесс овладения политической культурой. К примеру, связывая социализацию с интериоризацией именно культурных компонентов, Э.Я. Баталов констатирует, что в сфере политики социализация «представляет собой процесс усвоения индивидом выработанных обществом политических ценностей, установок, убеждений, моделей поведения, происходящий в ходе становления и эволюции индивида как члена политической общности и направленный на обеспечение его релевантного участия в политическом процессе»³. С этой точки зрения, политическая культура индивида или поколенческой группы, как качественная характеристика адаптивности и интегрированности в социально-политические условия по отношению к политической социализации как процессу, – это результат политической социализованности. Именно степень восприятия норм политической культуры данного общества определяет и степень социализированности в рамках данной социально-политической системы. Отсюда назначение политической социализации не только в процессе вхождения

---

¹ *Verba S. Comparative political culture // Political culture and political development. Princeton, 1965. P. 513.*

² *Barnes S. Politics and culture // Research on democracy and society. L., 1994. Vol. 2. P. 125.*

³ *Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. М., 1990. С. 68.*

индивида в политику, но и в обеспечении общественной стабильности системы, что осуществляется за счет межпоколенческой передачи норм культуры и за счет внутривоколенческой координации и согласованности политических действий.

Кроме всего прочего, в современной политической науке сформировалось довольно противоречивое отношение к концепту политической культуры. Он серьезным образом критикуется как слишком размытый, нормативный, суггестивный. Рональд П. Формизано в своем аналитическом очерке, посвященном анализу понятия политической культуры¹, приходит к выводу, что оно относится к «зонтичным понятиям», вошедшим в моду именно из-за неопределенности. На протяжении последних 40 лет множество специалистов указывали на возрастание проблем, возникающих при попытках измерения и проверки гипотез политической культуры². При этом большинство дефиниций концепта политической культуры исходит из психологических диспозиций: «установок», «ориентаций», «убеждений», «ценностей» и тому подобных³.

На этом фоне понятие «политическая социализация» выгодно отличается гораздо большей определенностью и измеряемостью, что делает его использование предпочтительным в рамках системного и структурно-функционального анализа политической подсистемы и процессов, способствующих ее функционированию, эволюции, воспроизводству и адаптации. Таким образом, применительно к исследованию политической социализации целесообразно политическую культуру общества рассматривать двояко:

1. Как инфраструктурную данность, предпосылку и, в некоторой степени, детерминирующий фактор социализации, во многом определяющий ее вектор. В данном контексте можно опре-

---

¹ Формизано Р.П. Понятие политической культуры // ProetContra. М., 2002.

² Elrins L.J., Simeon R.E.B. A Causein Search of Its Effect, or What Does Political Culture Explain // Comparative Politics. XI. 1979.

³ Формизано Р.П. Понятие политической культуры // ProetContra. М., 2002. С. 135.

делить характерные черты современной политической культуры транзитного общества, в значительной степени влияющие на характер социализации.

2. Как результат социализации, выраженный в совокупности политических установок, ориентаций, ценностей и вытекающих из них особенностей поведения группы. То есть определить формирующийся в транзитном обществе тип политической социальности.

Следует обратить внимание на соотношение понятий «политическое воспитание» и «политическая социализация». В научной литературе среди многообразия точек зрения по этой проблеме особенно выделяются две. Согласно первой, содержание и объем понятия социализации уже, чем содержание и объем понятия воспитания. Сторонники данной точки зрения предлагают рассматривать социализацию как одну из значимых целей воспитания, ориентированного на полное вхождение ребенка в мир социальных отношений. Однако с позиции системного анализа предпочтение следует отдать второй, доминирующей в социально-политических науках точке зрения, полагающей, что содержание и объем понятия социализации являются более широкими, чем содержание и объем понятия воспитания. Поскольку, если воспитание возможно определить как процесс определенного целенаправленного воздействия на индивида, формирующий у него определенные нормы поведения и отношений к социальной действительности и ее отдельным элементам, то социализация включает в себя, наряду с воспитанием, также и «ненамеренные спонтанные воздействия»¹. Вышесказанное позволяет рассматривать социализацию как самое широкое понятие, отражающее комплексный процесс становления личности, включающий в себя, в том числе, и воспитание, которое в таком случае следует рассматривать в качестве агента социализации.

Для выявления особенностей процесса политической социализации в обществах транзитного типа необходимо определиться с такой методологической проблемой, как типологизация политической социализации, которую можно рассматривать как

---

¹ Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1998. С. 134.

описание совокупности наиболее общих, системных институциональных и процессуальных характеристик, определяющих ее направленность и функциональность. При этом следует учесть, что типологизации исходят из предпочитаемой классификации форм социализации. Поэтому, прежде чем определиться с типологией политической социализации, необходимо обратиться к классификации ее форм.

В нашем случае весьма значимой является классификация форм социализации по ее субъекту, в качестве которого могут выступать семья, нация или человечество. При рассмотрении более крупных социальных субъектов – нации и человечества – мы неизбежно сталкиваемся с противоречием, требующим разрешения. Если на уровне семьи механизмом социализации выступают кровнородственные связи и отношения, то на уровне нации мы имеем дело с государственным механизмом, использующем информационно-коммуникативные ресурсы. При этом возникают смыслы и ценности, оторванные от индивидуального бытия человека, а также институты социализации, выстраиваемые абстрактно, вне индивида и конкретных социальных групп. Но главное, что на уровне нации (социума, оформленного в политическую организацию в том числе) как субъекта главная функция социализации определяется, как функция сохранения социума со своим специфическим образом и способом жизнедеятельности в окружающем мире.

В условиях же глобализации, по логике вещей, субъектом деятельности становится все человечество, а, стало быть, социализовывать тоже должно человечество сквозь призму общечеловеческих интересов и ценностей. Противоречие возникает потому, что, несмотря на формирующийся всеобщий интерес, мы по-прежнему сталкиваемся с национально-государственными, регионально-геополитическими и прочими уровнями частичного и частного интереса. Государства-нации, социализируя индивида через национальные институты социализации, в том числе через систему образования, формируют его государственную, национально-этническую или другую принадлежность, что зача-

стью входит в противоречие с космополитическими ценностями и установками. Кроме того, во многих сообществах сохраняет свою повышенную значимость религия, как традиционная система социализации, формирующая частную или локально-групповую (конфессиональную) социальность. Возможно ли снятие этого противоречия современности? Насколько вероятен отказ от национализма как нормы в системе национального воспитания и переход к интернационализму, чтобы выйти на проект глобального сообщества с новой социализационной нормой?

Еще одна классификация по целям и объектам политической социализации представляет интерес в инструментальном плане. Здесь выделяются такие формы, как обучение, воспитание и собственно образование (зачастую определяемое как формирование гражданственности). Если целью обучения является, прежде всего, трудовая (профессиональная) социализация, то воспитание ориентировано на трансляцию социально-групповых ценностных ориентаций от одного поколения к другому и обеспечение воспроизводства и функционирования норм групповой жизнедеятельности. Образование инструментально нацелено на формирование социально-этнического самоопределения, культурно-исторической принадлежности к политически организованной крупной социальной общности (нации) и привития таких ценностей, как патриотизм (будущую ответственность индивида за выживание конкретного социального-политического сообщества в условиях его конкурентного взаимодействия с другими сообществами).

При этом можно выделять доминирующую для данного исторического момента жизни общества форму и норму. Так, образцом социализации дофеодалного общества является обучение. Образцом социализации эпохи просвещения можно считать воспитание. А вот образцом социализации XX века и эпохи НТР следует признать именно образование. Трудность возникает из-за интерпретации того, что мы понимаем под образованием – профессионализацию, гражданизацию или космополитизацию.

Дополнительным фактором анализа служит возникшая примерно в середине XX века государственная молодежная политика,

которую можно рассматривать как новую (или дополнительную) форму социализации с положительной политически-социальной ориентацией, охватывающую все пространство социальной жизни молодежи за пределами института формального образования. Собственно, ее появление служит показателем новых общественно-исторических условий и ограниченности в них возможностей прежних социализационных институтов. Какую функциональную нагрузку несет современная система образования в социализирующем плане и способна ли она оказать помощь в разрешении противоречия частного и всеобщего в глобализирующемся мире?

С учетом характера исторической ситуации, определяющей скорость и интенсивность социальных изменений, а также важность социализационной роли традиций, выделяют такие формы социализации, как традиционная, модернизационная, мобилизационная, и, что особенно примечательно, переходная. Традиционная социализация характерна для стран со стабилизированной социально-политической системой и исторически сложившимся традиционным типом развития (например, Япония или Китай). Модернизационная социализация более характерна для обществ либо не имевших исторического традиционного уклада (например, США), либо переживших его слом и лишившихся традиционных механизмов регуляции (например, СССР в послевоенный период). Мобилизационная социализация возникает в обществе, ориентированном на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм под влиянием внешних экстремальных факторов, реально угрожающих существованию и жизнеспособности данного общества.

Переходная социализация характерна для обществ транзитного типа, когда старые традиции до конца не разрушены, а новые еще не совсем отстроены. В результате, общество избирает новые ориентиры в виде целей и средств, но с трудом адаптирует к ним существующие социальные нормы. Это придает социализации противоречивые черты, не позволяющие отнести ее к вышеуказанным «чистым» формам.

При этом считается общепринятым, что политическая социализация обусловлена типом общества, в котором существует человек и в котором она осуществляется. Общество определяет направления жизнедеятельности людей в различных сферах жизни, ориентирует их на приоритетные ценности, на социальные нормы и, в целом, на социокультурные традиции.

Следует отметить, что разработанные в западной науке типологии политической социализации обладают некоторым методологическим недостатком, поскольку в них политическая социализация рассматривается преимущественно применительно к стабильным системам. Поэтому, как считает Е.Б. Шестопап, схемы политической социализации, разработанные в западной науке, лишь частично подходят для описания того, что происходит в постсоциалистических обществах в частности, и в обществах переходного типа в целом. Она справедливо указывает, что кризис политической социализации, который имеет место постсоциалистических обществах, не имеет прямых западных аналогов¹.

В постсоциалистических обществах до сих пор происходит смена политических ценностей, как на уровне всего общества, так и на уровне отдельных групп и индивидов. Поэтому, применительно к постсоциалистическим обществам следует говорить не только о политической социализации, но и о ресоциализации. Причем, последняя может протекать очень неравномерно, поскольку отношение к новой политической системе, ее институтам, лидерам и ценностям может весьма сильно различаться у мужчин и женщин, пожилых и молодых, образованных и малограмотных. Примечательно, что в переходный период резко возрастает именно поколенческий опыт граждан, связанный с ранними этапами их социализации. Анализируя влияние таких агентов политической социализации, как школа и вуз, Е.Б. Шестопап указывает, что поколение, прошедшее политическую социализацию в перестроечный период, на вербальном уровне уже вполне усвоило идеологические ценности либерального толка. Однако, словесное

---

¹ *Шестопап Е.Б.* Личность и политика // Политическая психология. Ростов-на-Дону, 1996. С. 169.

признание демократических ценностей далеко не всегда получает отражение в реальном политическом поведении.

Соответственно, в транзитном обществе основными мотивами политического поведения становятся, с одной стороны, стремительно меняющиеся мнения и настроения, с другой – сформировавшаяся в детстве основа личности.

Еще одной особенностью политической социализации в транзитных обществах является то, что политические элиты не придают проблеме политической социализации должного значения и не очень активно способствуют институализации этого процесса. А это, в свою очередь, становится одной из причин постоянной напряженности и нестабильности политической системы. По мнению Г.В. Шешуковой, в политической социализации переходного периода снижается роль семьи и, напротив, возрастает роль системы образования. Данные социологических исследований фиксируют устойчивую зависимость политического поведения избирателей от их образовательного уровня¹. Таким образом, одним из основных условий обеспечения эффективной политической социализации в обществах переходного типа является совершенствование системы образования.

Подводя итоги, можно констатировать, что, если в стабильных системах индивид входит в достаточно определенный и целостный мир политического, осваивает устоявшиеся формы политического поведения, то в переходном обществе социализирующее воздействие противоречиво и фрагментарно, ориентации, транслируемые разными агентами социализации, существенно разнятся. При этом, в стабильных системах политическая социализация поддерживает традицию, в переходных – борется с ней. Можно сказать, что основной особенностью политической социализации переходного периода является борьба новых и прежних политических ценностей и норм. Практическим следствием такой социализации может стать идеологический раскол в обществе.

---

¹ *Шешукова Г.В.* Политическая культура электората российского региона. М., 1997.

Список использованной литературы

Шешукова Г.В. Роль и место системы образования в политической социализации населения современной России // Кредо. 1998.

Chilton S. Defining Political Culture // Western Political Quart. XLI. 1988.

Merelman R.M. On Culture and Politics in America: A Perspective from Structural Anthropology // British J. of Political Science. XIX. 1989.

Gibbins J.R. Contemporary Political Culture. P. 2.

Thompson M., Ellis R., Wildavsky A. Political Cultures / Institute of Governmental Studies / Working Paper 90–24. Berkeley, 1990. P. 1.

Welsh S. The Concept of Political Culture. N.Y. 1993.

Laitin D. The Civic Culture at 30 // American Political Science Rev. LXXXIX. 1995.

Jackman R.W., Miller R.A. A Renaissance of political Culture? // American J. of Political Science. XL. 1996.

А.В. Макаров
ст. преп. кафедры ФиСПН КРСУ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Мы живем в условиях перемен, неопределенности и низкой предсказуемости. И чем дальше от «мирового центра» к периферии «третьего» и «четвертого» миров, тем более непредсказуемой, радикальной и тревожной становится экономическая и политическая современность. И, хотя облик этой реальности всё еще остается весьма расплывчатым, в ней уже выделяются определенные ипостаси. Новую реальность можно определить и как особый исторический период, наступивший после завершения холодной войны, и как радикальную трансформацию мировой экономики, связанную с интенсификацией трансграничных экономических, политических, социальных и культурных связей, и как технологическую революцию с многочисленными социальными последствиями, и даже как неспособность национальных государств справляться с глобальными проблемами. Именно глобальность, глобализация становится ведущим трендом в описании и осмыслении современной реальности, хотя понимание и оценка глобализации существенно разнятся между собой.

Прежде чем определиться с характером политической глобализации современного мира, необходимо обратиться к истории возникновения понятия глобализации и основных оценок её значимости для человечества.

Сам термин «глобализация» вошел в международный политический и научный лексикон в 1960-е годы, но, как справедливо отмечает один из инициаторов разработки теории глобализации Р. Робертсон, в академических исследованиях он приобрел значи-

мость лишь в середине 1980-х годов. Даже в каталоге Библиотеки конгресса США (1994) указывались лишь 34 названия книг, содержащих термин «глобализация» и различные производные от него, причем самая ранняя из них была датирована 1987 годом¹. Основные теоретические направления осмысления процессов и последствий глобализации выстраивались на основе теории модернизации (Т. Парсонс, У. Ростоу, С. Айзенштадт), что предполагало прямую взаимосвязь модернизационных и глобализационных тенденций, причем модернизация рассматривалась в качестве ведущего интенсификатора глобализационных процессов. После распада СССР и краха социализма на смену постмодернизму (С. Лэш, Д. Харви, М. Фуко), постулировавшему наличие единых, универсальных общечеловеческих ценностей, и, в силу этого, не пытавшемуся идеализировать ни Запад, ни Восток, пришло новое направление, названное Э. Тирьякном и Дж. Александером неомодернизмом².

Глобализация – это одновременно и процесс, и состояние, и проект, и идеология. Многочисленные представители общественных наук соглашаются с тем, что глобализация означает стягивание всего мира в открытую систему финансово-экономических, общественно-политических и культурных связей на основе новейших коммуникационных и информационных технологий. Следует согласиться с У. Беком, что глобализация в таком контексте представляет собой экспансию транснациональных пространств и организаций, и зависит от «национально-государственного авторитета, точнее, от гегемониальной власти. Предпосылкой для глобализации является, так сказать, молчаливое разрешение со стороны национально-государственной власти»³. А З. Бауман настаивает на том, что термин «глобализация» свя-

---

¹ Глобализация: контуры XXI века. Реферативный сборник. Часть I. М., 2002. С. 50–51.

² *Alexander J.* New Theoretical Movement // *The Handbook of Sociology.* Newbery Park. 1988.

³ *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелника; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М., 2001. С. 68–70.

зан, прежде всего, «с глобальными последствиями, абсолютно непреднамеренными и непредусмотренными, а не с глобальными инициативами и действиями»¹. В таком качестве глобализация предстает еще более сложным фактором как в характере своего воздействия, так и в возможных последствиях.

Следует отметить тот факт, что и сторонники и противники глобализации соглашаются, что именно она становится ведущим процессом XXI века. Причем, об этом еще только разворачивающемся процессе уже вполне определенно можно говорить, как о главном и весьма жестком вызове новейшей истории всему мировому сообществу. По справедливому выражению У. Бека, «искусственные спутники позволяют преодолевать все национальные и классовые границы и насаждать в сердца людей во всех уголках планеты мишурный мир белой Америки. Остальное делает логика экономической активности»².

П. Катценштейн, Р. Кохэн, С. Краснер полагают, что суть глобализации являет собой процесс повышения уровней трансграничных передвижений или нарастающей транспарентности границ³. Р. Робертсон определяет сущность глобализации интенсификацией мирового сознания как целого⁴. М. Уотерс утверждает, что «... мы можем определить глобализацию как социальный процесс, в ходе которого уменьшается зависимость социального и культурного развития от географического фактора»⁵.

---

¹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 88.

² Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М., 2001. С. 82–83.

³ Катценштейн П., Кохэн Р., Краснер С. «Международная организация» и исследования вопросов мировой политики // Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы: взгляды американских и французских исследователей / под ред. М.М. Лебедевой и П.А. Цыганкова. М., 2001. С. 74–77.

⁴ Глобализация: контуры XXI века. Реферативный сборник. Часть I. М., 2002. С. 58.

⁵ Там же. С. 51, 60.

С точки зрения Дж. Розенау, глобализация – это мир «транснациональных потоков» (транснациональной субполитики), сосуществующий с обществом государств, структурирующийся на основе информационных и коммуникационных технологий¹. А.Д. Богатуров утверждает, что структурный смысл глобализации состоит «в реализации проекта создания всеобъемлющего, универсального миропорядка на базе формирования экономической, политико-военной и, по возможности, этико-правовой общности преобладающего большинства наиболее развитых стран мира посредством максимально широкого распространения зон влияния современного Запада на остальной мир»².

Справедливости ради стоит отметить, что далеко не все исследователи характеризуют глобализацию как универсальный, объективный, определяющий нашу современность процесс. Хороший анализ критики концепта глобализации дал в своей статье М.М. Шумилов³. Опираясь на его анализ можно увидеть, что, например, А.Д. Богатуров считает глобализацию фактом, в большей степени, виртуальным, поскольку «большая часть наиболее впечатляющих проявлений этой тенденции, по сути, локальна и проявляется преимущественно в зоне постиндустриальных стран и в тончайшем слое интернет-электронных связей, протянувшихся от них в другие части мира»⁴.

М. Весес утверждает, что глобализация привлекает столь пристальное внимание постольку, поскольку с ее помощью либо пытаются доказать существование новых угроз, либо предрекают

---

¹ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелника; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. С. 68–70.

² Богатуров А.Д. Брюссельско-вашингтонский порядок? // Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений М., 2002. С. 376.

³ Credo new. Теоретический журнал. 2005. № 1. <http://credonew.ru/content/view/459/30/>

⁴ Глобализация: контуры XXI века. Реферативный сборник. Часть I. М., 2002. С. 134–135.

процветание человечества¹. А.И. Уткин также считает, что глобализация, по сути, является политически востребованной концепцией². Даже с экономической точки зрения интегрированность мировой экономики сильно преувеличена³.

Анализ точек зрения на феномен глобализации позволяет говорить о крайней противоречивости данного процесса, сочетающего в себе универсализирующие факторы и, одновременно, тенденции противоположной направленности.

Среди последних можно отметить «регионализацию», представляющую собой, прежде всего, возникновение разделительных линий между региональными группировками государств, укрепляющих свои позиции, в контексте глобализации. Что, в конечном итоге, способствует передаче властных функций и полномочий от национальных правительств властям субнациональных образований, которые становятся строительным материалом новой политической карты мира в интересах глобальных корпораций⁴.

Другой тенденцией противоположной направленности является «локализация», выражающаяся в консолидации этнических образований, проводящих политику «культурной изоляции» с целью сохранения «партикуляристских» систем ценностей. Локализация проявляется в легализованных и легитимированных притязаниях на исключительность отдельных форм социальной идентификации⁵. Не менее значимым последствием глобализа-

---

¹ *Лебедева М.М.* Мировая политика. С. 100.

² *Уткин А.И.* Глобализация: процесс и осмысление. М., 2002.

³ Глобальное сообщество: Картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса. М., 2002. С. 10.

⁴ Некоторые ученые считают, что регионализация является собой попытку оказать сопротивление гегемонии единственной современной сверхдержаве – США. Так, Р. Гилпин считает, что национальные государства в конце концов окажут поддержку региональным межправительственным организациям, которые представляют собой защиту от глобального транснационализма (*Най Дж.С., Кохэн Р.О.* Транснациональные отношения. С. 158).

⁵ Глобализация: контуры XXI века. Реферативный сборник. Часть I. М., 2002. С. 32.

ции является «фрагментация» (или «фрагмерация», выражаясь языком Дж. Розенау) мира.

Влияние глобализации на политические процессы современности проявляются, прежде всего, в трансформациях политической системы в международном и национальном масштабах. Начиная с 1990-х годов речь идет о серьезных смещениях в отношениях господства и подчинения между государствами на глобальной арене. Осмысление этого процесса нашло отражение в полемике вокруг «американского лидерства», в концепции «гегемониальной стабильности», в теориях «заката» и «обновленчества». Происходит формирование глобальной (транснациональной) политической системы, включающей в себя в качестве элементов общемировые институты и движения, межправительственные и неправительственные организации, возрастание роли организаций–посредников, активное видоизменение роли и значения ООН.

М. Уотерс указывает, что «важной и разительной чертой политической глобализации служит то, что ни в одной своей области она не достигла того верхнего уровня, который наблюдается, например, в глобализации финансовых рынков. Политическая глобализация наиболее продвинута в сферах международных отношений и политической культуры. Однако, государство отчаянно сопротивляется, цепляется за свой суверенитет и до сих пор остается важным фактором в решении проблем... Государство может поэтому явиться последним бастионом сопротивления тенденциям глобализации и ключевым индикатором ее конечной эффективности. Если государства переживут глобализацию, ее трудно будет считать той силой, которой она кажется в настоящее время»¹. В то же время в американском докладе «Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года», подготовленном в 2000 году Национальным разведывательным советом США и ведущими американскими экспертами в области международной политики и экономики, демографии и безопасности, говорится, что «государство вплоть до 2015 года останется наиболее важным структурным элементом политики, экономики и безопасности, но эффективность его функциониро-

---

¹ Глобализация: контуры XXI века. Реферативный сборник. Часть I. М., 2002. С. 63–64.

вания подвергнется серьезным испытаниям. Первое из них заключается в установлении контроля над некоторыми аспектами глобализации с одновременным извлечением выгоды из нее. Второе – в умении строить отношения со всё более громогласным и организованным общественным мнением»¹. З.С. Гаипов справедливо указывает: «Наряду с национальным государством, чей суверенитет ставится под вопрос, а влияние всё время снижается, на мировой арене действуют транснациональные корпорации, транснациональные преступные и террористические организации. Все громче заявляют о себе религиозные организации, международные национальные объединения. Рост неправительственных и «надправительственных» структур, многочисленных «теневых» консенсусов, общемировых форумов, саммитов, конгрессов свидетельствует о том, что в наши дни активно формируется «вселенский» взгляд на мир, привязанный, однако, к стратегическим национальным интересам и глобальной политической игре»².

Д. Маркович констатирует, что глобализация политической жизни проявляется «во взаимоотношениях между отдельными государствами, в ходе которых государства, обладающие меньшим капиталом, теряют часть своего суверенитета в пользу тех государств, которые являются владельцами концентрированного капитала в международных, глобальных, масштабах ... государства, чьи экономические субъекты не являются носителями концентрированного капитала («периферийный капитализм») становятся на глобальном уровне зависимыми от транснациональных компаний, а политически подчиняются странам «централизованного капитализма»»³. Как подчеркивает М.М. Шумилов, «государства вынуждены считаться, с одной стороны, с международными правительственными организациями и институтами, с другой – со своими же внутригосудар-

---

¹ Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года / пер. с англ. М. Леоновича; под ред. К. Жвакина. Екатеринбург, 2002. С. 56.

² Гаипов З.С. Политическое развитие Республики Казахстан и глобализация (политологический анализ): автореф. дис. ... доктор. полит. наук / З.С. Гаипов. Алматы. 2010. 46 с.

³ Маркович Д.Ж. Социология и глобализация: сб. ст. / пер. с сербск. О.Л. Кирилловой. М., 2002. С. 44.

ственными регионами, а также с многочисленными неправительственными организациями.

Парадоксально, но если раньше внутригосударственные регионы стремились оказывать влияние лишь на внутривнутриполитические процессы, а международные организации – на те вопросы, которые ограничивались внешнеполитической сферой, то теперь ситуация изменилась. Международные организации и институты все активнее вмешиваются во внутривнутриполитические вопросы, такие, как урегулирование конфликтов, соблюдение прав человека, определение финансовой политики государств и т.п., а внутригосударственные регионы стремятся к внешнеполитической деятельности, порой наравне с центральными властями, подтверждая обоснованность тезиса о растущем взаимопроникновении внутренней и внешней безопасности¹. Таким образом, современное государство испытывает давление «сверху», «снизу» и «извне»². Вмешиваясь «сверху» во внутренние конфликты, наднациональные организации и институты все чаще подрывают прерогативы государственного суверенитета³.

Такие сферы, как налогообложение, здравоохранение, образование, страхование и пенсионное обеспечение тоже становятся всё менее подконтрольными государству. П.А. Цыганков утверждает, что «выживание государства-нации сегодня зависит уже не столько от способности противостоять традиционным военным угрозам (хотя и их еще рано сбрасывать со счетов), сколько

---

¹ Шумилов М.М. Глобализация: политическое измерение // Credo new. Теоретический журнал. 2005. № 3. <http://credonew.ru/content/view/498/30/>

² Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2002. С. 309.

³ К явлениям подобного рода можно отнести миротворческие операции под эгидой ООН в самых различных частях света – «война в Заливе» в 1991 году, интернационализация югославского конфликта в 1991–1995 годах, операция «Вернуть надежду» в Сомали в 1992–1993 годах, операция «Восстановить демократию» в Гаити в 1994 году, операция «Turquoise» в Руанде в 1994 году, рейд в Восточный Тимор в 1999 году, а также «гуманитарная интервенция» НАТО в Югославии в 1999 году, совершенная без санкции ООН и в нарушение действующих норм международного права.

от возможности находить адекватные ответы (создавая для этого соответствующие средства) на новые вызовы экономического, технологического, экологического, демографического и информационного характера»¹.

Рассматривая феномен глобального мира, в качестве его символов приводят Интернет, превративший планету в «мировую деревню», и мгновенные перемещения многомиллиардных «горячих денег» из страны в страну, с континента на континент². Интернет, в принципе, может служить информационной моделью глобализации в ее нынешнем виде. Он наглядно демонстрирует, что в «формирующемся мегаобществе право голоса и гражданства имеет лишь привилегированное меньшинство. Развитые страны плюс элиты развивающегося мира – таковы субъекты глобализации на сегодняшний день. Таково активное ядро мегаобщества»³. Американские эксперты в области мировой политики и глобализации также предрекают, что растущее использование Интернета делает важнейшие элементы инфраструктуры многих государств всё более привлекательными целями атаки. Существующие компьютерные сети открывают новые возможности для анонимного и высоко избирательного нападения изнутри. Террористы уже имеют доступ к информационным технологиям и повышают квалификацию для использования кибернетических средств нападения⁴.

Авторы доклада «Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года»⁵ утверждают, что «национальные правительства будут постепенно терять контроль за трансграничными обменами информацией, передачами технологий, распространением болезней, миграцией населения, торговлей оружием

---

¹ Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2002. С. 316.

² Постиндустриальный мир и России. М., 2001. 74 с.

³ Кувалдин В. Глобальность: новое измерение человеческого бытия. 73 с.

⁴ Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года / пер. с англ. М. Леоновича; под ред. К. Жвакина. Екатеринбург, 2002. С. 22.

⁵ Там же. С. 59.

и финансовыми операциями, будь они законными или противозаконными». Особенно драматично проявляется кризис национального государства в странах, наименее развитых в экономическом и нестабильных в политическом отношении. «Государства с неэффективным и некомпетентным руководством не только не смогут извлечь выгоды из глобализации, но и в некоторых случаях будут генерировать внутренние и внешние конфликты, способствуя еще большему росту существующего сегодня отрыва региональных лидеров от аутсайдеров»¹.

Размывание суверенитета поднимает и проблему идентичности. Некоторые исследователи говорят об утрате чувства национальной идентичности и формировании ее в ином качестве – корпоративной, региональной и даже глобальной (космополитической). В критические моменты идентификация нередко идет по одному, наиболее очевидному основанию, например, этническому или религиозному. Это влечет за собой открытые формы конфликтов. Не случайно конфликты 1990-х годов получили название конфликтов идентичности.

Таким образом, наиболее яркой характерной чертой политической глобализации можно считать «размывание» государственного суверенитета, если под данным термином понимать то, что американский исследователь Стивен Краснер назвал «вестфальским суверенитетом».

Наряду с кризисом Вестфальской системы, второй важнейшей тенденцией мирового развития, обусловленной политической глобализацией, явилась демократизация². При этом само это

---

¹ Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года / пер. с англ. М. Леонovichа; под ред. К. Жвакина. Екатеринбург, 2002. С. 17–18.

² В условиях глобальных цивилизационных изменений альтернатива демократической системе ценностей исключается. Еще весной 1964 года Ф. Слейтер и У. Беннис в статье «Демократия неотвратима» сформулировали эти ценности: 1) полная и свободная коммуникация, невзирая на чины и полномочия; 2) преобладание технологии консенсуса при разрешении конфликтов; 3) приоритет технической компетентности и знаний в качестве основы политического влияния в противовес личным капризам (Глобализация: контуры XXI века. Реферативный сборник. Часть I. М., 2002. С. 40).

понятие в политической науке используется, как правило, в двух значениях. Под демократизацией мира, с одной стороны, понимается рост количества демократических государств. С другой – усиление и развитие демократических институтов и процедур в различных странах. Причем, последнее имеет особое значение для государств, находящихся в процессе перехода к построению демократического государства, т.е. в демократическом транзите.

В чем же выражается сущность демократизации как следствия политической глобализации мира?

Как утверждает А.Д. Богатуров, концепция «расширения демократии», которую весной 1993 года огласил помощник президента США по национальной безопасности Энтони Лейк, стала теоретической платформой для практической реализации парадигмы, выросшей на Западе из синтеза исходной идеи мирового общества и наслоившихся поверх нее концепций глобализации¹. Развивая эту мысль, О. Арин пришел к убеждению, что «после поражения СССР в «холодной войне» у Запада во главе с США возникла уникальная возможность уничтожить Россию как суверенное государство. Причем, основным оружием у него являются отнюдь не военный потенциал, и даже не подавляющая экономическая мощь. Главным оружием является демократия западного типа... Другими словами, немалая часть населения Востока рассматривает демократию как синоним процветания, а западная элита – как самое эффективное оружие разрушения этого самого Востока»².

Вот почему парадоксальным следствием глобальной демократизации стало распространение имитационных, или, по Ф. Закарии, нелиберальных демократий. Их суть заключается в том, что демократические институты и процедуры в ряде государств используются лишь как внешняя форма, служащая порой для прикрытия недемократических по своей сути механизмов

---

¹ *Богатуров А.Д.* Глобализация как «синдром поглощения» в международной политике // *Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений.* М., 2002. С. 339.

² Советская Россия. 2004. 2 декабря.

реализации власти. Ф. Закария подчеркивает, что в современном мире два компонента либеральной демократии (демократия и свобода) – «составляющие плоть западной политической модели, все больше расходятся друг с другом. Демократия расцветает, а свобода – нет»¹. Иными словами, «демократический мир реален, но, как выясняется, он имеет мало общего с демократией»².

При этом наблюдается количественный рост нелиберальных демократий. В начале XXI века «почти половина «демократизирующихся» стран мира представляют собой нелиберальные демократии, которые пока не стали действенным путем к демократии либеральной»³. Основной причиной такой парадоксальной демократизации становится экономический фактор на национальном и глобальном уровнях, растущая экономическая и социальная поляризация современного мира. Доказывая формулу «бедность убивает демократию», Ф. Закария, опираясь на данные многолетней статистики, утверждает, что, если в начале демократических реформ уровень ВВП на душу населения в стране ниже трех тысяч долларов, то демократия умирает: «только при среднедушевом доходе свыше 6000 долларов демократия становится по-настоящему жизнеспособной»⁴.

Эту же причину постулирует и И. Валлерстайн, перенося её на «мир-систему» в целом: «Для большинства людей демократизация означает в первую очередь возможность предъявить три требования, воспринимаемые как неотъемлемые права: разумный доход (рабочее место и, позднее, пенсия), доступ к образованию для детей и адекватное современным требованиям медицинское обслуживание. По мере развития демократизации люди настаивают не только на выполнении этих трех требований, но и на постоянном росте минимально приемлемого уровня каждого из них. Но обладание этими правами на том уровне, которого люди каждый день требуют, неверо-

---

¹ Закария Ф. Будущее свободы: нелебиальная демократия в США и за их пределами / пер. с англ. и ред. В.Л. Иноземцева. М., 2004. С. 6.

² Там же. С. 120.

³ Там же. С. 99–100.

⁴ Там же. С. 63–65.

ятно дорого даже для богатых стран, не говоря уже о России, Китае, Индии. Единственный способ, чтобы каждый действительно имел больше, – радикально изменить способ распределения мировых ресурсов по сравнению с тем, что мы имеем сегодня»¹. Дж. Сорос акцентирует внимание на том, что в 1980-е и 1990-е годы «налоги на капитал и взносы в фонд страхования по безработице уменьшились, в то время как другие формы налогообложения, особенно налоги на потребление, продолжают увеличиваться. Другими словами, бремя налогообложения было переложено с капитала на граждан»². Перефразируя известную американскую поговорку, У. Бек заявляет: «Что хорошо для «Дойче банк», давно уже нехорошо для Германии»³. У. Бек тоже констатирует, что, отвоевав у демократически организованного капитализма свободу действий, транснациональный капитализм оказался в долгу у демократии. Однако, «виртуальные налогоплательщики» не спешат к кассе, следовательно, дефицит демократии в мире продолжает увеличиваться⁴.

Таким образом, «кризис» вестфальского суверенитета и нелиберальная демократизация в обществах переходного типа при преобразовании политических институтов и практик на уровне локальных политических систем проявляются в преобладании таких механизмов заимствования образцов, как *копирование* и *имитация*. Необходимо также указать, что в системах нестабильных, во многом функционирующих на основе традиционных элементов культуры (особенно номадических), механизм имитации значительно доминирует над механизмом копирования.

Можно выделить два вида имитаций:

1. Имитация *алгоритма*, когда имитируется механизм какого-либо процесса, включая его содержание или функциональную

---

¹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 343, 385.

² Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999. С. 17, 23–26.

³ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / пер. с нем. М., 2001. С. 19.

⁴ Там же. С. 239–240.

нагрузку (например, процесс взаимодействия ветвей власти) без достижения полезного результата.

2. Имитация результата или формы (*симуляция*), когда провозглашается формирование ветвей власти без их реальной независимости и разделения, либо свободных выборов «де-юре» при их не свободном характере «де-факто».

Влияние на национальные политические системы таких глобализационных субпроцессов, как либерализация и плюрализация, становится настоящей проблемой в условиях, когда имитационные механизмы начинают доминировать над механизмами копирования. Во-первых, возникает проблема размывания национального суверенитета. Во-вторых, возникает угроза маргинализации и периферизации национальной культуры и функционирующего типа социальности, что проявляется, прежде всего, в усилении зависимости от транснациональных структур¹.

Специфической процессуальной характеристикой, имеющей пограничный характер, и, в силу этого, имеющей отношение и к политической, и к культурной глобализации, является институализация глобального гражданского общества. С одной стороны, это является отражением потребности утверждения приоритета общечеловеческих ценностей над локальными, а с другой – необходимостью установления международного демократического контроля за действиями по использованию в мировой политике принуждающего насилия.

Таким образом, можно говорить и о глобализации внегосударственной публичной сферы. Правовой основой глобального гражданского общества выступают, прежде всего, общие стандарты международного частного права и закрепленные на международном уровне права человека и гражданина мира. Формирование институтов глобального гражданского общества и выполнение им своих функций исследователи связывают не столько с космополитической элитой, сколько с так называемой

---

¹ Гаипов З.С. Политическое развитие Республики Казахстан и глобализация (политологический анализ): автореф. дисс. ... д-р полит. наук / З.С. Гаипов. Алматы. 2010.

«креативной корпорацией» (определение В. Иноземцева) или с «индивидуализированной корпорацией» (выражение С. Гхошала и Ч. Барлетта)¹.

В заключение стоит отметить тот факт, что политическая глобализация сопровождается ростом взаимозависимости элементов сложившегося миропорядка, что требует обеспечения стабильности функционирования такой сложной системы. В этих условиях неизбежно возрастает роль упорядочивающих воздействий, определяющих поддержание стабильности миропорядка, которые могут быть силовыми или согласительными. Современные аналитики отмечают возрастание значимости силовых приемов поддержания мироустройства и падение значения согласительных процедур². Связанная с глобализацией технологическая революция способствует дифференциации интересов, индивидуализации ценностей, которыми люди и отдельно взятая личность руководствуются в своем поведении. Дифференциация интересов обуславливает фрагментацию гражданского общества и размывание общественной солидарности и согласия, необходимых для демократического управления им. В результате, снижается реальная роль институтов демократии и усиливается влияние механизмов социального инжиниринга и манипулирования во всех сферах общественной жизни, прежде всего – в сфере политики.

---

¹ *Ильин М.* Политическая глобализация: Институциональные изменения // Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 242–245.

² *Галкин А.А.* Поступь глобализации и кризис глобализма // Политика. 2002. № 2. С. 10–11.

И. Миясаров
магистрант кафедры политологии КРСУ

ПЕРСПЕКТИВЫ КЫРГЫЗСКО-УЗБЕКСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Отношения с Узбекистаном являются неотъемлемой частью внешнеполитической деятельности Кыргызстана. Это обусловлено территориальной, культурной, этнической, религиозной близостью двух государств, которая приводит к необходимости сотрудничества и поиску компромиссов и решений по самым насущным вопросам. Географическая близость двух стран также обуславливает взаимное пересечение интересов и возникающие из-за этого конфликты. Разрешение этих конфликтов является одной из главных задач в отношениях между двумя странами. На протяжении всей независимой истории наших государств две насущные проблемы стояли в центре отношений между странами: территориальные вопросы и обеспечение водно-энергетическими ресурсами. В настоящий момент можно констатировать, что будущее кыргызско-узбекских отношений носит неопределённый и непредсказуемый характер. В отчёте ОБСЕ за 2011 год отмечено, что «развитие кыргызско-узбекских отношений в годы независимости имело по своей сути характер вынужденного общения с достижением временных решений по разным вопросам»¹. Эта напряжённость и отсутствие полноценного межгосударственного диалога имеет ряд причин, уходящих корнями в историю.

Чтобы понять перспективы будущего взаимодействия Кыргызстана и Узбекистана, необходимо составить полную историче-

---

¹ Приграничная торговля. Оценка пересечения границ между Кыргызстаном и Узбекистаном // Отчёт ОБСЕ и Центрально-Азиатского института свободного рынка. 2011.

скую картину их взаимоотношений: явные и скрытые проблемы, легко преодолеваемые разногласия – с одной стороны, и хронические «гнилые нарывы» – с другой. Отношения Кыргызстана и Узбекистана имеют интересную особенность – оба народа, обе цивилизации имеют тысячелетнюю историю, но, в то же время, как самостоятельные акторы на международной арене возникли лишь недавно. Вызванные сегодняшним временем насущные проблемы сочетаются с тем, что обоим государствам приходится иметь дело с константными обстоятельствами географического и этнического характера, которые не в силах изменить ничья политическая воля.

Как известно, в своём современном виде Кыргызстан и Узбекистан были выделены из Туркестанского автономного округа Российской империи, которая присоединила Среднюю Азию в XIX веке. После установления советской власти округ был переименован в Туркестанскую АССР. В 1924 году, после окончательного вхождения Средней Азии в состав СССР, были определены территориальные границы Кыргызстана и Узбекистана, а в 1955 году ряд территорий, включая узбекские анклавы Сох и Шахимардан, были присоединены к Узбекистану. Эти решения принимались Центральным комитетом КПСС непосредственно из Москвы, и влияние кыргызской и узбекской сторон было минимальным. Кроме того, разделение территорий было нецелесообразным, так как народы вели различный жизненный уклад: кыргызы были скотоводами и кочевниками, а узбеки – оседлой нацией, занимающейся обработкой земель. Внутри Кыргызской и Узбекской АССР образовались узбекский и кыргызский анклавы соответственно¹. В Кыргызстане наибольшее количество узбеков было сосредоточено в южных областях республики, в городах Ош и Джалал-Абад. Ещё до распада СССР, в июне 1990 года здесь произошли межэтнические столкновения между кыргызами и узбеками после того, как кыргызам, по решению городского совета, были переданы земли, которые

---

¹ Мурзаканова А.А. Проблема кыргызско-узбекских границ: историческая ретроспектива и современная перспектива. http://www.rusnauka.com/13_EISN_2013/Politologia/2_136295.doc.htm

узбекская община исконно считала своими. Конфликт был погашен взаимными усилиями глав обоих государств при минимальном участии Центра (Москвы). Впоследствии, после провозглашения независимости обеими странами, Кыргызстан и Узбекистан подписали ряд договоров по противодействию организованной транснациональной преступности, незаконному обороту наркотиков, оружия, торговле людьми. Но, будучи формально дружественными, на деле отношения двух стран всегда носили напряжённый характер. Косвенной причиной этого стало то, что после провозглашения независимости обе республики избрали различный путь внутриполитического устройства. Если Кыргызстан приобрёл в международном сообществе репутацию самой демократичной страны в Центральной Азии («островок демократии»), то Узбекистан, после избрания президентом Ислама Каримова в декабре 1991 года, пошёл по пути установления жёсткого авторитарного режима. Здесь в последующие два года были организованы массовые гонения на оппозицию, что затронуло и многочисленные религиозные организации, созданные в Узбекистане на рубеже 1980-х и 1990-х годов. Эмигрировавшие религиозные лидеры занялись организацией радикальных террористических группировок, самой опасной из которых стало ИДУ (Исламское движение Узбекистана), созданное в 1996 году Джумой Намангони и Тахиром Юлдашевым. Это обусловило угрозу безопасности Кыргызстана, когда в августе 1999 года вооруженные отряды боевиков ИДУ сделали попытку вторгнуться через Баткенскую область Кыргызстана в Узбекистан. В 2000 году узбекская сторона ввела визовый режим для граждан Кыргызстана, приступила к укреплению границ, заминировав отдельные участки, но не снабдив при этом соседние государства картой минных полей. Впоследствии ИДУ организовала террористические акты в Бишкеке, Ташкенте и Оше. В последние годы, после ослабления ИДУ из-за внутренних конфликтов, усилились другие радикальные террористические организации – «Хизб-ут-Тахрир», «Акрамия» и др. В настоящее время задача противодействия транснациональной организованной преступности является одной из главных в межгосударственных отношениях двух стран.

Другим важным аспектом межгосударственных отношений является территориальный вопрос и, прежде всего, вопрос делимитации и демаркации границ, отсутствие которых делает кыргызско-узбекскую границу не государственной, а административно-территориальной¹. Корни проблемы уходят в советские времена: кыргызская сторона в переговорах ссылается на документ 1954 года, в котором границы вошедших в СССР 15 республик были очерчены наиболее чётко, в то время как Узбекистан настаивает на легитимности документа 1927 года². Кыргызстан потребовал возвращения анклавов Сох и Шахимардан, присоединённых к Узбекистану по договору 1955 года, в ответ 26 февраля 2001 года был подписан кыргызско-узбекский меморандум по делимитации границ, в котором утверждалось, что анклав Сох должен быть составной частью Узбекистана. Взамен узбекская сторона предложила в качестве компенсации участок своей территории длиной 200 км. Однако участок оказался безжизненным горным массивом и кыргызская сторона отклонила это предложение³. В 2013 году напряжение вылилось в открытый конфликт, когда в селе Хушяр Сохского района Узбекистана несколько узбекских граждан взяли в плен 30 кыргызстанских пограничников, устанавливавших линии электропередач на пограничной заставе в кыргызском селе Чарбак Баткенского района. Конфликт удалось разрешить лишь после совместной операции правоохранительных органов обеих стран. Однако эксперты высказали предположение, что конфликт мог быть спровоцирован властями Узбекистана⁴. Выступая по телевидению, президент Узбекистана Ислам Каримов не исключил возможность войны в Центральной Азии.

¹ Мурзаканова А.А. Проблема кыргызско-узбекских границ: историческая ретроспектива и современная перспектива. http://www.rusnauka.com/13_EISN_2013/Politologia/2_136295.doc.htm

² Там же.

³ Бабаджанов А.Я., Чернявский С.И. Проблемы межгосударственных отношений в Центральной Азии // Вестник МГИМО. Апрель 2013.

⁴ Шилина К. Освобождены заложники на узбекско-кыргызской границе // Радио Азаттык. <http://rus.azattyq.org/content/clash-along-kyrgyz-uzbek-border/24817156.html>

Одной из главных проблем, по мнению экспертов, является то, что Узбекистан не рассматривает Кыргызстан в качестве равноправного партнёра, часто присылает на переговоры лиц, не уполномоченных их вести, и искусственно замораживает попытки решения проблемы¹. Известно, что в самом Узбекистане за период независимости целенаправленно продвигается национальная идея страны, как наследницы великой средневековой империи Тамерлана (1336–1404), которая, помимо военного и политического могущества, являлась центром искусств и наук². Идея «Великого Узбекистана» имеет целью доминанцию в Центральной Азии. Это приводит к тому, что уже сейчас Узбекистан ведёт переговоры с позиции силы³. Вышеупомянутое заявление Каримова не следует, конечно, истолковывать прямолинейно, но оно показывает, что Узбекистан пытается манипулировать соседним государством.

Другой насущной проблемой в отношениях двух стран является обеспечение водными и гидроэнергетическими ресурсами. Если в поставках газа Кыргызстан зависит от Узбекистана, который сам устанавливает цены на газ в соответствии с мировыми котировками, то в данном случае ситуация прямо противоположная. В Центральной Азии течёт две реки – Сырдарья и Амударья, первая из которых берёт начало в Кыргызстане, вторая – в Таджикистане. В Средней Азии бытует поговорка: «Кто владеет реками, тот владеет Азией». Неравномерное распределение водных ресурсов создаёт напряжённую обстановку в Средней Азии, где 65 % населения живёт в сельской местности и зависит от состояния сельского хозяйства. Российские исследователи А. Бабаджанов и С. Чернявский дают подробное описа-

¹ *Марат Казакпаев*: Необходимо провести российско-узбекские консультации по проблеме водных ресурсов в ЦА // Ислам в СНГ. <http://www.islamsng.com/kgz/interviews/5641>

² *Бабаджанов А.Я., Чернявский С.И.* Проблемы межгосударственных отношений в Центральной Азии // Вестник МГИМО. Апрель 2013.

³ Что кроется за конфликтом на кыргызско-узбекской границе и Кто может быть гарантом государственной чести и национального достоинства Кыргызстана? <http://www.polit.kg/newskg/533>

ние ситуации, позволяющее понять природу конфликта: «“Равнинные” государства (т.е. Узбекистан – прим. авт.) утверждают, что крупнейшие гидроэнергетические сооружения региона – Токтогульская ГЭС в Киргизии, Нурекская и Кайракумская ГЭС в Таджикистане, изначально возведенные, прежде всего, для ирригационных целей, переведены на энергетический режим работы. Вследствие этого, увеличенные объемы пропусков воды в зимний период становятся причиной затопления полезных территорий, разрушения домостроений и других чрезвычайных ситуаций, ущерб от которых исчисляется сотнями миллионов долларов. Работа водохранилищ в летний период в режиме накопления воды приводит к нехватке водных ресурсов для сельскохозяйственного производства, сокращению посевных площадей и урожаев сельхозпродукции и, как следствие, ухудшению жизненных условий населения и даже конфликтным ситуациям. Узбекская сторона утверждает, что подобные односторонние нарушения Киргизией и Таджикистаном принципов совместного использования водных ресурсов трансграничных рек, закрепленных межгосударственными соглашениями между странами региона, имеют весьма нежелательные и далеко идущие последствия как для водного хозяйства и энергетики, так и для социально-экономического развития и политической стабильности государств региона»¹. Узбекистан получает электроэнергию от Кыргызстана и Туркменистана и относится с настороженностью к планам Кыргызстана обратиться за финансовой помощью к России при строительстве Камбаратинской ГЭС, которое было начато ещё в советское время в 1986 году. В 2003 году строительство Камбаратинской ГЭС возобновилось при финансовой поддержке России, а недавно между двумя странами был подписан договор о строительстве каскада электростанций на реке Нарын. Узбекская сторона опасается того, что Кыргызстан может проявить в будущем полную самостоятельность в этом вопросе, и объёмы поставляемой в Узбекистан электроэнергии в долгосрочной пер-

---

¹ *Бабаджанов А.Я., Чернявский С.И.* Проблемы межгосударственных отношений в Центральной Азии // Вестник МГИМО. Апрель 2013.

спективе могут снизиться. Это привело к тому, что И. Каримов стремится официально протестовать против строительства ГЭС в Кыргызстане, проводя встречи с другими центрально-азиатскими лидерами в Астане и Ашхабаде, утверждая, что уровень безопасности на этих объектах недостаточен и его необходимо доработать, а затем провести международный аудит.

Нельзя не учитывать то обстоятельство, что Центральная Азия, в силу своего стратегически важного геополитического положения в мире, является пристальным объектом внимания иаренной пересечения интересов крупных держав – России, США, Китая. От их действий в регионе во многом зависят дальнейшие перспективы отношений между двумя странами. Геополитические игры всегда являлись неотъемлемой частью истории постсоветской Центральной Азии, почти все страны которой, за исключением, возможно, Казахстана, принадлежат к третьему и четвёртому миру и зависят от финансовых инвестиций крупных держав. Поэтому каждой из стран региона для оздоровления экономики невыгодно заручиться поддержкой лишь одной страны. Союз с крупными державами носит не столько идеологический характер, сколько зависит от политической и экономической конъюнктуры. Так, в эпоху правления К. Бакиева, Кыргызстан направил крен внешней политики в сторону США, в то же время отказав России в дальнейшем размещении военной базы в Канте. Но после революции 2010 года, при президентстве А. Атамбаева, вектор внешней политики Кыргызстана стал отчётливо пророссийским. В долгосрочной перспективе усилит влияние Китай, чья стратегия заключается не в громких политических актах, а в постепенном вовлечении в орбиту экономик Центральной Азии, которые с каждым годом всё больше зависят от китайских инвестиций. Свои интересы в регионе имеют Иран и Турция, которые с 1990-х годов активно продвигают идею пантюркизма – объединения всех тюркских народов под верховенством Турции. В среднесрочной перспективе, однако, главную роль могут сыграть Россия и США, которые стремятся сохранить своё военное присутствие в регионе. Кыргызский эксперт М. Казакпаев

отмечает: «Сегодня мы наглядно видим, что Соединённые Штаты активизировались в Узбекистане. США пытаются закрепить себя в этой стране, они делают усилия, чтобы оставить свою базу на территории нашего государства. Россия также более активно стала действовать в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане». Многие эксперты объясняют кыргызско-узбекский пограничный конфликт, произошедший в январе 2013 года, стремлением Узбекистана заставить Кыргызстан сохранить военную базу США, срок аренды которой заканчивается в 2014 году¹.

Таким образом, возможны следующие перспективы в межгосударственных отношениях Кыргызстана и Узбекистана:

1) На фоне появляющихся в СМИ слухов об ухудшении здоровья Ислама Каримова встает вопрос о его возможном преемнике². Сам Каримов не объявлял имени преемника, так что эксперты не исключают, что после его возможной кончины в Узбекистане развернется борьба за власть между различными политическими кланами. Это приведёт к политическому хаосу в стране и потенциальному усилению фундаменталистских террористических организаций, которые распространили своё влияние в Ферганской долине, куда входят юг Кыргызстана и три области Узбекистана. Этому может поспособствовать также вывод войск НАТО из Афганистана, который планируется на осень 2014 года, и гражданская война в Сирии, в которой участвуют немало боевиков из Афганистана, Пакистана и Центральной Азии. Те из них, кто не найдут своего места в случае победы любой из сторон и наведения порядка в Сирии (окончание гражданской войны волне вероятно именно к 2014 году), возвратятся в Центральную Азию, что ещё больше усложнит и дестабилизирует обстановку в регионе. Дополнительной опасностью может послужить поток беженцев в случае вооружённого конфликта в Узбекистане. В мае 2005 года, после кровавого

---

¹ Мурзаканова А.А. Проблема кыргызско-узбекских границ: историческая ретроспектива и современная перспектива. http://www.rusnauka.com/13_EISN_2013/Politologia/2_136295.doc.htm

² Диктатор Узбекистана Ислам Каримов: то ли жив, то ли не очень. <http://www.newtimes.ru/articles/detail/64615/>

подавления режимом Ислама Каримова волнений в Андижане, кыргызско-узбекскую границу заполонило огромное число беженцев с узбекской стороны, и официальный Ташкент обвинил Кыргызстан в подготовке террористов. При этом возможность демократизации узбекского режима и потепление в отношениях двух стран остаётся маловероятным сценарием развития событий.

2) После вывода войск НАТО из Афганистана в сентябре 2014 года и последующего окончания аренды американской стороной базы в Кыргызстане (Центр транзитных перевозок «Манас») Россия может увеличить финансирование гидроэнергетических проектов Кыргызстана, и Узбекистан в долгосрочной перспективе испытает недостаток энергетических ресурсов.

3) Кыргызстан и Узбекистан наравне с другими государствами Центральной Азии пойдут на экономическое сотрудничество и создадут Центрально-Азиатский союз. Вероятность этого интеграционного объединения, которая обсуждается уже давно, маловероятна по причине того, что уровень развития и интересы стран региона совершенно различны. Влияние окажется и наличие жёстких авторитарных режимов в Узбекистане и Туркмении. По словам российского эксперта А. Большакова, «интеграция в Центральной Азии отсутствует, имеет место лишь кооперация и взаимодействие международных игроков»¹. Более того, действия официального Ташкента говорят не в пользу потенциального сближения. В 2008 году Узбекистан отказался подписать протокол об использовании водных ресурсов Нарын-Сырдарьинского бассейна, заключённый в Бишкеке, а также приостановил членство в ОДКБ. Осенью 2009 года Узбекистан заявил о выходе из Единой энергетической системы Центральной Азии. Тем не менее, Кыргызстан и Узбекистан давно состоят в таких интеграционных объединениях, как ЕВРАЗЭС и ШОС, так что полное прекращение экономического со-

---

¹ *Большаков А.* Многовекторность внешней политики Киргизии в контексте изменения конфликтности на постсоветском пространстве // Политэкс. 2010. № 2.

трудничества невозможно, а в появлении новых объединений не ощущается острой необходимости. Из всех глав региона лишь президент Казахстана Нурсултан Назарбаев выступал за создание Центрально-Азиатского союза¹.

4) Возможность вооружённого конфликта между двумя странами за обладание водными ресурсами². Вышеупомянутое заявление Ислама Каримова о возможности войны в Центральной Азии, сделанное им по телевидению, словно бы свидетельствует в пользу такого предположения. Тем не менее, этот сценарий маловероятен, так как обе страны имеют много взаимных обязательств, являются участниками интеграционных объединений и их внешняя политика подвергается в определённой степени контролю со стороны других государств, входящих в эти коалиции. Кроме того, наличие на территории Кыргызстана американской военной базы, а в перспективе – и российской (после окончания срока аренды США базы в Кыргызстане), предупреждает возможность агрессии извне.

5) В случае внутреннего конфликта в любой из этих стран другая страна может закрыть свои границы, что отрицательно отразится на торговых обменах между двумя странами, лишит многих людей заработка, подорвёт рынок труда, поставит под угрозу частное предпринимательство в рамках всего региона, что только увеличит бедность и нестабильность в регионе, объёмы нелегальных потоков и коррупцию, и криминализирует ситуацию. Дополнительную проблему представляют несовершенные законодательства обоих государств. На практике этот сценарий уже реализовывался в 2010 году, когда на следующий день после переворота в Кыргызстане Узбекистан в одностороннем порядке

---

¹ Узбекистан в международных объединениях на постсоветском пространстве 2013. <http://analitika.org/uzbekistan/uz-foreign-affairs/2605-uzbekistan-v-mezhdunarodnyh-obedineniyah-na-postsovetskom-prostranstve.html>

² Волгин В. Ферганский фитиль, или Информационный повод для будущей дестабилизации? // Аргументы и факты в Кыргызстане. <http://aif.kg/novosti/argumenty-i-fakty/605-ferganskiy-fitil-ili-informacionnyy-povod-dlya-budushey-destabilizacii.html>

закрыв границу. Граница было частично открыта для некоторых категорий граждан только в ноябре 2010 года¹.

б) Ввиду того, что в Кыргызстане живёт немало узбеков, а в Узбекистане – хоть и в меньшем количестве, также проживает большое количество людей кыргызской национальности (нужно помнить о наличии трёх узбекских анклавов на территории Кыргызстана, и семи кыргызских – на территории Узбекистана), этнические группы могут стать мишенью для провокаторов со стороны террористических организаций, стремящихся захватить власть в регионе и установить исламский халифат. Ошские события 2010 года показали, что недостаточное и несвоевременное проявление силы может раскалить обстановку и вызвать спланированный вооружённый конфликт, последствия которого будут серьёзными как для Кыргызстана и Узбекистана, так и для всего Центрально-Азиатского региона. Кроме того, другая опасность заключается и в возможности популистского метода примордиализма, часто применяемом политиками (под примордиализмом понимается акцент на этническую идентичность, призыв к «кровному родству» с целью быстрой мобилизации людей данной национальности против обозначенных по этническому признаку врагов). Утверждения о об этнической, лингвистической и религиозной (и кыргызы и узбеки – мусульмане-сунниты) общности должны работать на укрепление дружбы двух народов в перспективе помочь решить проблему делимитации границ².

В заключение, можно сделать вывод, что отношения Кыргызстана и Узбекистана проходят в атмосфере взаимного недоверия, политизации даже сугубо экономических вопросов – с одной стороны, и взаимной заинтересованности – с другой. Гири крупных держав позволят предсказать, на чью сторону качнётся чаша весов в будущем. Только взаимное стремление к сотрудничеству по-

---

¹ Приграничная торговля. Оценка пересечения границ между Кыргызстаном и Узбекистаном // Отчёт ОБСЕ и Центрально-Азиатского института свободного рынка. 2011.

² Мурзаканова А.А. Проблема кыргызско-узбекских границ: историческая ретроспектива и современная перспектива. http://www.rusnauka.com/13_EISN_2013/Politologia/2_136295.doc.htm

может избежать катаклизмов в межгосударственных отношениях в перспективе. Из всех центрально-азиатских стран Узбекистан является наиболее трудным партнёром для переговоров, поэтому работа над улучшением отношений с ним требует более углубленного экспертного анализа и практических усилий. В свою очередь, если положительный результат будет достигнут и отношения двух стран станут взаимовыгодными, это благоприятно отразится на общей ситуации в Центральной Азии, государства которой испытывают в настоящее время острую необходимость сплочения перед главными вызовами времени: терроризмом, наркотрафиком, экстремизмом и межэтническими конфликтами.

А. Мусуралиева
аспирант кафедры политологии КРСУ

КЫРГЫЗСКО-ТУРЕЦКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Кыргызско-турецкое сотрудничество насчитывает не одно десятилетие. С момента установления дипломатических отношений и по сегодняшний день оно характеризуется повышенной динамикой развития. Необходимо отметить, что именно Турция первой признала независимость Кыргызстана в 1991 году. С этого момента не прерываются плодотворные контакты на высшем уровне, было подписано более 100 соглашений и протоколов о сотрудничестве, так как наличие договорно-правовой базы является необходимым условием успешно и планомерно развивающихся отношений на двусторонней и на многосторонней основах. основополагающими документами, на которых базируются взаимоотношения Кыргызстана и Турции, являются Договор о вечной дружбе и сотрудничестве от 1997 года, Совместное заявление глав государств «Кыргызстан и Турция: вместе в XXI век» от 1999 года и Совместная юбилейная декларация о новом историческом этапе отношений между Кыргызстаном и Турцией от 2012 года.

Двусторонние торгово-экономические отношения развиваются и имеют устойчивую тенденцию к расширению. Для развития сотрудничества в сфере экономики 29 мая 1991 года был подписан Протокол о Торгово-экономическом сотрудничестве, который предусматривал предоставление друг другу режима наибольшего благоприятствования в отношении таможенных пошлин и других расходов, связанных с импортом и экспортом товаров.

От Турции поступают прямые инвестиции в различные секторы экономики Кыргызстана. По данным НСК КР, их общий объем за

1995–2010 годы составил более 261 млн долларов США, учитывая тот факт, что официальные данные о прямых инвестициях не включают другие турецкие государственные инвестиции, объём которых достигает немалых размеров, особенно в сфере образования¹. Премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган во время визита в апреле 2013 года отметил, что турецкие бизнесмены изъявили желание инвестировать в различные отрасли Кыргызстана, в частности, в строительство гидроэлектростанций и создание международного хаба. У Турции есть опыт создания хабов на территории аэропортов, и, поскольку Кыргызстан планирует его создание в аэропорту Манас после вывода Центра транзитных перевозок, Турция готова поделиться опытом. Также, по мнению Эрдогана, необходимо увеличить ежегодный товарооборот между Кыргызстаном и Турцией. «Мы должны воспользоваться потенциалом, есть возможность решить двусторонние проблемы в сфере экономики. В 2011–2012 годах в бизнесе были достигнуты большие успехи, сделаны многомиллионные инвестиции. Мы намерены увеличить товарооборот между нашими странами до 1 млрд долларов. Надеюсь, наши предприниматели смогут это сделать»², – заявил глава правительства Турции. В Кыргызской Республике работает большое число турецких компаний, и направление их деятельности не ограничивается торговлей и строительным сектором. Турецкие фирмы в Кыргызстане осуществляют деятельность в разных сферах, таких, как строительство, магазины по продаже текстильной продукции, производство мучных изделий и др. По количеству предприятий Турция занимает четвёртое место после России, Казахстана и Китая³. Кроме торговли большую значимость в экономических отношениях имеют турецкие государственные кредиты и гранты. Следует отметить, что Турция списала Кыргызстану долг в 50 млн долларов.

---

¹ *Карымшаков К.* Роль и восприятие Турции в Центральной Азии: факты из экономики Кыргызстана. Бишкек, 2012. С. 19.

² Внешнеторговый оборот Кыргызстан и Турция могут довести до \$1 млрд. <http://www.kyrtag.kg/?q=ru/news/41082>

³ *Богатырев В.* Политические аспекты кыргызско-турецких отношений. Роль и восприятие Турции в Кыргызстане. Бишкек, 2012. С. 25.

В структуре экспорта Кыргызстана в Турцию значительную долю составляют сельскохозяйственные товары. В импорте из Турции основная часть принадлежит готовой продукции, в Кыргызстане большим спросом пользуется турецкая одежда, Турция поставляет машинное оборудование, супермаркеты, открытые турецкими предпринимателями, являются одними из популярных мест для шопинга в Бишкеке. Но необходимо отметить, что сальдо торгового баланса КР с Турцией сложилось отрицательное. Кыргызстан более чем в два раза больше импортирует из Турции, чем экспортирует.

Укрепляются связи и в области банковского дела. Демир Банк является первым международным банком в Кыргызстане со стопроцентным иностранным капиталом. Он был создан в 1997 году. За это время банк зарекомендовал себя как один из успешнейших проектов в Кыргызстане с участием международных инвестиций. Основному акционеру и Председателю Совета Директоров Демир Банка Халиту Джингыллыоглу в 2004 году указом Президента Кыргызской Республики была вручена Почетная Грамота «за значительные заслуги в углублении кыргызско-турецкого экономического сотрудничества и укреплении дружбы между двумя народами»¹.

Также необходимо упомянуть о деятельности Турецкого агентства по международному сотрудничеству (ТИКА). Бишкекский координационный офис программ ТИКА, открытый в Кыргызстане в сентябре 1993 года, является одним из первых офисов Управления ТИКА за границей, осуществляет проекты и программы сотрудничества в сфере экономики, торговли, техники, образования и в социальной сфере². По количеству реализованных совместно с ТИКА проектов на всем евроазиатском пространстве Кыргызская Республика занимает второе место³.

---

¹ <http://www.demirbank.kg/ru/stockholder-structure.html>

² Турецкое управление по сотрудничеству и развитию при аппарате премьер-министра республики. <http://www.donors.kg/ru/donors/tica2>

³ Дипломатическим отношениям Кыргызстана и Турции 20 лет. <http://kabar.kg/rus/analytics/full/18990>

Расширяется военно-техническое сотрудничество наших стран. Следует отметить, что в период вторжения международных террористических бандформирований в южные области республики одной из первых стран, оказавших помощь, была Турция. Ежегодно она предоставляет Кыргызстану гранты, которые направляются на реорганизацию Вооруженных Сил, оказывает военно-техническую помощь в укреплении оборонной сферы, в подготовке военных кадров. Многие военнослужащие нашей страны получают образование в престижных вузах Турции, таких как Военная Академия, Общевоинское военное училище, Военный Лицей и Школа Жандармерии. Следует отметить, что вхождение Турции в НАТО в 1951 году дало мощный толчок процессу активного военного строительства и перевооружения турецкой армии. На сегодняшний день Турция занимает по военной мощи шестое место в мире и третье – в НАТО. Турецкая армия отличается высокой боевой и мобилизационной готовностью, мощной ударной, огневой силой, тактической и стратегической мобильностью, высокимуравнем боевой подготовки и оснащения формирований.

Успешное развитие получило кыргызско-турецкое сотрудничество в культурно-гуманитарной области. Турция внесла большой вклад в развитие сферы образования. Шестого мая 2008 года в целях улучшения дружбы и образования был подписан Меморандум о взаимопонимании в сферах образования и науки между Министерством народного образования Турецкой Республики и Министерством образования и науки КР. В Кыргызстане действуют Кыргызско-турецкий университет «Манас», частный университет «Ала-Тоо», сеть лицеев «Себат». Университет «Манас» начал свою деятельность в 1997–1998 учебном году. Миссией университета является обеспечение совместного обучения, развитие идеологии и сотрудничества между кыргызской и турецкой молодежью, а также молодежью других тюркских народностей. Сейчас Кыргызстан выделяет 28,8 млн сомов в бюджет университета, что составляет лишь 5 % от общего бюджета университета, остальные 95 % финансирует Турция. На пленарном заседании Жогорку Кенеша в апреле 2013 года министр образования и нау-

ки Канат Садыков сообщил, что страны намерены финансировать университет в равных пропорциях¹. Продолжается обучение на безвозмездной основе студентов и аспирантов Кыргызской Республики в высших учебных заведениях самой Турции. За годы сотрудничества, в соответствии с Межправительственным соглашением по обмену студентами и специалистами, турецкой стороной выделено более 3500 мест для обучения кыргызстанских юношей и девушек в ведущих университетах Турции². Двусторонние связи в области культуры также являются богатыми по своему содержанию. Празднование 1000-летия героического эпоса «Манас», которое широко отмечалось на территории обеих стран под знаком гордости за бесценный вклад тюркского мира в цивилизацию человечества, явилось образцом дружеских отношений и братской солидарности между странами³. Отношения Кыргызстана и Турции закрепились и в рамках организаций ТЮРКСОЙ, проводимых Саммитов тюркоязычных государств. Они являются весьма действенными механизмами культурно-гуманитарного и научно-образовательного сотрудничества и способствуют более тесной интеграции. Наиболее активная работа идет в рамках Совета сотрудничества тюркоязычных стран – международной организации, включающей Кыргызстан, Турцию, Азербайджан и Казахстан. В августе 2012 года Саммит состоялся в Бишкеке. На подобных саммитах обсуждаются актуальные вопросы сотрудничества на международном и региональном уровнях, укрепление торгово-экономических и культурно-гуманитарных связей тюркоязычных государств.

Необходимо подчеркнуть, что в 2011 году был создан Высший совет по стратегическому сотрудничеству между Кыргызстаном и Турцией. Совет определяет стратегию отношений обеих

¹ Кыргызстан и Турция намерены поровну финансировать университет «Манас». http://www.knews.kg/parlament_chro/30329_kyrgyzstan_i_turtsiya_namerenyi_porovnu_finansirovat_universitet_manas/

² Богатырев В. Политические аспекты кыргызско-турецких отношений. Роль и восприятие Турции в Кыргызстане. Бишкек, 2012. С. 29.

³ Двусторонние отношения Кыргызстана и Турции. http://www.kyrgyzembassy.org.tr/html/iliskiler_ru.htm

стран в политической, военной, экономической, торговой, энергетической, транспортной, сельскохозяйственной, туристической, культурной, научной и гуманитарной сферах, а также в области безопасности и здравоохранения.

На сегодняшний день Турция претендует на статус лидера в исламском мире. Это крупная страна, занимающая важное геополитическое положение в весьма обширном регионе. С середины 80-х годов республика переживает период бурного экономического роста, так называемый феномен «турецкого чуда», который сопровождается усилением ее влияния в регионе, возрастанием значения страны в международных экономических и политических отношениях¹. Но лет десять-пятнадцать назад экономическая и политическая ситуация в Турции была схожа с ситуацией в нашей стране. По этой причине для Кыргызстана важно перенять опыт Турецкой республики по борьбе с коррупцией, терроризмом, религиозным экстремизмом. Также важен опыт решения проблемы взаимоотношения светскости и ислама, так как конструктивные отношения между религиозными общинами и светской властью являются важной предпосылкой для сохранения национального согласия и препятствуют росту религиозного радикализма. Следует отметить, что Республика Турция является одной из немногих мусульманских стран, в которой ислам отделен от государства. Страна, расположенная в центре исламского мира, имеет особенность сочетания ислама и демократии. Турецкая модель построения светского государства в мусульманском обществе отличается гибкостью, обеспечивает стабильное развитие и устойчивый экономический рост. В Кыргызской Республике государственная политика в области религии не разрабатывалась. Равнодушие руководства страны и официальных мусульманских лидеров к судьбе государства привело не только к политическому кризису, но и к кризису «духовной власти». Организация хаджа при прежних режимах стала источником коррупции, не было конструктивных взаимоотношений между светской властью и религиозными общинами.

---

¹ *Сыдыралиева Р.* Дорогу осилит идущий или Турция – как лидер исламского мира. <http://www.easttime.ru/analytics/turtsiya/dorogu-osilit-idushchii-ili-turtsiya-kak-lider-islamskogo-mira>

Кыргызстану необходимо налаживать продуктивное сотрудничество во сфере сельского хозяйства, не ограничиваться экспортом в Турцию фасоли из Таласской области, а открывать совместные предприятия по переработке сельскохозяйственных культур, создавать предприятия по переработке кожи и изготовлению изделий из кож. сырья с перспективой экспорта изделий за границу. Турецкие предприятия в экономике Кыргызстана создают немалое количество рабочих мест.

Требуется активизация сотрудничества в сфере туризма наряду с другими отраслями. Для Кыргызстана будет полезен опыт Турции в развитии туристического сектора – миллионы туристов, посещающих Турцию за год, приносят десятки миллиардов долларов США в экономику республики. Сотрудничество в этой сфере поднимет уровень туристической индустрии Кыргызстана, привлечет дополнительные средства в бюджет нашей страны, создаст новые рабочие места и даст толчок развитию торговли и сферы услуг.

Турецкая республика, превратившаяся за последние два десятка лет в одну из развитых экономик мира, может стать для Кыргызстана одним из примеров успешного развития. Для обеспечения притока инвестиций в страну правительство Турции приняло комплекс мер. Иностранцам были представлены всевозможные налоговые льготы, была усилена борьба с теневой экономикой и неуплатой налогов. Все это заметно восполнило дефицит бюджета страны, в республике замечен экономический подъем, показатели экономического роста свидетельствуют о динамизме экономики и достижении непрерывности промышленного производства. Турция добилась значительных успехов в проведении рыночных и демократических преобразований, укрепила свой международный авторитет. Сотрудничество с Турцией будет способствовать дальнейшему вовлечению Кыргызской Республики в мировую экономику, тем более, что их связывают не только экономические, но и глубокие культурно-исторические отношения.

В целях расширения и укрепления кыргызско-турецкого сотрудничества, для привлечения иностранных инвестиций, особую важность для Кыргызстана имеет борьба с коррупцией и оптимизация бюрократических процедур. Необходимо рационально

использовать иностранный капитал, значительную часть его направить на расширение производственных мощностей совместных кыргызско-турецких компаний. Для реализации совместных планов, а также для привлечения инвестиций, по мнению Р. Эрдогана, стране, в первую очередь, необходима стабильность. «До тех пор, пока в Кыргызстане не будет стабильности, инвестиции не придут в страну. Международные инвесторы должны чувствовать себя комфортно и в безопасности для вложения своих денег в Кыргызстан, также им нужно обеспечить равные права и возможности согласно законодательству страны», – сказал премьер-министр Турции¹. В решении проблемы повышения привлекательности страны для потенциальных вкладчиков капитала важно искать новые подходы. Предоставить турецким инвесторам специальные льготы: беспрошленный перевод прибылей, гарантии капиталовложений, освобождение от налога на процент по банковским вкладам для иностранных подданных, временно проживающих в стране.

Учитывая, что Турция имеет большой опыт борьбы с терроризмом и религиозным экстремизмом, важно усилить взаимодействие и тесное сотрудничество в военной сфере. Достижения в сфере образования, торговли, культуры, а также в других сферах должны развиваться и укрепляться.

По мнению многих кыргызстанцев, сотрудничество с Турцией даст толчок дальнейшему развитию кыргызской экономики и будет способствовать росту уровня жизни народа.

Несмотря на это, определенная часть населения Кыргызской Республики пессимистически относится к сотрудничеству с Турцией. Существует мнение, что в турецких лицеях Кыргызстана проводится воспитание учеников на свой лад, прослеживается распространение идей пантюркизма, возможен отток некоторой части обучающейся молодежи из страны и интеллектуальная миграция из Кыргызстана в Турцию и в западные страны. В университетах и лицеях, где с каждым днем растет популярность изучения турецкого языка, бы-

---

¹ Кыргызстан и Турция: Новый этап сотрудничества. <http://pda.kabar.kg/kabar/full/53143?all>.

стрыми темпами в сознание молодежи внедряют новое религиозно-экстремистское учение из Турции – «Нурджулер»¹. По мнению Б. Какчекеева, Турция «ведет борьбу за умы и сердца кыргызстанцев, прививает свои ценности, нормы морали, словом, постепенно ассимилирует местное население. В первую очередь ставка делается на молодежь»². Вместе с тем, за 20 лет тесного сотрудничества с Турецкой республикой (а это немалый срок) отрицательного идеологического воздействия на молодежь нашей страны со стороны Турции не прослеживалось, при том, что в нашей стране отсутствует четкая идеология. Следует отметить, что условия обучения в Кыргызстане требуют желать лучшего. Турецкие же учебные заведения имеют благоустроенные корпуса, библиотеки, оснащенные необходимой литературой.

Важно отметить, что с приходом к власти Алмазбека Атамбаева произошла некоторая активизация кыргызско-турецких отношений. Это обусловлено наличием у него собственного бизнеса и активов в Турецкой Республике, хорошими отношениями с турецкими руководителями и его личными связями в Турции³. Усиление влияния Анкары в Центрально-Азиатском регионе, возможно, вызовет определенную озабоченность основных игроков – России и Китая, что может отрицательно сказаться на отношениях Кыргызстана с ними. Турция не может этого не знать, и не будет нарушать правила игры.

На сегодняшний день Кыргызстан имеет имидж самого демократичного государства в Центральной Азии. Но пришло время поднимать экономику. Для этого необходимо иметь крепкие связи с другими государствами и перенимать опыт стран, которые демонстрируют быстрые темпы экономического роста. Одной из этих стран является Турция.

---

¹ *Картанбаев Т.* В Кыргызстане экстремистов выращивают на государственные средства. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1367338260>

² *Какчекеев Б.* Неравный брак. Кыргызско-турецкие отношения наминают... <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1355469840>

³ *Богатырев В.* Политические аспекты кыргызско-турецких отношений. Роль и восприятие Турции в Кыргызстане. Бишкек, 2012. С. 32.

Н. Мураталиева
кандидат политических наук,
ученый секретарь ИСАП КРСУ

ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ОСНОВАНИЕ ИНТЕГРАЦИИ ОДКБ

Гуманитарное сотрудничество – одно из центральных направлений в современной системе международных отношений, имеющее целью содействие развитию способностей людей всех стран, регионов и континентов. На наш взгляд, главная функция гуманитарного сотрудничества – это создание атмосферы взаимопонимания между союзническими государствами, между народами, их населяющими, взаимодействие в области развития человеческого потенциала.

Следует также отметить, что гуманитарное сотрудничество в ОДКБ является одним из самых перспективных и эффективных направлений взаимодействия. Более того, именно эта составляющая является мостом, который может объединить все страны организации. Так, в военно-политическом направлении ОДКБ в основном проводятся совместные войсковые и специальные учения, помощь в военно-техническом оснащении. Что касается сотрудничества в экономической сфере, то здесь пальма первенства отдается Таможенному союзу и ЕЭП. В гуманитарной же сфере нет никаких препон для студенческого, научно-технического, культурного обмена, оказания гуманитарной помощи, развития здравоохранения и многого другого. На наш взгляд, усиление гуманитарного сотрудничества в виде соблюдения поликультурности, уважения и сохранения многообразия цивилизаций в мире, а также многовариантности путей развития разных стран будет во многом отличать данное объединение от западных, особенно от американских интеграционных проектов.

Следует отметить, что именно гуманитарное сотрудничество обладает свойством, позволяющим цементировать другие виды кооперации.

Члены ОДКБ порой дают разные оценки внешнеполитическим событиям, что показывает отсутствие единой ориентации в международных вопросах, а это обстоятельство значительно затрудняет процессы консолидации структуры. Также следует отметить наличие культурных различий народов, составляющих организацию. Ещё более важную роль в дистанцировании государств играют стереотипы большинства населения стран-членов относительно друг друга. В средствах массовой информации порой встречаются публикации в духе того, что лидер ОДКБ – Россия пытается навязать свою волю как «старший брат». Генеральный секретарь Н. Бордюжа отметил, что некоторые «друзья» ОДКБ воспринимают организацию в качестве жандарма, который будет обеспечивать влияние России¹. Именно для «снятия» таких стереотипов, укрепления взаимодействия в других сферах, совместного прогресса всех государств ОДКБ существует необходимость активного продвижения гуманитарного сотрудничества.

Над любой коалицией либо союзом будет всегда нависать угроза распада, если она будет основываться лишь на военном сотрудничестве или экономической кооперации. Сегодня единая Европа объединяется на фундаменте не только экономической интеграции и политической воли, но и на основе культурной схожести. Только благодаря ломке стереотипов в отношении вчерашних врагов (немцы – французы, немцы – поляки, итальянцы – словенцы и т.д.) удалось объединить разные по политическому строю и экономическому порядку государства. То же самое можно сказать и в отношении формирующихся союзов в Южной Америке, фундаментом которых наравне с экономическим ростом и политической солидарностью служит культурная близость.

Если рассмотреть такой союз-долгожитель, как НАТО, позиционирующий себя исключительно в качестве военно-поли-

---

¹ Интервью И. Панарина с генеральным секретарем ОДКБ Н. Бордюжа от 28 марта 2013 года.

тического блока государств, то и здесь мы увидим присутствие культурно-гуманитарной составляющей. Так, главенствующие в альянсе США на основе двусторонних отношений активно продвигают своё присутствие в сферах культуры и образования, здравоохранения и науки, техники и медицины. Поэтому данный союз сумел просуществовать более шестидесяти лет, несмотря на все политические разногласия. В ОДКБ гуманитарное сотрудничество осуществляется через культурное присутствие соотечественников, российские и пророссийские СМИ, помощь в обеспечении учебниками русскоязычных школ и пр.

Успех взаимодействия в сферах гуманитарного развития и экономической кооперации зависит от того, насколько объединение перерастает из конъюнктурного образования в действительно крепкую организацию с прочной основой.

Как отметил генеральный секретарь организации Н. Бордюжа, «сегодня военная деятельность, наращивание мускулов – не главное. Главнее совместно бороться с кибератаками или с противoinформационными атаками, которые периодически осуществляются в нашем государстве. Главнее координировать внешнеполитическую деятельность, в том числе по защите наших национальных интересов на международных площадках».

Таким образом, теперь уже понятно, что существующая организация не является сугубо военно-политическим блоком государств, а нацелена на широкий спектр задач и долгосрочное сотрудничество.

Исследование опыта развития международных организаций показывает, что обычно хорошо работают международные организации, имеющие общий культурный фон – ЕС, НАФТА. По мнению известного американского учёного С. Хантингтона, культурная идентичность играет весьма важную роль в международных отношениях, она является основой конденсирования человеческого общества, иными словами, культура исполняет роль «моста», через который разные народы могут легко понять друг друга. Мировой опыт показывает, что в странах, имеющих сходную цивилизацию, облегчается взаимное доверие в области политического и экономического сотрудничества.

В настоящее время в ЦА идет борьба за влияние в культурном пространстве. Открываются всевозможные центры по изучению различных языков мира – английского, немецкого, японского. Китайский приобретает в последнее время все большую популярность, многие студенты уезжают в Китай на учебу, оценивая перспективы дальнейшего трудоустройства. В Кыргызстане большое количество грантов и программ по обмену студентами выманивает перспективных и высококвалифицированных специалистов.

Россия со своей богатой и более близкой культурой народам ЦА была и остается центром притяжения как культурного, так и цивилизационного характера. Весьма показательные данные были получены в ходе исследования по заказу Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития в мае–апреле 2012 года, когда было опрошено около 13 тыс. человек (от 950 до 2000 в каждой стране) в десяти странах СНГ, включая и Грузию. Так, в Кыргызстане на вопрос о желаемой стране для получения образования, Россию выбрали всего 35 % респондентов, в Таджикистане – 36 %, в Казахстане – 30 %, а в Узбекистане – всего 17 %. Подробные результаты исследования говорят о том, что постсоветское пространство, в частности – Россия, постепенно, но верно теряет привлекательность в качестве обобщенного места получения образования.

Поэтому очень важно, чтобы Россия не потеряла эту нишу, ведь во многом успех интеграционных процессов зависит и от крепких культурных связей, которые цементируют политическое и экономическое взаимодействие, переводя их на новый уровень. Вот почему так важно развивать русский язык и способствовать его распространению. В силу этого полагаем, что закон, в соответствии с которым трудовые мигранты с 2013 года должны сдавать экзамен на знание русского языка, может привести не к усилению аттрактивности изучения, а к усилению коррупционных схем, по которым возможно будет формально обойти этот закон. Для начала необходимо было создать условия инфраструктурного характера для нормального функционирования этого закона, например, организацию системы обучения иностранных работников, и только

потом решить вопрос о его реализации. Тем более, что многие эксперты отводят Центральной Азии роль «лаборатории евразийской интеграции». А Россия, по справедливому замечанию Президента Центра перспективных исследований С.И. Масаулова, является местом, где рождается инновационность.

Возможно, более эффективным в этой ситуации был бы метод не «кнута», а «пряника», нужно создавать дополнительные условия для распространения могучего русского языка (например, бесплатные курсы), тем более, что в центральноазиатских странах, особенно в регионах, есть реальная потребность в его изучении. Ведь естественно, что молодежь, получившая образование в той же Англии или США, вряд ли будет позитивно рассматривать участие в организациях под эгидой России как центра притяжения.

Жизненно важным является сохранить за Россией центр образования и обучения молодых кадров, что будет лишь способствовать более успешному функционированию ОДКБ.

В деле укрепления гуманитарного сотрудничества большие надежды возлагаются на решение о создании Аналитической ассоциации, принятое в этом году. Эта структура позволит получать аналитику и оценки не только собственных экспертов, но и специалистов других исследовательских центров, независимый взгляд которых дополнит государственные позиции по тем или иным вопросам, а деятельность ОДКБ – новым взглядом на возможные просторы сотрудничества, в том числе и в рамках культурно-гуманитарного взаимодействия.

И все же, гуманитарное сотрудничество стран-участниц ОДКБ реализуется не в полной мере, что говорит о необходимости укрепления диалога цивилизаций и культурного взаимодействия в рамках данной структуры, тем более, что его потенциал очень велик.

Т.Б. Омуралиев
соискатель КРСУ

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КЫРГЫЗСТАНА

Как известно, феномен национальной безопасности представляет собой довольно сложную и многогранную систему, состоящую из множества взаимозависимых и взаимодополняющих элементов. Соответственно дело обеспечения и поддержания национальной безопасности на должном уровне требует вложения колоссальных ресурсов и усилий со стороны государства на постоянной основе.

В основу рассматриваемой проблемы, по нашему мнению, следует положить тезис о том, что вопросы национальной безопасности Кыргызстана, а также военного строительства, нельзя рассматривать в отрыве от общих проблем развития государственности и совершенствования, в частности, её политических институтов.

Оптимизация политических механизмов, определяющих как внутреннюю, так и внешнюю политику страны в данном аспекте, предполагает поиск, выбор и реализацию наилучшего варианта из множества возможных в процессе принятия решений. Кыргызстан, по мнению аналитиков и экспертов, относится к числу стран, для которых внешняя политика во многом зависит и определяется внутренними проблемами страны¹. Это, прежде всего, касается

---

¹ *Богатырёв В.* Экономический кризис будет диктовать внешнюю политику Кыргызстана. http://www.region.kg/index.php?option=com_content=142:2011-03-14-13-08.

проблем национальной безопасности и военного строительства, которые немыслимы без учёта их политической сущности и содержания. Именно политические механизмы государства играют решающую роль в определении задач обеспечения национальной безопасности, выработке принципов военного строительства, поддержания на высоком уровне его обороноспособности¹.

Оптимизация политических механизмов особенно актуальна для Кыргызстана, поскольку именно они должны сыграть решающую роль в достижении цели, обозначенной А. Атамбаевым: «К 2017 году Кыргызстан должен состояться как динамично развивающееся государство»². Конкретные пути достижения этой амбициозной для Кыргызстана цели изложены в Стратегии устойчивого развития страны на период 2013–2017 годов. В частности, в ней ставится задача формирования работоспособной системы государственного управления, обновления и модернизации политических механизмов страны.

Политические механизмы Кыргызстана должны сыграть решающую роль в формировании комплексной системы национальной безопасности страны. Именно на них возложена ответственная роль по реализации задач, обозначенных в Стратегии устойчивого развития Кыргызстана³.

Помимо решения внутренних задач, направленных на укрепление национальной безопасности страны, политические механизмы играют важную внешнеполитическую роль в её обеспечении невоенными методами и средствами. Они, учитывая состояние вооружённых сил Кыргызстана и их неспособность защитить территориальную целостность и суверенитет государства, занимают приоритетное место в системе обеспечения национальной безопасности страны. В Концепции внешней политики Кыр-

---

¹ Место и роль военно-политических проблем в жизни общества и армии. <http://www.libsib.ru/politologiya/voennaya-politologiya>

² *Пакстон Р., Демкин Д.* Киргизия оценила своё восстановление в 7 млрд долларов. <http://www.centrasia.ru/newsA/php?st=1354983960>

³ Стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на 2013–2017 годы. <http://www.gov.kg>

гызской Республики по этому поводу говорится: «Национальная безопасность Кыргызской Республики обеспечивается не только силовыми ведомствами. Важнейшей задачей в современных условиях, когда стоит необходимость совместного противостояния возникающим глобальным вызовам, является активное использование дипломатических усилий по обеспечению безопасности Кыргызской Республики»¹.

В качестве примера сравнительно успешного использования внешнеполитических средств в деле укрепления суверенитета и территориальной целостности страны можно привести соглашения, достигнутые в ходе официального визита президента России В. Путина в Кыргызстан в 2012 году. Комментируя содержание Соглашения между Кыргызстаном и Россией по объединённой российской военной базе, президент Кыргызстана А. Атамбаев сказал: «Добавляется пункт, благодаря которому в случае какой-либо агрессии на Кыргызстан, атаки какого-либо государства или террористов Россия будет нашу страну защищать»².

На наш взгляд, оптимизацию политических механизмов следует начать с самого аппарата государственного управления, который должен превратиться в подлинного проводника преобразований в обществе, отвечающего запросам современного этапа реформ в создании модернизированного общества³. Тем более, учитывая, что заявленная государственной властью военная реформа не была доведена до логического завершения. К сожалению, не только военная, но и другие реформы в различных сферах общественной жизни остаются лишь официальными декларациями.

Учитывая быстро меняющиеся условия обеспечения безопасности, использование и оптимизация политических механизмов становятся необходимой задачей любого современного госу-

---

¹ Концепция внешней политики КР. http://www.mfa.kg/acts/konceptsiya-vneshnei-politiki-kr_ru.html

² Мы защитили интересы Кыргызстана. Из интервью Атамбаева 2 октября 2012. <http://www.parus.kg/info/2012/1002/69465>.

³ *Омаров Н.М.* Гуманитарные аспекты безопасности Кыргызской Республики в XXI веке: вызовы и ответы. Бишкек, 2001. С. 96.

дарства. В связи с этим представим наше видение этого процесса в виде следующих рекомендаций.

Разработка государственной стратегии экономического развития страны и областей Кыргызской Республики, структурная реорганизация экономики, повышение профессионализма государственных служащих, ответственных за развитие экономического блока в сфере стратегического управления имеет прямую связь с поддержанием национальной безопасности. За счет экономического роста национальная безопасность может быть обеспечена путем повышения производительности труда, модернизации первостепенных секторов национальной экономики, освоения новых ресурсных источников. Развитие инфраструктуры регионов, развитие отдельных отраслей экономики будут способствовать обеспечению стабильного роста национальной экономики, так как состояние национальной безопасности зависит напрямую от экономического потенциала страны.

В целях совершенствования и обеспечения национальной безопасности руководству Кыргызстана следует прикладывать особые усилия в сфере информационно-аналитической работы. Этот блок может подразумевать создание исследовательского института по изучению проблем развития военно-политической и оборонной сфер в Кыргызстане и Центральноазиатском регионе. Здесь уместным было бы предложение сделать Совет безопасности Кыргызской Республики структурой, способной и предназначенной для выработки стратегических решений, разработки важнейших стратегических документов, имеющей право и средства осуществлять широкие исследования в любой сфере национальной безопасности страны.

Так, для организации общественного противостояния информационно-идеологическим и психическим технологиям и для консолидации нации руководству страны следует проводить научно и методически проработанную пропагандистскую работу посредством привлечения и подготовки профессиональных сотрудников в данной сфере. Информационно-пропагандистская работа предполагает целенаправленную деятельность по идеологическому и информацион-

ному продвижению инициатив государства и формированию определенных морально-психологических качеств у населения в целях обеспечения национальной безопасности.

Подобные шаги включают в себя меры по созданию нового специализированного органа исполнительной власти, который взял бы на себя функции по наблюдению за деятельностью СМИ, а также осуществлял контроль за всей информационно-идеологической работой, проводимой в государстве. Аналогичные учреждения существуют во многих развитых и развивающихся странах. Эти меры позволят контролировать и пресекать распространение информации, влияющей деструктивным образом на национальную безопасность страны¹.

Еще одной рекомендацией является целенаправленное разоблачение и дезавуирование антикыргызстанских информационно-идеологических операций, имеющих своей целью и подорвать стабильность в стране посредством намеренного акцента на неудачах и исторических ошибках, развлечениях взамен конструктивно-созидательных акцентов на труд, здоровый образ жизни, направляем самым Кыргызстан в сторону утраты чувства национального достоинства.

В данном контексте имеет значение понятие информационной безопасности. Информационная сфера является основополагающим фактором жизни современного общества, а также оказывает большое воздействие на состояние оборонной, экономической, политической и других составляющих безопасности Кыргызстана. А, следовательно, национальная безопасность КР напрямую зависит от обеспечения безопасности в информационной сфере, и данная зависимость будет расти по мере развития технического прогресса. Так, в Кыргызстане в дальнейшем следует разработать и проводить согласованную политику в сфере информационной безопасности, куда можно включить меры по консолидации общества вокруг национально-патриотических идей с использованием информационно-идеологических технологий.

---

¹ *Хабibuлин А.Г.* Стратегическая безопасность Российского государства. М., 2011. С. 271.

Следует проводить целенаправленную пропаганду общенациональных ценностей через СМИ, организацию общественных мероприятий и праздников. На этом поприще крайне важно показать личный пример высшим должностным лицам, чиновникам всех рангов. Им следует публично выступать с патриотическими идеями и воззваниями, проводить благотворительные акции для неимущих и социальноуязвимых слоёв общества, оказывать им поддержку, быть среди тех, кто не приемлет коррупцию и борется с этим социальным злом.

Формирование системы эффективного взаимодействия органов государственной власти и управления, включая правоохранительные органы и специальные службы, и добропорядочных отечественных хозяйствующих субъектов с целью повышения их конкурентоспособности является также важной задачей для укрепления национальной безопасности.

Самое важное препятствие на пути налаживания эффективно взаимодействия между государственными структурами и общественными организациями – бюрократическая закрытость первых¹. Сами сотрудники госструктур, даже если они хотят идти на контакт с НПО и другими структурами, часто связаны необходимостью постоянного согласования своих действий с руководством. Кроме этого, у чиновников часто отсутствует патриотический или иной стимул для сотрудничества с общественными организациями, предоставления информации. Всё это обуславливает низкий уровень их взаимодействия с социумом. НПО же нередко предпочитают действовать с позиции требований, а нередко и угроз публичного освещения в СМИ качества работы госорганов. Это также отрицательно сказывается на взаимодействии общества и государства.

Для налаживания диалога требуется, во-первых, проведение различных круглых столов и конференций, участие НПО и частных гражданских групп в обсуждении предлагаемых планов

---

¹ Керимбекова А.К. Проблемы безопасности Кыргызстана и роль политической элиты в ее обеспечении // Проблемы национальной безопасности Кыргызстана. Бишкек: Ин-т социально-политических технологий, 2006.

со стороны госструктур. Во-вторых, обязателен контроль общественных организаций за процессом реализации принятых решений. В случае значительных отклонений от первоначальных планов, НПО вправе обратиться как к вышестоящему руководству, так и в надзорные органы.

Со своей стороны, госорганы должны проявить стремление к максимальной прозрачности, учредив при своём министерстве или ведомстве Общественные наблюдательные советы, которые будут иметь доступ практически к любой информации, за исключением той, которая составляет государственную тайну. Соответственно, в ОНС должны подбираться кадры, максимально сведущие в данной области, но при этом не связанные с руководством наблюдаемого госоргана. Данная практика уже активно внедряется в Кыргызстане.

Помимо НПО, существующих на средства иностранных доноров, в республике также должны появиться и местные неправительственные организации, которые будут обеспечиваться бизнесменами и общественными фондами самой республики. Это позволит сформировать ответственный слой «общественников», которые не будут направляться в своей деятельности иностранными организациями, а станут реализовывать программы и стратегии, сформулированные правительством и президентом, исходить не из частных интересов, а из государственно-патриотических, не будут участвовать в политических процессах в качестве одной из сторон.

Отдельным блоком стоит правовая и процедурно-регламентационная нейтрализация возможных механизмов иностранного воздействия на принятие государственных законотворческих и управленческих решений, уменьшение коррупционного, узкокорпоративного и криминогенного влияния на принятие законотворческих решений. Осуществление подобных мер в условиях Кыргызстана необходимо, так как оказание влияния на законотворческий процесс отдельных групп и иностранных лобби являются инструментом реализации интересов отдельных государств и действуют в ущерб национальной безопасности Кыргызстана. Так, в Кыргызской Республике существуют американское, российское и китайское лобби, которые пытаются оказать влияние на принятие таких государственноважных реше-

ний, как размещение военных баз на территории КР. Отсутствие правового механизма регулирования лоббизма может привести к тому, что те или иные кланы и группировки смогут осуществлять свои сугубо корпоративные интересы путем воздействия на законодательную деятельность.

Перспективы развития системы обеспечения национальной безопасности в КР напрямую связаны с необходимостью совершенствования существующей в сфере национальной безопасности системы правового регулирования, совершенствованием ее функционирования. Это будет способствовать эффективному решению задач в рассматриваемой сфере.

Необходимо сформировать сильные государственные позиции, экономические и политические факторы на территории страны как основы национальной безопасности. Для реализации вышеперечисленных предложений необходимо создание и оформление научной и научно-информационной инфраструктуры.

Укрепление политической стабильности всецело зависит от руководства республики, которое обязано, соблюдая взятые на себя условия по сохранению и развитию демократии и соблюдению прав граждан, всё же вести достаточно жёсткую в отношении некоторых радикальных групп политику. Политическая стабильность и соблюдение законов являются главными неэкономическими факторами успешного поддержания национальной безопасности.

В заключение хотелось бы резюмировать, что государственной власти необходимо начать процесс переосмысления и создания нового концептуального видения собственной национальной безопасности, для чего следует выработать национальную стратегию и Военную доктрину, которые, исходя из стратегического положения Кыргызстана, определят ей нейтралитет и наиболее оптимальное положение между геополитическими центрами. Необходимо в корне менять не только устоявшиеся взгляды и подходы к проблемам безопасности, но и переориентировать и заново формировать саму систему национальной безопасности Кыргызстана в XXI веке. Необходимо осознать эти выводы и принять быстрые и адекватные меры к исправлению существующего положения вещей и реального улучшения нашей безопасности.

А.Т. Токмергенова
магистрант кафедры политологии КРСУ

ПОГРАНИЧНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КЫРГЫЗСТАНА

В начале 2013 года в анклавах Кыргызстана произошли конфликты, и вновь на первый план всплыла проблема границ, требующая нового переосмысления и поиска решения. Центральноазиатский регион всегда считался одним из самых нестабильных на территории СНГ. Географическое положение – стык Европы и Азии, где сходятся дороги христианства, мусульманства и буддизма. Характерная черта региона – многонациональный состав населения, проживающего здесь на протяжении веков. До революции 1917 года на этой территории существовали государственные образования с иными границами, не было четко сформированных этнических групп, способных преобразоваться в нации. Они различались в культурном аспекте, по качеству, степени и времени принятия ислама (как казахи и кыргызы, принявшие ислам значительно позднее других народов региона, в XVII–XVIII веках), по типу хозяйства (оседлого, земледельческого таджикско-узбекского, и кочевого, животноводческого казахско-кыргызского)¹. Кочевые народы этого региона, не имея единого постоянного места проживания, игнорировали современные определения границы, государства и нации, присущие индустриальному обществу по Э. Геллнеру. Только в 1924 году впервые началось административно-территориальное размежевание границ. 17 марта 1925 года на заседании Среднеазиатского ликвидкома было согласовано описание линии рубежа с перечнем административных единиц в каждой республике, а затем утверждено Президи-

---

¹ *Гозер Д.* История границы Киргизии. Линии укреплений на современных рубежах. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1256635560>

умом ЦИК СССР. Было составлено описание границы и графически оформлено ее начертание на карте Военно-топографического отдела штаба Туркестанского округа¹, на которой центральное руководство включило территории с иноэтничными жителями в состав тех или иных республик, из-за чего население стало полиэтничным, а вместе с тем – более управляемым.

Несмотря на это, разделение оставалось формальным, на протяжении всего существования в рамках единого государства между союзными республиками не прекращалась борьба за отдельные территории: приграничные колхозы и совхозы постоянно вступали в конфликты, оспаривая участки небольших размеров. Чтобы разрешить их, президиумы Верховных Советов Кыргызской ССР и Узбекской ССР заключили договоренность о рассмотрении всех спорных вопросов по межреспубликанской границе. Советы Министров республик утвердили состав паритетной комиссии по установлению линии разделения между ними, которая устроила обе стороны. Однако Президиум Верховного Совета СССР линию границ не утвердил, и вскоре об этом вопросе в Москве забыли, что отразилось на взаимоотношениях соседних государств уже в настоящем.

Эти разногласия возобновились после появления в Центральной Азии новых независимых государств и образования современной геополитической ситуации. Активизировались старые и появились новые конфликты, что в нынешних условиях формирования мирового порядка ведет к неизбежному росту дестабилизирующих факторов в сфере обеспечения безопасности региона в целом. Сложное политическое и экономическое положение соседствующих стран, обострение военно-политической обстановки в Афганистане и Пакистане, создают контекст, в котором любой этнотерриториальный конфликт является чрезвычайно опасным. В настоящее время из пяти стран Центральной Азии (Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан) полностью делимитировал сухопутные границы только Туркменистан.

---

¹ *Ланда Л.* Советская историография национально-государственно-го размежевания Средней Азии // История СССР. 1964. № 6. С. 106.

Кыргызстан имеет непосредственные границы с Узбекистаном, Казахстаном и Китаем. Пограничные вопросы Кыргызстана с Китаем были разрешены в 1996 году: в Шанхае главы пяти государств (Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан) подписали соглашение «Об укреплении мер доверия в военной области в районе границ»¹.

Тем временем, делимитация границ Кыргызстана с Узбекистаном и Таджикистаном до сих пор не завершена. Эпицентр напряженности расположен в Ферганской долине, объединяющей границы трех государств, где каждый год с наступлением весенне-полевых работ возникают конфликты и инциденты между жителями. Иногда бытовые споры приобретают этнический окрас, но в основном проблемы возникают в сфере водоснабжения, распределения энергоносителей, разделения земли, пастбищ, демаркации и делимитации границ. Это касается приграничных с Исфаринским районом Республики Таджикистан населенных пунктов Баткенского района Кыргызстана, а также Бургандинского массива Кадамжайского района Кыргызстана со стороны Узбекистана. Только на границе Кыргызстана и Таджикистана насчитывается около 70 спорных участков. Часть противоречий существует скрыто, часть проявляется открыто в виде различных конфликтов и напряженности на межгосударственном уровне.

Особую роль в пограничных конфликтах занимает анклавная политика. На территории Кыргызстана насчитывается несколько узбекских анклавов (Сох, Шахимардан, Таш-Тева, Чон-Кара-Галча) и два таджикских (Ворух, Куру-Сай). Наиболее крупные и взрывоопасные – Сох и Ворух. Анклав Ворух – территория в Кыргызстане (130 тыс. кв. км), относится к Исфаринскому району Худжандской области Таджикистана, где проживает примерно 40 тысяч этнических таджиков (95 % населения, и 5 % кыргызов)². Он расположен

---

¹ Ханин И. О делимитации и демаркации государственной границы между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой. <http://old.risk.ru/rus/regions/tianshan/khanin/>

² Половников Д. Территориальные конфликты как дестабилизирующий фактор Центральноазиатского региона. <http://www.politlib.narod.ru/polovnikov.htm>

в глубине Баткенской области, из-за чего его достаточно сложно контролировать с обеих сторон официальной власти, как Таджикистану, так и Кыргызстану. Главная причина конфликтов в этом районе – борьба населения за ресурсы, орошаемые земли и поливную воду. Кроме этого, через анклав Ворух проходит единственная транспортная магистраль, соединяющая Ляйлякский район с остальной частью Кыргызстана. Несколько лет назад укрепление Таджикистаном границ своего анклава вызвало резкое недовольство кыргызстанских граждан, которым приходилось дважды пересекать границу, чтобы попасть из Ляйлякского в Баткенский район по кратчайшему пути через анклав. В октябре 2002 года Таджикистан поставил на границе КПП и ввел плату за проезд, из-за чего между таджикскими пограничниками и кыргызской милицией не раз возникали конфликты.

На территории Кыргызстана есть еще два анклава – Сох и Шахимардан (население, по разным данным, от 40 до 50 тыс. человек). Сохский район площадью 350 квадратных километров полностью окружен территорией Баткенской области Кыргызстана, чтобы попасть в Сох из Узбекистана надо проехать примерно 20 километров по территории Кыргызстана. В свою очередь, на территории Узбекистана есть кыргызский анклав – село Барак (население около 589 человек), который относится к сельской управе Ак-Таш Кара-Суйского района Ошской области¹. Анклавы оторваны от основной территории своих государств, что создает трудности для их населения. В этой связи узбекским руководством была предпринята попытка заключить со своими кыргызскими коллегами соглашение об обмене территориями, с тем, чтобы анклав Сох был присоединен широкой полосой земли к части Узбекистана. В обмен Кыргызстану предлагалось передать южную часть Соха, но соглашение не состоялось, так как в этом случае Ляйлякский и Баткенский районы почти полностью будут отрезаны от остальной территории.

Зачастую материнское и окружающее государства используют анклав как орудие или разменную фишку в политике. В данном слу-

---

¹ Ханин И. О делимитации и демаркации государственной границы между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой. <http://old.risk.ru/rus/regions/tianshan/khanin/>

чае анклавов могут стать важным инструментом давления Узбекистана на Кыргызстан. Сох и Шахимардан являются неотъемлемой частью Узбекистана с политической точки зрения, но экономически они тесно связаны с окружающим государством – Кыргызстаном. Но есть еще фактор этнической принадлежности: жители анклава – граждане Узбекистана, но почти все они этнические таджики, поселившиеся в регионе несколько веков назад, привлеченные богатыми пастбищами и близостью к реке Сох. Это усложняет процесс анализа анклавной политики, такая тройственность экономических, политических и этнических связей анклавов приводит к напряженности в отношениях соответствующих государств.

Анализируя сложившуюся ситуацию, можно предположить, что события начала 2013 года в анклаве Сох, когда жители села Хушяр захватили в заложники 36 кыргызстанцев из соседнего села Чарбак, скорее заранее запланированная провокация, чем спонтанный конфликт. Здесь необходимо учитывать, что в Узбекистане вопросам порядка и контроля уделяется первостепенное внимание, и это один из главных аргументов того, что жители анклава не могли бы по собственной инициативе, без лидера и плана захватить заложников. Возможно, события следует рассматривать в контексте выхода Узбекистана из ОДКБ и недовольства намерением Кыргызстана строить Камбаратинскую ГЭС. Получается, Россия своими намерениями помочь Таджикистану и Кыргызстану в строительстве ГЭС способствует приобретению главных козырей и рычагов для давления на политику в игре на жизненно важных интересах Узбекистана.

Учитывая, что Кыргызстан соприкасается с соседними странами в самом центре региона, напряженность здесь теоретически угрожает стабильности региона в целом. Все это может быть использовано и во многом уже использовалось экстремистами для дестабилизации обстановки не только в данном регионе, но и во всей Центральной Азии. Характерно, что недостаточная готовность кыргызской армии противостоять вооруженным отрядам боевиков заставляет узбекское руководство предпринимать активные односторонние меры для защиты своих рубежей. После Баткенских событий 1999–2000 годов, когда вооруженные отряды Исламского движения

Узбекистана (ИДУ) дважды осуществляли нападения из Северного Таджикистана на Кыргызстан и Узбекистан, Ташкент усиленно минирует¹ свои границы, пытаясь предотвратить возможное повторное проникновение на свою территорию боевиков. Это влечет за собой многочисленные жертвы среди мирного населения.

Граница между Кыргызстаном и Узбекистаном в настоящее время делимитируется. Тем временем, межправительственная комиссия, созданная для решения вопроса спорных участков, сталкивается с множеством трудностей в своей работе, исходящих зачастую из взаимных противоречий. Председатель Государственной пограничной службы Кыргызстана Токон Мамытов полагает, что в этом вопросе следует руководствоваться картами середины 1950-х годов, в то время как Узбекистан и Таджикистан предлагают рассматривать одни спорные участки по картам 1926 года, а другие – по картам 1956 года. Но в разные временные периоды территория Кыргызстана была разной. Другой член комитета по обороне и безопасности, бывший министр обороны Исмаил Исаков считает, что Бишкеку в вопросах определения линии границы с соседними странами необходимо исходить из договоров и соглашений, заключенных в 1990-х годах, признающих границы республик, существовавшие на момент распада СССР, после обретения независимости странами, но «не картами середины прошлого века»².

Обобщая информацию, необходимо выделить несколько важных пунктов, характеризующих проблему на границах Кыргызстана:

- истоки причин пограничных разногласий уходят корнями в советское прошлое, берут свое начало в национально-территориальном размежевании региона, проведенном в 1920-е годы властями Советского Союза;

---

¹ *Иващенко Е.* Приграничные конфликты в ЦА. Воспитание кровью. <http://aif.kg/novosti/analitika/27-eivaschenko-prigranichnye-konflikty-v-ca-vozpitanie-krovyyu.html>

² Средняя Азия и проблемы анклавов: «менять нельзя», «резать по живому»? <http://rus.ozodi.org/content/article/24878605.html>

- основная причина пограничных споров и конфликтов – незавершенная делимитация;
- обе стороны имеют абсолютно разные документы и взгляды на территорию. Узбекская сторона отстаивает принцип проведения границы, ссылаясь на карту 1924 года, Кыргызстан выдвигает в качестве базы для переговоров карту 1955 года. Так как стороны не могут прийти к единому мнению, этот вопрос затягивается;
- учитывая, что в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) удалось относительно успешно решить ряд спорных вопросов о границах с Китаем, необходимо по такому же принципу попытаться провести ряд мероприятий по разрешению приграничных конфликтов. Территориальная неопределенность в приграничных районах, усиленная острым дефицитом водных и земельных ресурсов, способствует эскалации межэтнической напряженности. Это может быть использовано и во многом уже использовалось экстремистами для дестабилизации обстановки не только в данном регионе, но и во всей Центральной Азии. Приграничные конфликты, коррупция, нищета и малограмотность основной части населения региона могут стать основным фактором их присоединения к радикальным группировкам. Ферганская долина представляет особый интерес не только для радикальных группировок;
- на момент написания статьи в Ташкенте 25–28 марта 2013 года состоялось первое заседание кыргызско-узбекской совместной комиссии по вопросам делимитации и демаркации государственной границы.

Также необходимо выделить ряд проблем, обостряющих ситуацию в приграничной зоне Кыргызстана:

1. Водные проблемы: Баткенский и приграничные с ним Исфаринский (Таджикистан) и Сохский (Узбекистан) районы связывают единые водные артерии, из-за чего часто возникают споры между жителями относительно вододеления.

2. Земельные споры: в приграничных районах Кыргызстана и Таджикистана, где давно освоены практически все пахотные земли и пастбища, часто возникают споры по поводу принадлежности того или иного участка земли, а ее нехватка и неопределенность границ уже не раз приводила к конфликтам между жителями Баткенского района, в результате которого погибло несколько человек. Усиливает напряженность в приграничных селах безработица среди молодежи.

3. Таможенно-пограничные конфликты: затрудняется переход границ, таможенные и пограничные процедуры вызывают недовольства жителей, которым ежедневно приходится пересекать границу.

4. Религиозная пропаганда: осложняют ситуацию на границах глобальные этнические и религиозные распри военно-политических группировок в борьбе за власть. Активизируется идеологическая и агитационная работа среди жителей приграничных районов, особенно в анклавах Ворух, Сох, Шахимардан, религиозных, экстремистских партиях, таких, как «Хизбут-Тахрир». Это способствуют нагнетанию обстановки вокруг возникающих земельно-водных споров, перенося сущность конфликта на плоскость межнациональных отношений.

Вероятнее всего произошедшие в начале 2013 года на границах Кыргызстана события станут причиной открытия Россией базы сухопутных войск в Баткене. Кроме того, почти сразу после событий в анклав Сох Кыргызстан посетил помощник госсекретаря США Роберт Блейк для обсуждения вопросов продления срока аренды базы в Манасе, который истекает в 2014 году. В перспективе, скорее всего более тесное кыргызско-российское военное сотрудничество будет и дальше способствовать ухудшению отношений с Узбекистаном, который, вероятнее всего, активизирует военное сотрудничество с США в противовес военному сотрудничеству России с Бишкеком и Душанбе, особенно на фоне предстоящего свертывания американской базы в Манасе.

Список использованной литературы

Шукенов А. Обсуждение принадлежности спорных территорий между Кыргызстаном и Узбекистаном грозит затянуться на долгие годы. <http://www.ca-oasis.info/pogranichnyiy-roman-669.html>

Элебаева А., Омуралиев Н. Межэтнические отношения в Кыргызстане. Динамика и тенденции развития. http://www.ca-c.org/journal/15-1998/st_07_elebaeva.shtml

Трофимов Д. К вопросу об этнотерриториальных и пограничных проблемах в Центральной Азии. http://www.ca-c.org/journal/2002/journal_rus/cac-01/07.trofru.shtml

А. Солтоева
магистрант кафедры политологии КРСУ

СТРОИТЕЛЬСТВО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ КЫРГЫЗСТАН – КИТАЙ – УЗБЕКИСТАН: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Со времен экс-президентов А. Акаева и К. Бакиева вопрос строительства кыргызско-китайской железной дороги стал объектом внимания не только властей, но и экспертов. Его суть в том, что китайская сторона желает в обмен на вложенные инвестиции в строительство (2,2 млрд долларов) заполучить два месторождения металлов в Кыргызстане – Жетим и Сандык¹. Но цена предполагаемых инвестиций, как оказывается, постепенно растет, а заявления премьер-министра и вице-премьер-министра по этому вопросу не совпадают. Например, вице-премьер-министр Ж. Оторбаев говорил, что постройка дороги обойдется 3,5 миллиарда долларов, а на следующий день премьер-министр О. Бабанов назвал цифру 4,5 миллиарда². Поэтому также актуален вопрос о наличии у кыргызской стороны точных расчетов и их прозрачности.

И нынешнее правительство, и их предшественники прекрасно понимали, что решение отдать месторождения могло вызвать недовольство населения.

В середине апреля 2012 года министерство транспорта и коммуникаций Кыргызстана и Китайская корпорация по стро-

---

¹ *Тологонов Р.* Китайская сторона рассматривает месторождения Сандык, Иштамберды и Жетим взамен инвестиций в ЖД Китай – Кыргызстан – Узбекистан. <http://www.paruskg.info/2012/02/29/58694>

² Железная дорога в Китай – цивилизационный выбор Киргизии против России и Казахстана. http://www.ags.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=499&Itemid=1

ительству дорог и мостов (CRBC) подписали меморандум о сотрудничестве, предусматривающий проведение в течение года полного технико-экономического обоснования (ТЭО) проекта за счёт КНР. Детальный план строительства дороги будет подготовлен после проведения ТЭО. Ранее CRBC заявила о намерении привлечь средства не только для проведения ТЭО, но и для финансирования самого строительства. Учитывая, что у КНР уже есть успешный опыт реализации в Центральной Азии крупных инфраструктурных проектов, таких, как запущенный в 2009 году трансконтинентальный газопровод Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай, сомневаться в технических и финансовых возможностях Пекина не приходится¹.

CRBC является государственным предприятием Китая, входящим в Китайскую ассоциацию международных подрядчиков. Корпорация успешно ведет подрядную деятельность в Кыргызстане с 2002 года. Шестнадцатого марта 2012 года она была официально представлена властями КНР, как связующая компания по проведению переговоров с Кыргызстаном по проекту строительства железнодорожной магистрали. Железнодорожная магистраль Китай – Кыргызстан – Узбекистан призвана соединить китайские железные дороги с Узбекистаном и далее через Афганистан, Иран и Турцию с европейской сетью железных дорог. Планируемая протяженность кыргызского участка – 268,4 км, китайского участка – 165 км².

Общая протяженность будущей железной дороги составит 268 километров. Есть два принципиально разных маршрута, по которым она должна пройти:

Вариант № 1. Кашгар – Эркеч-Там – Ош – Андижан (выгоден китайской стороне, поскольку не требуется прорубать тоннели через Ферганский хребет, потому короче и дешевле).

---

¹ *Шустов А.* Киргизия – Китай: железнодорожная основа геополитики. <http://pravda.kg/?p=1442>

² Китайская корпорация намерена разработать ТЭО по строительству железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан. <http://russian.cri.cn/841/2012/04/19/1s423799.htm>

Вариант № 2. Кашгар – Торугарт – Балыкчы – Кара-Кече – Джалал-Абад – Андижан (более предпочтителен для кыргызской стороны, согласно анонимным источникам в ГП «НК «Кыргызтемиржолу», поскольку по умолчанию связывает север и юг страны).

Пока и этот вопрос остается открытым, что вызывает споры у экспертов в выгодности проведения железной дороги, которая будет связывать Китай и Узбекистан с Кыргызстаном.

Четвертого мая 2012 года в Пекине (Китай) в ходе четвертого заседания специальной рабочей группы по вопросам строительства железнодорожной магистрали, стороны, участвующие в строительстве железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан», исключили такую схему финансирования строительства, как «ресурсы взамен инвестиций». В то же время стороны отказались привлекать китайский кредит под гарантию правительства Кыргызской Республики, сойдясь на необходимости использования механизма концессии.

Но, по сути, железная дорога сама является таким ресурсом. И заявление об отказе от формулы «инвестиции в обмен на ресурсы» – спорно.

Возможны два варианта, отличающиеся степенью участия государства в проекте.

Согласно первому варианту, создается совместное кыргызско-китайское акционерное общество по концессионным схемам «BOO» (Build, Own and Operate – строительство, владение, эксплуатация) либо «BOOT» (Build, Own, Operate and Transfer – строительство, владение, эксплуатация, передача).

Особенностью этих схем является то, что они закрепляют право собственности совместного предприятия на объект концессии, в данном случае – на железную дорогу. Данное обстоятельство позволит использовать объект концессии в качестве залога для получения кредита на строительство железной дороги. Второй вариант предполагает концессию в чистом виде по схеме «BOT» (Build, Operate, Transfer – строительство, эксплуатация, передача), когда инвестор-концессионер самостоятельно финансирует строительство железной дороги, а затем осуществляет эксплуатацию объекта

в течение концессионного срока, по истечении которого передает железную дорогу государству. Решать, какой схемы придерживаться, стороны будут, возможно, уже на следующей встрече, которая состоится в Бишкеке. Сроки ее проведения будут определены позже¹.

Следует рассмотреть положительные стороны данного проекта:

- сокращение пути из Восточной Азии в страны Ближнего Востока и Южной Европы на 900 км и сроков транспортировки грузов до 7–8 суток²;
- развитие транспортной сферы стран Центральной Азии и предоставление нового удобного выхода к портам Персидского залива и Тихого океана;
- освоение и использование богатых природных ресурсов в Кыргызстане;
- активизация международной торговли, туризма и экономического сотрудничества в целом;
- проведение железной дороги сможет связать северный и южный регионы страны, которые могут быть связаны не только автодорогой Бишкек – Ош (как сейчас), но и железной дорогой. Это может активизировать торговлю.

Также, как и в любом проекте, есть и отрицательные стороны:

- обещанны 10 тыс. рабочих мест³, из которых 30 % будут китайцы, а 70 % – местное население. Но, если учитывать культурное и языковое различие двух народов, это может стать причиной конфликта в рабочей среде;
- учитывая перенаселенность Китая, открытие границ и свободного перемещения двух народов может привести к огромному количеству легальных и нелегальных мигрантов;

---

¹ Железную дорогу «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» будут строить на основе концессии, а не за счет ресурсов. <http://www.knews.kg/ru/ekonom/15762/>

² Государственное предприятие «Национальная компания “Кыргыз темир жолу”». Проект строительства железнодорожной магистрали «Китай – Кыргызстан – Узбекистан». <http://www.ktj.kg/investion.html>

³ Кыргызстан будет использовать «русский стандарт» колеи при строительстве ж/д «Китай – Кыргызстан – Узбекистан». <http://www.kyrtag.kg/?q=ru/news/22001>

- с потоком мигрантов в страну может хлынуть огромное количество китайского дешевого ширпотреба, продуктов питания, что способно полностью «убить» местную торговлю. Это также может стать еще одной причиной конфликта;
- интерес местных властей к сотрудничеству с китайским правительством и запланированное строительство китайско-кыргызской железной дороги резко испортило внешнюю политику Кыргызстана и России¹;
- до сих остается непонятным вопрос кредита на 140 млн долларов, который мы должны выплатить.

Строительство железной дороги в Кыргызстане станет самым большим план-проектом для развития экономики страны. Вопросы прозрачности остаются актуальными.

Дорога нужна соседям больше, чем Кыргызстану, поэтому государство не должно платить ничего. Приоритет развития страны – соединение железной дорогой севера и юга. При грамотном и вдумчивом подходе, проект железной дороги Север – Юг КР будет интересен для инвесторов из России, Казахстана, Японии, США, Южной Кореи, Индии, международным финансовым организациям и инвестиционным фондам. Использование механизмов частно-государственного партнерства позволяет найти оптимальную формулу для строительства такого серьезного инфраструктурного объекта.

Тем более, не с руки Кыргызстану торговаться с Казахстаном за чужой интерес. Кыргызстан же, получив бонус, сможет реанимировать сельское хозяйство и промышленность, восстановить и построить новую транспортную инфраструктуру и вписаться в новую матрицу региональной специализации и кооперации со своими партнерами по Таможенному союзу. А китайско-узбекская железная дорога пусть действует сама по себе, она все равно не будет основным генератором добавленной стоимости для Кыргызстана. Но в случае выплаты бонуса появляется возможность вырваться из порочного круга «много долгов – мало инвестиций»².

¹ *Шустов А.* Киргизия – Китай: железнодорожная основа геополитики. <http://pravda.kg/?p=1442>

² *Тимофеенко А.* Железная дорога Китай – Кыргызстан – Узбекистан: вопросы без ответов. <http://www.vb.kg/214902>

Железная дорога несет в себе инфраструктурные проекции геополитики. Фактически, железные дороги перекраивают геополитическую и геоэкономическую карты. Поэтому здесь необходимо быть гиперосторожными. Железная дорога по тому проекту, который представляет Китай, будет переделывать сферы влияния. Не факт, что этот передел пойдет на пользу нашей стране. Достаточно посмотреть на объемы экспорта Китая в Кыргызстан, который в 10 раз превышает товаропоток в обратном направлении. Давайте сравним и структуру экспорта: к нам идет готовая продукция, причем, зачастую произведенная из нашего же сырья (шерсть, шкуры и прочее). Становится ясно, какая страна имеет стратегию, а у кого ее не было и в помине.

В данном случае, строительство по китайскому варианту «широтного» коридора с получением бонуса делится на три основные цели: подъем сельского хозяйства и промышленности, укрепление национальной безопасности и самостоятельное строительство железнодорожной ветки Север – Юг. В противном случае, китайский вариант становится ловушкой для Кыргызстана.

Шелковый путь, которым сегодня соблазняют Кыргызстан, – это миф, причем вредный. Да, территории зарабатывали на транзите, и за счет него развивали свою промышленность. Но это было актуально в стародавнее время, не в наших реалиях. Мир не стоит на месте. Морские коммуникации давно превзошли наземные. Сейчас основная часть грузов в евразийском пространстве перевозится именно морем. Это миф, что можно забрать половину перевозок, 99 % грузов, которые Китай поставляет в Европу, он будет возить морем, как делает это уже не одно столетие. Даже российский железнодорожный Транссиб, полностью двухпутный и электрифицированный, дающий прямой транзит без промежуточных государственных границ от Тихого океана до Европы, не способен конкурировать с океанскими морскими перевозками. Он занимает отдельные ниши во внутриконтинентальных перевозках.

Вариант, предлагаемый китайской стороной, звучит заманчиво: «Кыргызстан выходит из транспортного тупика и становится

частью нового трансевразийского континентального маршрута». Но необходимо понимать, что Кыргызстан не находится в транспортном тупике. На рынке страны работает более 50 компаний, которые хоть завтра отправят груз из Кыргызстана в любую точку Земли. Чтобы говорить о транспортном тупике, нужно вовсе отрицать наличие железнодорожных станций в Кыргызстане. Разве нет функционирующих станций в Бишкеке, Балыкчы, Оше, Джалал-Абаде? Наличествуют ассоциации экспедиторов, включая железнодорожных перевозчиков. Тупик в головах тех, кто не смотрит на реалии и отравлен жаждой наживы на продаже настоящих национальных интересов.

Опасность китайской дороги состоит в том, что она делит Кыргызстан поперек. Прокитайское лобби в Кыргызстане утверждает, что железнодорожная магистраль якобы соединит север и юг страны, поскольку одна из ее станций будет находиться в Торугарте, который относится к северной части республики. Формально они правы. Но если посмотреть на карту Кыргызстана с указанием плотности населения, то становится ясно, что дорога проходит по малонаселенным территориям. Кыргызстан же нуждается в магистрали, которая соединит самые густонаселенные территории – Чуйскую долину с Ошской, Джалал-Абадской и, в меньшей степени, Баткенской областями. Страну необходимо соединять по принципу «густонаселенная долина севера – густонаселенная долина юга», и тогда железная дорога станет своеобразным импульсом для развития бизнеса и реиндустриализации.

Вопрос национальной безопасности очень важен. «Перемагничивание» юга Кыргызстана на Кашгар (Китай) может кардинально изменить баланс сил в регионе, что не просто усилит позиции некоторых самодостаточных южных кланов, но и может привести к распаду страны. Если сегодня позволить Мелису Мырзакматову выйти без «северян» сразу на Китай, то нет гарантии, что в одночасье на юге не появится Кыргыз Туштюк (Южная. – *vb.kg*) Республикасы. В результате строительства ККУЖД южные регионы будут связаны с Китаем и Узбекистаном, а не с северной частью Кыргызстана.

Сейчас «разобрать» страну на части не проблема, доказательство тому – Судан. Правда, там китайцы пострадали. Но они быстро учатся и вполне могут использовать подобную технологию сами. Поэтому, либо строить китайско-узбекскую дорогу, получив бонус, за счет которого самостоятельно проложить железную дорогу Север – Юг, либо не строить ее вообще.

Кроме того, китайская дорога усилит узбекско-таджикские противоречия, которые могут привести к еще одной гражданской войне. Как только Узбекистан построит дорогу через перевал Камчик, Таджикистан окажется в полной транспортной блокаде¹.

Китайская сторона отмечает, что в вопросе строительства железной дороги Кыргызстан «тянет резину». Министерство коммерции КНР считает, что реализация этого плана, по сути, является сложной задачей, и займет немало времени. Все упирается в деньги. Ведь уже 10 лет реализация проекта не может начаться именно из-за отсутствия источников финансирования.

Среди общественности бурно обсуждается и вопрос влияния строительства на социально-экономическое развитие Кыргызстана. Власти утверждают, что прокладка железного пути принесет доходы экономике страны и обеспечит новые рабочие места. Общественные организации и аналитики отмечают, что это приведет к незаконной миграции китайских граждан в Кыргызстан².

Также оценивается возможность объединить север и юг страны благодаря этой железной магистрали, что позволит улучшить состояние внутренних железных дорог. Общественность уверяет, что может возрасти уровень преступности. Перспектива выхода отечественных товаров к морю не столь радостна для общественности. Подчеркивается необходимость вместо этого улучшить состояние внутренних автомобильных дорог.

---

¹ Тимофеев А. Железная дорога Китай – Кыргызстан – Узбекистан: новый геополитический миф. http://www.vb.kg/doc/215164_jeleznaia_doroga_kitay_kyrgyzstan_uzbekistan_novyyu_geopoliticheskiy_mif.html

² Ибраева М. Плюсы и минусы строительства железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан». <http://kabar.kg/kabar/full/25620>

Известно, что реализация строительства магистрали обсуждается со всех сторон, в том числе и в Кыргызстане. Точку зрения и интересы китайских представителей мы могли четко разглядеть во время специально организованной для журналистов поездки в эту страну, приуроченной к 20-летию дипломатических отношений. Очевидно, что они заинтересованы в строительстве только сугубо в своих интересах. Это вполне оправданно, поскольку им выгодно развивать торгово-экономические отношения. Китай считает развитие дорог особо значимым направлением экономики. Заместитель председателя Европейского департамента Министерства коммерции КНР Чжан Ди отмечает, что железнодорожное сообщение «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» является «серьезным» проектом, который имеет множество нерешенных вопросов. «Уже 10 лет не решается вопрос финансирования строительства. За последние два года стороны всерьез принялись рассматривать возможности реализации данного проекта. В настоящие дни по этому вопросу работает специальная комиссия», – говорит Чжан Ди.

Стратегическое значение железной дороге придают и ученые Центрально-азиатского института общественной академии наук КНР. Министерство иностранных дел заявило о готовности объединить транспортные сообщения не только Кыргызстана, но и всех стран Центральной Азии. Приоритетное направление в этом будет отмечено именно в строительстве железной дороги¹.

---

¹ *Ибраева М.* Плюсы и минусы строительства железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан». <http://kabar.kg/kabar/full/25620>

Н.С. Таткало
магистрант кафедры политологии КРСУ

СИСТЕМА ОПЛАТЫ ТРУДА КАК ФАКТОР РОСТА РАБОЧЕЙ ПРОДУКТИВНОСТИ ГОССЛУЖАЩИХ: МИРОВОЙ ОПЫТ И ОСОБЕННОСТИ КЫРГЫЗСТАНА

Бюрократические проволочки и сопровождающая их неэффективность работы вкупе с коррумпированностью государственных служащих являются доминантными характеристиками бюрократического аппарата Кыргызстана. Согласно результатам социологического опроса, проведенного Национальным статистическим комитетом в IV квартале 2012 года для определения уровня доверия населения к деятельности государственных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления Кыргызской Республики, ни одно ведомство и структура не показали абсолютный положительный результат по расчету индекса доверия. В целом, по республике данный показатель имеет отрицательное значение в -5.5 , при этом в число структур, которые пользуются наименьшим доверием у граждан входят, в первую очередь, надзорные органы (Государственная служба по контролю наркотиков, Государственная служба по борьбе с экономическими преступлениями и Государственная служба регулирования и надзора за финансовым рынком)¹.

О системных проблемах в сфере государственной службы говорят и сами чиновники. «За 20 лет народ утратил доверие к государству. Люди скептически относятся к госслужащим, они не видят в них людей, заботящихся о своем народе, оказывающих

---

¹ Индекс доверия населения за IV квартал 2012 года. <http://stat.kg/images/stories/docs/tematika/living/2013/Index%20dov.%20IV%20kv.12.pdf>

качественные услуги, не прося за это вознаграждения»¹, – отмечает экс-глава Государственной кадровой службы Н. Момуналиев. По его мнению, в настоящее время существует острая необходимость реформирования системы оплаты труда и мотивации на государственной службе. Ее основные недостатки – низкий уровень заработной платы госслужащих в сравнении с оплатой труда наравноценных должностях в частном секторе и международных организациях и отсутствие связи между качеством выполняемой работы и уровнем заработной платы². В целях оптимизации и повышения эффективности работы государственных служащих в Кыргызстане с середины 2011 года приступили к реализации проекта Всемирного банка «Наращивание потенциала в области экономического управления», нацеленного на приведение отечественной системы оплаты труда чиновников в соответствие с международными стандартами.

В международной практике системы оплаты труда государственных служащих различаются в зависимости от того, какая модель государственной службы принята в стране – карьерная или позиционная. Первая характеризуется невысоким уровнем денежного содержания со значительным социальным пакетом, а вторая – относительно высоким денежным содержанием, конкурентным на рынке труда и незначительным по объему социальным пакетом³.

Одной из классических стран с карьерной системой государственной службы является Германия. В Германии при определении зарплаты чиновника существенным фактором являются его образование и квалификация. В стране существуют четыре ранга государственной службы, и то, на какой ранг гражданин может претендовать и, следовательно, какой оклад получать, полностью зависит от уровня его образования. В целом, зарплата у чиновников ниже, чем

---

¹ Глава ГКС о кадровой политике и необходимости тестирования госслужащих на полиграфе. <http://www.knews.kg/ru/society/17683>.

² Там же.

³ Колнооченко Е.И. Сколько получают чиновники? <http://school-conf.ru.bujet.ru/article/41828.php>.

у служащих в частном секторе. Однако эта разница компенсируется тем, что на государственной службе чиновнику предоставляются гарантии сохранения своего рабочего места: в Германии госслужащего фактически невозможно уволить. Размеры должностных окладов и всех надбавок определяются законом и находятся в свободном доступе для граждан. Зарботная плата госслужащих складывается из нескольких составляющих: наряду с основным окладом (85 % совокупного дохода) выплачиваются различные надбавки, например, «местная», размер которой зависит от семейного положения чиновника (женатые получают больше, чем холостые, а имеющие детей – больше, чем бездетные)¹. При этом, для каждого из четырех рангов устанавливается фиксированная величина надбавки. Также всем чиновникам государство оплачивает 50 % их затрат на медицинское обслуживание².

Следовательно, особенностями карьерной системы оплаты труда госслужащих являются:

- прямая зависимость зарплаты от уровня образования и квалификации чиновника;
- централизованная система выплат: размеры должностных окладов и всех предусмотренных надбавок в заработной плате чиновников устанавливаются законом и являются прозрачными для общества;
- надбавки к основному окладу носят социальный характер.

Если при карьерной системе единые должностные оклады устанавливаются законодателем, то при позиционной они определяются самими ведомствами с учетом выделенных им бюджетных средств и на основе принятых ими систем оценки производительности труда чиновников. В странах с позиционной системой государственной службы – США, Канаде, Великобритании и некоторых странах ЕС – преобладают индивидуальные и более гибкие формы системы оплаты труда служащих, близкие к частному сектору. Например, в США установление должностного оклада

---

¹ Колнооченко Е.И. Сколько получают чиновники? <http://school-conf.ru.bujet.ru/article/41828.php>.

² Там же.

госслужащих производится в соответствии с тем рангом, который занимает государственный служащий в должностной классификации. Однако существует определенная градация должностных окладов в рамках каждого из рангов, которая дает возможность изменять их размеры в зависимости от профессиональных знаний и качества выполнения должностных обязанностей¹.

Для оценки производительности труда при каждом ведомстве существуют специальные советы, разрабатывающие свои системы оценки результатов профессиональной деятельности государственных служащих. В целом, независимо от эффективности работы, в США предусмотрено ежегодное повышение размера оклада заработной платы госслужащих. Однако, на основе рекомендаций, предоставляемых советами, в течение года допускается или уменьшение размера оклада госслужащего вследствие неудовлетворительного исполнения им своих должностных обязанностей, или начисление дополнительных выплат, которые не должны быть меньше 5 % и больше 20 % основного оклада². Вместе с тем, при достижении даже больших результатов выплаты не производятся в том случае, если данные показатели были менее значимы, чем за прошлый год.

Также государственным служащим предоставляются выплаты по компенсации убытков: надбавка на покупку униформы (не превышает 400 USD в месяц); надбавка за обесценивание доллара, предусмотренная для гражданских служащих, проходящих службу за границей; надбавка за работу в опасных условиях, также предоставляемая персоналу, работающему за рубежом (не превышает 25 % от основного оклада); надбавка за работу в отдаленных местностях (не превышает 10 USD в день); надбавка за работу вне континентальной части США (не превышает 25 % от основного оклада); транспортная надбавка³.

---

¹ *Сатаров Г., Левин М., Головощинский К., Римский В.* Заработная палата и коррупция: как платить российским чиновникам. <http://emsu.ru/me/default.asp?c=1255&p=2>.

² Там же.

³ Там же.

Отличительной чертой системы оплаты труда госслужащих в США является ее прямая зависимость от социально-экономической ситуации в стране. Ежегодно президент США определяет на основе различных показателей (ВВП, уровень безработицы, величина бюджетного дефицита, индекс потребительских цен) уровень повышения (а при исключительных обстоятельствах – «замораживания») зарплаты чиновников. Так, в 2010 году Б. Обама объявил о приостановлении роста зарплат американских госслужащих на два года в целях борьбы с бюджетным дефицитом.

Таким образом, отличительными чертами американской системы оплаты труда госслужащих являются:

- децентрализованное установление размеров окладов и надбавок на основе систем оценок результативности труда госслужащего в каждом государственном органе;
- действие принципов меритократии при продвижении по карьерной лестнице;
- индивидуализация должностных окладов;
- широкая система надбавок, связанных с условиями труда;
- четкая регламентация возможных размеров надбавок;
- зависимость от социально-экономических показателей.

Анализ заработных плат госслужащих зарубежных стран в разрезе их типовой принадлежности в сравнении с минимальной заработной платой в этих странах можно представить в виде таблицы 1.

Общей для рассмотренных зарубежных стран чертой является то, что зарплата высокопоставленных чиновников превышает установленную минимальную заработную плату в среднем в 11,4 раз. Для стран с карьерной системой государственной службы эта разница в среднем составляет 12,4 раза, а для стран с позиционной системой – 10 раз. Это можно объяснить различной структурой заработной платы в этих системах: первая в большей степени связана с социальными гарантиями для госслужащих (фиксированный оклад составляет 85 % от зарплаты), а вторая ориентирована на эффективность и результативность работы чиновников (оклад – 40 % от зарплаты). При этом, со-

Таблица 1 – Сравнительная таблица заработной платы высокопоставленных госслужащих и минимальной зарплаты граждан зарубежных стран¹²

Модель государственной службы	Страна	Средняя зарплата высокопоставленных госслужащих (в год) ¹	Минимальная зарплата по стране (в год) ²	Разница
Карьерная	Германия (депутаты парламента)	297 372 EUR	15 324 EUR	19,4
	Швеция (депутаты парламента)	57 984 EUR	16 584 EUR	3,5
	Италия (депутаты парламента)	149 215 EUR	10 392 EUR	14,4
Позиционная	США (сенаторы и конгрессмены)	141 900 USD3	15 050 USD4	5,6
	Франция (депутаты парламента)	239 040 EUR	17 100 EUR	14
	Великобритания (депутаты парламента)	£135 600	£12 060	11,2

¹ *Schofield H., Isherwood J., Fraser C., Moore T., Griffiths E., Wheeler B.* Guide. Europe's MPs pay packages. http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/7961849.stm#EURO.

² Minimum monthly salaries of EU countries. <http://livingingreece.gr/2008/04/04/minimum-monthly-salaries-of-eu-countries>.

гласно западным исследованиям, дифференциация в оплате труда, превышающая соотношение 30:1, опасна широкомасштабными социальными потрясениями.

В Кыргызстане этот показатель составляет 29,8:1, если брать за основу расчета озвучиваемые депутатами Жогорку Кенеша размеры своих месячных должностных окладов в 25 000 сомов (6 294 USD) при минимальной месячной зарплате по стране в 840 сомов (21 USD)¹. Однако, точные данные о размерах заработных плат депутатов официально не публикуются и приравниваются к служебной тайне, несмотря на декларируемую цель построения открытого демократического общества. Кроме основного оклада, в соответствии с Законом КР «О государственной службе» всем госслужащим предоставляется транспортная компенсация за переезд на место службы, выплачиваются командировочные расходы, предусматриваются надбавки за работу в особо сложных условиях и обязательное государственное страхование². При этом Закон КР «О предельной штатной численности и об условиях оплаты труда государственных и муниципальных служащих КР» полномочия по определению общей численности и условий оплаты труда государственных служащих закрепляет за высшими государственными органами, которые, в свою очередь, в соответствии с Законом Кыргызской Республики «О государственной службе» основное внимание уделяют стажу и опыту работы, а также ряду латентных показателей, не зависящих от профессиональных качеств претендентов на государственную должность.

Следовательно, система оплаты труда государственных служащих КР занимает промежуточное положение между принятыми в мировой практике моделями:

- с одной стороны, отсутствуют свойственные карьерной модели единые нормативы, которые регулируют объемы окладов и надбавок;

---

¹ Wages: Government Contracts. <http://www.dol.gov/dol/topic/wages/govtcontracts.htm>

² Wages: Minimum wage. <http://www.dol.gov/dol/topic/wages/minimumwage.htm>.

- с другой стороны, верхнюю планку окладов и надбавок чиновников регламентируют соответствующие органы, что характерно для позиционной модели, но отсутствуют системы оценки производительности труда госслужащих;
- надбавки к должностному окладу связаны с условиями труда, что присуще карьерной модели;
- и, наконец, что противоречит обеим моделям: во-первых, действительные доходы высокопоставленных чиновников скрываются от общественности, во-вторых, оклад высокопоставленного чиновника выше установленной минимальной зарплаты по стране почти в 30 раз, тогда как в странах Запада эта разница в среднем составляет 11,4 раз.

В целом, гибридная модель оплаты труда госслужащих характерна и для Китая. В КНР введена распространенная в США практика ежегодного увеличения заработной платы и надбавки за качественное осуществление своих обязанностей. Однако, вследствие некоторых особенностей системы оценки производительности труда персонала («уровнировка»), та составляющая заработной платы, которая связана с результативностью работы, оказалась ослабленной. Согласно Правилам государственной службы КНР, чиновнику может быть присужден один из следующих рейтингов: «удовлетворительно», «превосходно», «неудовлетворительно». Но последний рейтинг получает менее 1 % всех чиновников¹. Таким образом, система поощрений позволяет получать выплаты, связанные с результативностью труда практически всем чиновникам.

Официальные сведения о зарплате высокопоставленных чиновников КНР не публикуются, более того, чиновники не декларируют свои доходы. Хотя в качестве реакции на призывы общественности озвучиваются зарплаты губернатора или мэра какого-нибудь крупного города – 2000–3000 USD в месяц, а чи-

¹ Закон Кыргызской Республики «О республиканском бюджете Кыргызской Республики на 2012 год и прогнозе на 2013–2014 годы». http://www.kenesh.kg/Articles/2855-O_proekte_Zakona_Kyrgyzskoj_Respubliki_O_respublikanskom_byudzhetе_Kyrgyzskoj_Respubliki_na_2012_god_i_prognose_na_20132014_gody.aspx

новники рангом ниже попадают в категорию малоимущих слоев населения¹. Однако, несмотря на то, что высокопоставленным государственным служащим в КНР производятся выплаты по широкому спектру социальных потребностей, которые в ряде случаев увеличивают их доходы на 100 % (оплачиваются услуги парикмахера, покупка книг и периодических изданий, медицинские расходы, транспортные расходы, удорожание продуктов питания) и, на то, что по данным исследования, проведенного Лю Чжижуном, координатором инвестиционного проекта Всемирного банка и банка Африки, их зарплата в 98 раз выше самой низкой зарплаты по стране, государственный аппарат пронизан коррупционными схемами². И, несмотря на жесткое наказание за коррупционную деятельность – расстрелы или пожизненное заключение, уровень коррупции в КНР не снижается. По мнению профессора Пекинского технологического института Ху Синтоу, такая ситуация обусловлена тем, что в Китае наказывают только тех коррупционеров, которые по разным причинам лишаются защиты вышестоящих чиновников. В итоге, наказанию подвергается примерно 1 % госслужащих³.

Коррупционированность штатного аппарата государственных органов является одной из основных проблем и госслужбы Кыргызстана. На фоне отдельных стран СНГ самая большая разница между зарплатой высокопоставленного сановника и установленной минимальной зарплатой по стране наблюдается именно в Кыргызстане, что в условиях экономического кризиса приводит к социальным потрясениям (таблица 2).

Однако, несмотря на высокие заработные платы, качество работы чиновников не удовлетворяет население во всех рассматри-

---

¹ Закон Кыргызской Республики «О государственной службе». http://www.mkk.gov.kg/index.php?option=com_content&view=article&catid=114:2012-07-18-02-21-12&id=1075:2012-07-16-11-08-51.

² *Сатаров Г., Левин М., Головощинский К., Римский В.* Заработная палата и коррупция: как платить российским чиновникам. <http://emsu.ru/me/default.asp?c=1255&p=2>.

³ *Соловьев Е.* Кошельки высокого полета. <http://www.rg.ru/2012/09/19/china.html>.

Таблица 2 – Сравнительная таблица заработной платы высокопоставленных госслужащих и минимальной зарплаты граждан региона СНГ

Страна	Средняя зарплата госслужащих (в год)	Минимальная зарплата по стране (в год)	Разница
Кыргызстан	6 294 USD	211 USD	29,8
Казахстан	19 661 USD ¹	1 467 USD ²	13,4
Таджикистан	1 261 USD ³	201 USD	6,25
Россия	22 497 USD	2 054 USD ⁴	11

¹ Казахские госслужащие получают от 250 тысяч тенге и выше. <http://www.meta.kz/novosti/economy/749111-kazahstanskije-gosslužhaskie-poluchayut-ot-250-tysyach-tenge-i-vyshe.html>.

² Там же.

³ Средняя зарплата в Таджикистане впервые превысила 100 долларов. <http://lenta.ru/news/2011/06/01/hundred>.

⁴ Минимальный размер оплаты труда. МРОТ. Россия. Изменения 2012, 2013. <http://www.assessor.ru/forum/?t=1486>.

ваемых государствах. В Кыргызстане в этом отношении важную роль играет отсутствие критериев оценки рабочей продуктивности чиновников, основанных на их профессиональных качествах или конкретных результатах труда, а также привязка заработной платы к определенной должности и выслуге лет¹. В результате, в соответствии с данными Национального статистического комитета, при небольшой разнице в средней зарплате в секторе государственного управления в 10717 сомов и средней заработной платой по республике в 10751 сом (например, в секторе образования – 8210 сомов, здравоохранения и предоставления социальных услуг – 9363 сома)², предпочтение отдается государственной службе, где фактически отсутствуют вакансии, ввиду того, что она ассоциируется не столько с уровнем заработной платы и уровнем профессионализма, сколько с возможностью использовать свое служебное положение. Отсюда такой размах коррупции среди отечественных чиновников. Кроме того, государственная служба может стать определенным трамплином в успешном бизнесе – «синдром вращающейся двери»³.

Сложившаяся ситуация во многом детерминирована влиянием советского прошлого. После распада СССР и с оформлением новых институтов государственной власти, основанных на иных подходах к выстраиванию отношений по линии государство – общество, а также внутренней структуре и целях, должен был поменяться и облик чиновника. Он должен был стать, в первую очередь, профессиональным экспертом, советником в принятии решений. Однако корпоративный дух государственных служащих остался прежним, а составление планов и ве-

---

¹ Закон Кыргызской Республики «О государственной службе». http://www.mkk.gov.kg/index.php?option=com_content&view=article&catid=114:2012-07-18-02-21-12&id=1075:2012-07-16-11-08-51.

² Зарплата работников по видам экономической деятельности. http://stat.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=35&Itemid=101. (1 октября 2012)

³ *Оболонский А.В.* Бюрократия для XXI в. Модели государственной службы – Россия, США, Англия, Австралия. http://ecsocman.hse.ru/data/457/681/1219/Bur_dlya_XXI_veka.pdf

дение статистики – основным типом трудовой деятельности. Следствием этого является неэффективная система органов государственного управления, которые подвергаются постоянным пертурбациям: одни министерства ликвидируют, другие объединяют, третьи воссоздают.

Таким образом, в Кыргызстане система оплаты труда государственных служащих имеет гибридный характер, при котором уровень заработной платы, в отличие от стран Запада, не мотивирует чиновников на более качественную работу. Происходит это потому, что в ней, при предоставлении полномочий по определению общей численности и условий оплаты труда государственных служащих высших государственных органов отсутствуют критерии оценки результативности их труда; не регламентированы возможные размеры надбавок и, как следствие, неясна структура заработной платы, которая находится в тесной привязке к должности и выслуге лет. В итоге, несмотря на то, что уровень средней заработной платы чиновника несколько ниже, чем средняя зарплата по стране, государственный сектор не испытывает недостатка работников из-за ассоциации должности не с заработной платой, а с возможностью выгодно использования своего должностного положения, что сказывается на эффективности работы государственных институтов в целом. Вкупе с большим разрывом между средней заработной платой высокопоставленного чиновника и установленной минимальной зарплатой по стране, такой механизм функционирования бюрократической машины государства становится одной из причин социальной нестабильности.

И.В. Халанский
зав. кафедрой политологии КРСУ
канд. ист. наук, доцент

О ТЕНДЕНЦИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В настоящее время при разрешении международных споров Совет Безопасности ООН действует в тесном сотрудничестве с региональными организациями, пользуется их поддержкой в осуществлении своих невоенных и военных миссий. С другой стороны, региональные организации не могут предпринимать вооруженных действий без наличия санкции со стороны Совета Безопасности, за исключением случаев, попадающих под категорию коллективной самообороны.

Региональные системы коллективной безопасности представлены организациями на отдельных континентах и в регионах. Цели региональных систем те же, что и у ООН, но существует ограничение – деятельность организации должна затрагивать интересы только государств региона и решать вопросы на территории своего региона.

Региональное сотрудничество в области безопасности не может полностью заменить действия государств или решения Совета Безопасности ООН, но может их дополнять. Это явление, затронувшее большинство стран мира с 1990-х годов, регионализм и региональное сотрудничество стали характерными особенностями мировой политики¹.

---

¹ *Бейлс А.Дж.К.* 40 лет исследований мира и международной безопасности // Ежегодник СИПРИ. 2006: Вооружение, разоружение и международная безопасность. М.: Наука, 2007. С. 23.

Окончание «холодной войны» и развитие глобализации инициировало в 1990-х годах так называемый «новый» регионализм с образованием ряда структур по региональному сотрудничеству: Соглашения о Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА), Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) и др. Важной частью этого развивающегося процесса стало сотрудничество в сфере безопасности. Такие институты, как НАТО, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Региональный форум АСЕАН (РФА) являются, прежде всего, организациями по проблемам безопасности. Безопасность – существенный аспект деятельности большинства таких универсальных региональных организаций, как ЛАГ, АС и ОАГ. Это же касается ряда менее крупных групп регионального (и субрегионального) уровня: Сообщества развития Юга Африки (САДК), Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) и пр.

Многие региональные и субрегиональные организации преодолевают разрыв между традиционными определениями безопасности и более широкими ее концепциями, включающими вопросы демократии, прав человека, экономики и защиты окружающей среды. Способствуя интеграции своих членов, региональные институты, являющиеся, прежде всего, экономическими организациями и не играющие явной роли в решении вопросов безопасности, тем не менее, подспудно содействуют обеспечению стабильности, предупреждению конфликтов и укреплению жизнеспособности своих членов. Это было наиболее очевидно на раннем этапе европейской интеграции. Возможно, сегодня то же самое можно сказать о таких структурах, как АТЭС и Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР).

Региональное сотрудничество постоянно развивается, охватывая весь спектр проблем безопасности. Оно начинает комбинировать инструменты, связанные с безопасностью и не связанные с ней, в стратегических и практических целях. Аналитики

выделяют четыре модели регионального сотрудничества в области безопасности: альянсы (союзы), коллективная безопасность, режимы безопасности и сообщества безопасности¹.

1. Альянсы – одна из старейших форм международного сотрудничества как для защиты от общих внешних и внутренних угроз и противников, так и для нападения, как правило, в военном смысле, на общего врага. В альянсах сотрудничество является скорее средством достижения цели, чем благом самим по себе, членство в альянсе закрыто для противника. В силу этих своих характеристик на практике альянсы зачастую оказывают негативное влияние на международную безопасность: даже сугубо оборонный альянс может скорее вызывать, чем вытеснять у окружающих чувство исходящей от него угрозы, усиливать напряженность, закреплять разделительные линии, участвовать в соревновательных наращиваниях военных потенциалов.

Альянсы, направленные против внутренних врагов (будь то «отклонившееся» государство или религиозные, этнические группы), могут способствовать радикализации последних и стимулировать их к поискам внешней поддержки. С другой стороны, альянс может, по крайней мере, уменьшить вероятность войны между его членами, способствуя возникновению доверия, избеганию и решению конфликтов и развитию сотрудничества в сферах, не связанных с безопасностью.

2. Коллективная безопасность, впервые апробированная в рамках Лиги наций и позже – Организации Объединенных Наций, была направлена на предотвращение и ограничение войны за счет обеспечения гарантированного ответа на любой акт агрессии и угрозу миру среди своих членов. Для выполнения этой задачи любая подобная система должна включать все государства региона или мира, она направляет свое внимание вовнутрь, на действия государств-членов.

Общеизвестно, что такие системы никогда не выполняли свою задачу безупречно из-за трудностей при выработке кол-

---

¹ Ежегодник СИПРИ. 2006: Вооружения, разоружение и международная безопасность. С. 207–208.

лективных решений и коллективной воли противодействовать нарушителям, и эта проблема усложняется по мере увеличения количества членов. Опыт показывает, что система коллективной безопасности исправно работает в том случае, если достигнут консенсус между мировыми державами, однако она оказывается неэффективной перед широкомасштабными угрозами, включая конфликты между самими мировыми державами¹.

3. Третий вид сотрудничества в сфере региональной безопасности – это режим безопасности². Режимы характерны для таких сторон международной деятельности, непосредственно не связанных с проблемами безопасности, как регулирование международной торговли и перевозок. Они определяют, в основном, коллективные положительно выраженные нормы поведения государств и часто указывают на способы выполнения, содействия в выполнении и контроля над выполнением этих норм.

Режим безопасности может содержать такие ясные предписания, как неиспользование силы и уважение чужих границ, либо более конкретно регулировать типы и условия применения оружия и такие виды военной деятельности, как военные перевозки. Некоторые региональные организации, в частности ОБСЕ и ряд инициатив государств Латинской Америки, могут быть расценены как режимы региональной безопасности. К данным режимам могут быть отнесены такие региональные меры по контролю над вооружениями, как договоры о безъядерных зонах или Договор об обычных вооруженных силах в Европе 1990 года (ДОВСЕ)³.

Ценность данного вида сотрудничества зависит от того, насколько выполняются нормы режима. В настоящее время обсуж-

---

¹ Ежегодник СИПРИ. 2006: Вооружения, разоружение и международная безопасность. С. 208.

² *Jervis R. Security regimes // International Organization. Vol. 36. 1982. № 2. Spring. Pp. 357–378.*

³ *Lachowski Z. The Adapted CFE Treaty and the Admission of the Baltic States to NATO // SIPRI Policy Paper. № 1. SIPRI: Stockholm, 2002. <http://www.sipri.org>.*

даются такие меры, необходимые для гарантированного соблюдения режимов, как функционирование внутренних силовых структур, институционализация, стимулы к соблюдению и санкции за нарушение.

4. Сообщество в сфере безопасности определяется как группа государств, среди которых существует «абсолютная уверенность в том, что члены этого сообщества не будут физически воевать друг против друга, а будут решать свои конфликты иными средствами»¹.

Сообщество предполагает более интенсивное, продолжительное и обширное взаимодействие, чем все вышеупомянутые модели регионального сотрудничества. Начав с устранения рисков возникновения конфликтов внутри группы, сообщество может приобрести силу, превышающую сумму потенциалов его участников, для решения задач в сфере безопасности, которые шире, чем просто предупреждение отдельных негативных моментов.

«В этом отношении наблюдается уникальная ситуация в мировой политике, когда благодаря институционализации межгосударственных отношений удалось на долгосрочный период преодолеть дилемму безопасности и начать продолжительное сотрудничество на базе мирного и устойчивого решения проблем. В свете изложенного, процесс европейской интеграции принес с собой два решающих результата: мир за счет интеграции и польза всеобщего благосостояния, ставшего возможным благодаря готовности отдельных государств уступить суверенную власть и интегрироваться»².

Опыт ЕС демонстрирует устранение конфликтов между государствами, но не внутри них (пример этому Северная Ирландия и Страна басков). Стремление таких сообществ ослабить внутренние границы может привести к их уязвимости перед «транснациональными» угрозами (например, терроризмом, криминаль-

---

¹ *Deutsch K.W.* Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience // Greenwood Press. N.Y., 1969. P. 5.

² *List D.* Regionale Kooperation in Zentralasien Hindernisse und Möglichkeiten: дис. ... д-ра наук. D. List. Гиссен, 2004. С. 67–68.

ным товарооборотом и эпидемиями). На их повестке дня – противодействие новым вызовам безопасности, как только прежние будут урегулированы, и в особенности ощущение потребности начать «экспорт профицита» своей безопасности другим, в частности, в виде миротворческих миссий.

Эти четыре модели могут использоваться при объяснении природы сотрудничества в сфере безопасности, в поисках перспективных форм такого сотрудничества.

Как отмечают многие исследователи, создание сообществ государств в сфере безопасности тесно связано с достигнутой степенью их интеграции в других сферах. Различаются следующие стадии регионального интеграционного процесса: зона экономического благоприятствования, зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз и политический союз¹.

Зона экономического благоприятствования – предмет договорного соглашения между несколькими странами о создании режима благоприятствования для некоторых видов товаров во взаимном торговом обороте. Такой режим может создаваться в порядке установления более низких ставок таможенных платежей для данных товаров.

Свободная экономическая зона означает упразднение торговых ограничений для всего торгового оборота между договаривающимися странами. На этой стадии еще не существует согласованной торговой политики в отношении третьих стран.

Таможенный союз не просто ликвидирует внутренние торговые ограничения, но и дополнительно предусматривает введение единых внешних таможенных пошлин в отношении третьих стран. Договаривающиеся партнеры могут совместно создавать унифицированные протекционистские барьеры в отношении третьих стран.

Общий рынок, как правило, поднимает ограничивающуюся свободным товарооборотом свободную экономическую зону

---

¹ *Иномжонов Х.* Региональное институциональное сотрудничество в Центральной Азии // История и самосознание IV: региональная интеграция и история. Ташкент, 2008. С. 263.

и таможенный союз на уровень свободного обращения капитала между партнерскими государствами, создавая в них режим свободного перемещения рабочей силы и свободной локализации предпринимательства.

Экономический союз гарантирует свободную торговлю и свободное перемещение производительных сил, а также предусматривает обязательные совместные действия во всех сферах экономической политики. Так, экономический союз порождает единый внутренний рынок для всех участвующих сторон и обеспечивает упрощение макроэкономических условий.

Валютный союз осуществляется при помощи абсолютной фиксации двусторонних обменных курсов или принятия общей валюты. Он улучшает атмосферу конкуренции на рынке товаров и рабочей силы, а также приводит к экономии транзакционных расходов во внутренней торговле стран-участниц.

Политический союз должен считаться высшей ступенью региональной интеграции, находясь на которой страны договора проводят сближение своей внутренней, внешней, оборонной политики и политики национальной безопасности. Такого сближения можно достичь или в порядке гармонизации, или в порядке создания наднациональных политических структур¹.

На сегодняшний день реальная региональная интеграция, да и то с большими оговорками, наблюдается только в Западной Европе. Однако попытки создания тесного многостороннего сотрудничества между несколькими государствами предпринимаются практически во всех уголках мира. Примеры интеграционных процессов в других регионах мира дают основания для терминологической дифференциации и введения понятия процесса регионального сотрудничества.

В отличие от интеграции, региональное сотрудничество представляет собой форму многостороннего сотрудничества с менее жесткими обязательствами, ориентированную лишь на взаимную адаптацию определенных политических целей и не

---

¹ *Welfens J.J.P.* Grundlagen der Wirtschaftspolitik: Institutionen. Makroökonomik. Politikkonzepte. Берлин: Гейделберг, 2005. С. 554.

предусматривающую отказа от суверенных полномочий, как это обязательно происходит при интеграции. Приведенная дефиниция четко указывает на то, что, по сравнению с процессом региональной кооперации, процесс региональной интеграции находится на ином, более «высоком» качественном уровне. Однако, несмотря на качественные и структурные различия, обе формы сближения национальных государств обещают устойчивое сохранение мира и умножение благосостояния¹.

Можно обсуждать альтернативные способы классификации региональных структур, например, по их институциональным характеристикам и способам управления ими (уровень их институционализации, сущность зафиксированных процедур принятия решений, их коллективные органы и фонды, степень вовлечения негосударственных и местных субъектов и т.д.). Это, конечно, не ведет непосредственно к оценке полезности таких институтов с точки зрения безопасности, поскольку опыт показывает, что различные институциональные формы соответствуют различным аспектам безопасности в разных условиях.

На базовом уровне региональные институты безопасности служат в качестве структур, в рамках которых осуществляются коммуникации и диалог их членов. Регулярные встречи глав государств и правительств, министров, чиновников более низкого ранга и военных способствуют укреплению доверия между государствами, устранению недопонимания, развитию общности интересов и чувства общей идентичности, решению спорных вопросов.

Так, ЕС и его предшественники много сделали для преодоления исторической неприязни между государствами Западной Европы, в частности, Германией и Францией. Учреждение в 1991 году в Латинской Америке МЕРКОСУРа сыграло подобную роль в сближении Аргентины и Бразилии, вставших на путь нормализации отношений в 1980-х годах. Анализ причинно-следственных связей между институтами и изменившимися отношениями, конечно, спорен и проблематичен: можно

---

¹ *List D. Regionale Kooperation in Zentralasien – Hindernisse und Möglichkeiten*: дис. ... д-ра наук. D. List. Гиссен, 2004. С. 62–71.

рассматривать решение конфликтов и как фактор, способствующий развитию регионального сотрудничества, и как его результат¹.

В прошлом существовало четкое различие между организациями, функцией которых были оборона и другие аспекты безопасности, и теми, которые таких функций не имели. НАТО представляла собой военную структуру, а Европейское сообщество (предшественник ЕС) – гражданскую, политическую и экономическую. Такое же разделение ролей было присуще их восточным аналогам – Организации Варшавского Договора и СЭВ. Пока действовали созданные по образцу НАТО Организация центрального договора (СЕНТО) и Организация договора о Юго-Восточной Азии (СЕАТО), они также играли в своих регионах чисто военную роль.

На мировом уровне ответственность за положение в сфере безопасности, которую несли ООН и особенно ее Совет Безопасности, была четко отграничена от двух других направлений: от сферы экономической компетенции Всемирной торговой организации, Всемирного банка и Международного валютного фонда с одной стороны, и от гуманитарных функций специализированных органов ООН – с другой.

Противоположная тенденция к соединению разных компетенций проявилась в 1970-е годы в концепции СБСЕ, где были сформированы три взаимодополняющих «корзины»: по вопросам военной безопасности, экономического сотрудничества и гуманитарная. Эта же тенденция присуща деятельности «Группы семи» наиболее развитых стран (Г-7, а с приемом России – Г-8), которая создавалась для координации экономической политики, однако со времени саммита 1983 года в Вильямсбурге стала определять совместные позиции по стратегическим вопросам, таким, как вопросы ядерной политики. В настоящее время внимание «Группы восьми» настолько сместилось в сторону вопросов безопасности, что, по некоторым сообщениям, Германия, перед сам-

---

¹ *Hafendorn H., Keohane R.O., Wallander C.A.* Imperfect Unions: Security Institutions over Time and Space. Oxford: Oxford University Press, 1999.

митом 2005 года в г. Глениглз, протестовала против отсутствия в проекте основной повестки встречи серьезных экономических вопросов¹.

С начала 1990-х годов прилагались значительные усилия географически распространить миротворческое влияние существующих долгое время региональных структур, занимающихся проблемами безопасности, в частности, в Европе и Азии. В Европе расширение ЕС и НАТО основывалось на мнении, что их успех в содействии созданию сообщества безопасности в Западной Европе может быть распространен теперь на страны Центральной и Восточной Европы.

В течение 1990-х годов ЕС и НАТО расширили круг своих членов при условии разрешения кандидатами конфликтов с пограничными странами, стимулируя, таким образом, центральные и восточно-европейские государства заключать договоры, закрепляющие существующие границы и гарантирующие права этнических меньшинств, создавать новые формы сотрудничества, к примеру, коллективные миротворческие силы и трансграничные экономические зоны. Вслед за «взрывным» расширением ЕС и НАТО в 2004 году эти организации столкнулись, вероятно, с более серьезным вызовом, связанным с передачей их интеграционной модели балканским государствам.

В 1990-х годах АСЕАН прошла в чем-то похожий процесс расширения: в 1995–1999 годах в нее вошли Камбоджа, Лаос, Вьетнам и, что было неоднозначным событием, Мьянма. В рамках процесса расширения эти четыре страны подписали Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (один из основных документов АСЕАН, 1976 год), который обязывает подписавшие договор стороны избегать разрастания конфликтов и отказаться от применения или угрозы применения силы для их решения².

Параллельно, в 1994 году был основан Региональный форум АСЕАН (РФА), что означало создание благоприятных условий

---

¹ *Williamson H., Blitz J.* Berlin pushes for focus on the world economy // *Financial Times*. 2005. 5 July. P. 2.

² <http://www.aseansec.org/1217.htm>

для диалога со странами, соседствующими с государствами-членами АСЕАН в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). С этого времени РФА стал признанным субъектом международной политики в регионе¹. В 2003 году был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве с Китаем. Это, бесспорно, важное достижение для разрешения существующих споров между Китаем и странами-членами АСЕАН по поводу Южно-Китайского моря².

Ряд региональных организаций разработал подробные и жесткие механизмы по предотвращению, управлению и разрешению конфликтов. К примеру, со времени окончания «холодной войны» ОБСЕ использует временные миссии и специальных посланников в районах возможных и реальных конфликтов, а также через Верховного комиссара по делам национальных меньшинств, что помогает избегать или разрешать конфликты с участием этнических меньшинств.

Таким же образом Африканский союз создал новые инструменты для разрешения конфликтов. Комиссия АС включает Комиссара по делам мира и безопасности, Дирекцию по миру и безопасности с Центром по разрешению конфликтов и Систему раннего оповещения. Комиссии помогает Группа мудрецов (из пяти «наиболее уважаемых африканцев»), в задачу которой входит консультационная деятельность и оказание поддержки³. Со времени своего основания в 2002 году АС был вовлечен в ряд политических посреднических миссий по решению внутренних конфликтов в государствах-членах (на Коморских Островах и Мадагаскаре, в Кот-д'Ивуаре, Сомали и Судане). ОАГ имеет собственное подразделение по предот-

---

¹ *Khong Y.F.* The ASEAN Regional Forum: still thriving after all these years, Institute for Defence and Strategic Studies (IDSS) Commentaries № 46/2005, IDSS. Singapore. 27 July. 2005. <http://www.ntu.edu.sg/IDSS/publications/commenatries.html>

² Organization of American States, “The OAS and the inter-American system”. 2005. <http://www.oas.org/documents/eng/oasinbrief.asp>

³ *Williams R.* National defence reform and the African Union // SIPRI Yearbook 2004: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford: Oxford University Press, 2004. Pp. 231–250.

вращению и разрешению конфликтов, цель которого заключается в создании и функционировании механизмов предотвращения и разрешения конфликтов¹.

Общая внешняя политика и политика безопасности ЕС (ОВПБ ЕС) является примером наиболее развитой региональной концепции, которая, выйдя за рамки внутренних миротворческих целей, применяется для внешнего использования моделей коллективного действия, помогающих, между прочим, избегать и разрешать конфликты за пределами ЕС.

Региональное военное сотрудничество исторически сфокусировано либо на взаимодействии сторон, вызванном внешним противником и направленном против него, либо на попытке ограничить риски подобной конфронтации через соглашения по контролю над вооружениями и создание мер по укреплению доверия и безопасности (МУДБ).

Наиболее развитыми являются МУДБ, принятые в рамках ОБСЕ и его предшественника – Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ)², а также ДОВСЕ и соглашений о безъядерных зонах в различных регионах мира. Совсем недавно страны ОДКБ приняли ряд соглашений, ограничивающих вооруженные силы в приграничных районах³. Другие региональные организации заинтересованы в более лимитированных дискуссиях о контроле над вооружениями, МУДБ и транспарентности в военной сфере.

В 2002 году по инициативе неправительственного Международного института стратегических исследований (IISS) был основан так называемый «Диалог Шангри-Ла», впервые объединивший вместе министров обороны и высокопоставленных со-

---

¹ Organization of American States, Department of Democratic and Political Affairs, Office for the Prevention and Resolution of Conflicts, “Work plan 2005”, Washington. DC. 2005. http://www.ddpa.oas.org/oprc/work_plan.htm.

² *Lachowski Z.* Confidence and Security-Building Measures in the New Europe // SIPRI Research Report № 18. Oxford: Oxford University Press, 2004.

³ *Trofimov D.* Arms control in Central Asia / A.J.K. Bailes et al. // Armament and Disarmament in the Caucasus and Central Asia: SIPRI Policy Paper № 3. <http://www.sipri.org>

трудников силовых ведомств из государств Азии и Тихоокеанского бассейна¹. С этого времени РФА начал осторожно развивать ограниченный диалог и сотрудничество между вооруженными силами государств-членов².

Гуманитарная помощь, миротворческие операции и (более спорное) принуждение к миру – вот основные функции нового регионального военного сотрудничества³. Как было документально зафиксировано в Ежегоднике СИПРИ, после окончания «холодной войны» как НАТО, так и ЕС оказались вовлечены в различные ситуации вмешательства в конфликты по всему миру. Обе организации обладают инструментами, которые позволяют странам, не имеющим членства в этих организациях, присоединяться к коалициям, создаваемым для каждой отдельной операции.

После завершения «холодной войны», демонстрируемая «Группой семи/восьми» переориентация с первоначально экономических и других гражданских проблем на вопросы безопасности, стала фактически моделью, заметно повлиявшей на многие другие регионы и организации. Классическим примером может служить ЕС: ему потребовалось десять лет после падения Берлинской стены (до решений Хельсинкского саммита в декабре 1999 году)⁴, чтобы впервые заявить о своей компетенции в военной сфере, однако вопросами управления региональной, глобальной, внутренней и «человеческой» безопасностью Евросоюз занимался задолго до этого.

---

¹ <http://www.iiss.org/shangri-la.php>

² ASEAN Regional Forum, “21 nation attend ASEAN works hop on disaster”. News release, 13 Sep. 2005. <http://www.aseanregionalforum.org/Default.aspx?tabid=50>

³ *Cottey A., Bikin-kita T.* The military and humanitarianism: emerging patterns of intervention and engagement. Overseas Development Institute (ODI), Humanitarian Policy Group, Monitoring Trends 2004–2005: Resetting the Rules of Engagement. London, 2006. P. 21–38.

⁴ Council of the European Union, “Presidency conclusions”, Helsinki European Council, 11–12 Dec. 1999. http://europa.eu.int/council/off/conclu/dec99/dec99_en.htm.

В Азии АСЕАН и Организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) проводят, начиная с 2001 года, четкую политику, направленную против терроризма и распространения ОМУ. К 2005 году АСЕАН уже предлагала направить свои миротворческие силы в индонезийскую провинцию Ачех. Когда в 2001–2002 годах Организация африканского единства (ОАЕ) преобразовалась в Африканский союз (АС)¹, новая организация совершенно естественным образом восприняла мандат, который органически сочетал цели урегулирования конфликтов и укрепления безопасности с экономическим развитием и эффективным управлением².

Даже чисто экономические организации начали проводить политику противодействия экономическим злоупотреблениям, представляющим одновременно угрозу безопасности. Примерами такого рода могут служить Специальная финансовая комиссия (ФАТФ) при Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), отслеживающая отмывание преступных денег и финансирование терроризма, недавняя инициатива Международной морской организации по усилению мер безопасности в портах и на контейнерных терминалах в целях противодействия угрозе распространения ОМУ и ряд других случаев.

Тенденция вовлечения в сферу безопасности все новых и новых участников требует от ООН универсальной системы безопасности и оценки её эффективности. А. Дж. К. Бейлс и Э. Конти отмечают: «Политика по отношению к существующим организациям и усилия по созданию новых организаций будут успешны в том случае, если будет разработана более объективная оценка методов их деятельности. В качестве отправного пункта для дальнейшей работы могут быть предложены

---

¹ Конституционный акт Африканского союза вступил в силу с 26 мая 2001 года, но его официальная инаугурация состоялась на саммите АС, проходившем в Дурбане 9–10 июля 2002 года.

² *Adisa J.* The African Union: the vision, programmes, policies and challenges // SIPRI Yearbook 2003. P. 79–85. *Williams R.* National defence reform and the African Union // SIPRI Yearbook 2004. P. 231–249.

пять соответствующих критериев: а) имеет ли место принуждение к сотрудничеству и подчинение кому-то одному из членов; б) ведет ли сотрудничество к антагонизму в отношениях с окружающим миром; с) является ли оно жестким и статичным; d) является ли оно искусственным и поверхностным; е) работоспособно ли оно с точки зрения менеджмента использования ресурсов»¹.

---

¹ *Бейлс А.Дж.К., Конти Э.* Региональное сотрудничество в сфере безопасности в начале XXI века // Ежегодник СИПРИ. 2006: Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: Наука, 2007. С. 225.

И.В. Халанский

зав. кафедрой политологии КРСУ

канд. ист. наук, доцент

СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

С институциональной точки зрения, международная безопасность представляет собой систему совместных действий государств, предпринимаемых для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира. Существуют универсальная (глобальная) и региональные системы поддержания международной безопасности. В настоящее время многие аналитики говорят о кризисе этих систем, проявляющемся в снижении их роли и переходе к применению вооруженных сил на основании решений отдельных государств, что оценивается как опасная тенденция, в перспективе способная существенно уменьшить значение и эффективность политических инструментов разрешения кризисных ситуаций и значительно понизить порог применения военной силы. «Такие события, как война НАТО против Югославии в 1999 году и США против Ирака в 2003 году поставили вопрос о взаимодействии институтов, в основу которых положен принцип суверенитета, и институтов, основывающихся на принципе верховенства прав человека»¹.

Международная безопасность является важнейшей характеристикой международных отношений. Оценка степени и способов обеспечения международной безопасности, а также рекомендации по ее построению зависят от теоретических подходов (парадигм) различных исследовательских школ к пониманию

---

¹ Сафонов М. Современные подходы к изучению международных отношений. http://www.intertrends.ru/curent_issue.htm

природы и характера международных отношений. Для того, чтобы определиться с методологической основой проблемы, необходимо рассмотреть концептуальные возможности каждой из трех основных парадигм современной политической науки: реалистскую (включающую классический реализм и неореализм), либералистскую (традиционный идеализм и неолиберализм) и неомарксистскую.

Реалистская парадигма в течение длительного периода времени занимала господствующее положение в теории и практике международных отношений¹, поскольку отражала соотношение сил в мире после второй мировой войны, в период холодной войны и конфронтации сторон в биполярном мире. Суть реалистского подхода заключается в понимании мировой политики как бескомпромиссной борьбы государств за власть². Как отмечает С. Уолт, «столь долгое доминирование парадигмы определялось тем, что реализм выдвигал простые, но весомые объяснения войны, создания альянсов, империализма, препятствий для сотрудничества и других международных явлений, а также потому, что его акцент на конкуренции соответствовал центральным событиям американо-советских отношений»³.

Основными для теории политического реализма, одним из самых авторитетных представителей которой является Г. Моргентау, выступают «понятие интереса, определенного в терминах власти», и связанные с ним понятия баланса сил, геополитической стратегии и т.п. «Международная политика, подобно любой другой политике, есть борьба за власть; какой бы ни была конечная цель международной политики, ее непосредственной целью всегда является власть»⁴, – пишет Г. Моргентау.

¹ Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002. С. 26.

² Моргентау Г. Политические отношения между нациями: Борьба за власть и мир // Политология: Хрестоматия. М., 1999.

³ Walt S.M. International relations: one world, many theories // Foreign Policy. 1998. Spring.

⁴ Моргентау Г. Международная политика // Антология мировой политической мысли. Т. 2. М., 1997. С. 24.

Согласно англосаксонскому пониманию политического реализма, принципиальными действующими акторами на мировой арене являются суверенные государства, поведение которых обусловлено анархией¹ или отсутствием всемирного правительства. В этой ситуации каждое государство вынуждено предпринимать самостоятельные меры для обеспечения своей безопасности, бороться за рост своего влияния в мире во имя реализации национального интереса. Одним из средств борьбы выступает эффективная дипломатия, но решающее слово остается за военной силой.

В рамках указанной парадигмы главным является изучение межгосударственных конфликтов и войн, а ее центральной проблемой – проблема безопасности. Безопасность рассматривается, прежде всего, в ее военно-силовом и государственно-центристском виде. В этом случае внимание концентрируется на «дилемме безопасности»², в соответствии с которой, чем большей безопасности добивается для себя одно государство (или один союз государств), тем в меньшей безопасности оказывается другое государство (или союз).

«Дилемма безопасности» разрабатывалась в рамках теории политического реализма, принципы которого были сформулированы Г. Моргентау в работе 1948 года «Политические отношения между государствами. Борьба за власть и мир»³. Классический реализм основывался на идее о том, что поведение государства подобно поведению человека, эгоистичного по своей природе. Таким образом, утверждалось, что внешняя политика государств и международные отношения в целом определяются эгоистичной природой государств, стремящихся к господству.

Ключевые положения теории состоят в том, что «сила – это фундаментальное преимущество в международных отношениях,

---

¹ Bull H. The Anarchical Society. A Study Order in World Politics. New York, 1977.

² Posen B. The Security Dilemma and Ethnic Conflict // Survival. 1993. Vol. 35 (1). P. 28.

³ Моргентау Г. Международная политика // Антология мировой политической мысли. Т. 2. М., 1997. С. 36.

национальные интересы – ведущие принципы политиков, баланс сил – средство реализации данных интересов без ведения войны и государства – единственно значимые акторы в этой великой драме»¹.

В теории международных отношений «дилемма безопасности» объясняет поведение государств мерами самопомощи, используемой ради безопасности и процветания в анархической международной системе. При отсутствии институтов, способных контролировать соблюдение норм международного права, государства стремятся к присвоению большей власти и повышению таким путем уровня своей безопасности.

«Дилемма безопасности» возникает потому, что государство воспринимает меры защиты другого государства, как угрозу своей безопасности, и реагирует соответствующим образом. По мнению Ю. Давыдова, «дилемма безопасности» предполагает, что спираль «действие – противодействие» может раскручиваться двумя или несколькими странами таким образом, что каждая из них, затрачивая все большие усилия и суммы на оборону, не повышает уровень своей безопасности, а, возможно, снижает его. Все вертится быстрее, но защищенность остается прежней, либо даже уменьшается»². Логика «дилеммы безопасности» заключается в том, что в намерения государств, стремящихся к безопасности, не входило создание для себя внешних угроз.

Приверженцы парадигмы классического политического реализма исходили из того, что невозможно построение международного порядка, основанного на правовых нормах, коллективной безопасности и решающей роли наднациональных организаций³. Никто, кроме самого государства (в лице его политического руководства), не заинтересован в его безопасности, укрепление которой – а, следовательно, и усиление государства, его власти как

---

¹ *Nelson D.N.* Great powers and world peace // *World security: Challenges for a new century.* N.Y., 1994. P. 29.

² *Давыдов Ю.П.* Нормы против силы. М., 2002. С. 21.

³ *Cooper R.* Is there a New World Order? // *Prospects for Global Order / Ed. by Seizaburo Sato and Trevor Taylor.* Vol. 2. London, 1993. P. 8.

способности оказывать влияние на другие государства – остается главным элементом его национальных интересов.

По мнению реалистов, в обществе, в котором отсутствует верховная власть, главная функция закона заключается в содействии установлению верховенства силы и иерархии, основанной на применении власти. И во многих случаях международное право служит именно этим целям. Подобное может быть сказано и относительно международной морали: государство видит ее главное назначение не в том, чтобы она контролировала его собственное поведение, а в том, чтобы служила силовым оружием против потенциальных и реальных врагов¹.

Не отрицая необходимости создания гармоничного и мирного международного порядка, основанного на демократии, универсальных ценностях и верховенстве права, политические реалисты настаивали на том, что в современном мире одной из главных особенностей международной политики является постоянное стремление великих держав к сохранению существующей на мировой арене ситуации – в том случае, если они считают ее благоприятной для своих интересов, или же – к ее изменению в свою пользу, если она воспринимается как противоречащая таким интересам. В свою очередь, это приводит к особой конфигурации международных отношений, называемой балансом сил, и, соответственно, к политике, направленной на поддержание этого баланса².

Таким образом, основными закономерностями международных отношений согласно теории политического реализма являются: бесспорная и приоритетная роль государства как главного и, по сути, единственного международного актора; обусловленность внешней политики государств национальными интересами; сила (прежде всего, военная) как главный инструмент достижения целей; решающая роль великих держав в мировой политике;

---

¹ International Order and the Future of World Politics / T.V. Paul and J. Hall (eds). Cambridge. New York: Cambridge University Press, 1999.

² Баланс сил в мировой политике: Теория и практика / под ред. Э.А. Позднякова. М., 1993.

баланс сил как средство поддержания международной стабильности и главный регулятор международного порядка¹.

Концепции и принципы классического реализма в середине XX века перестали давать удовлетворительные объяснения новым явлениям в международных отношениях, прежде всего, таким, как развитие международного сотрудничества и интеграционных тенденций.

С окончанием холодной войны авторитет политического реализма был серьезно поколеблен. Некоторые из представителей реализма даже стали называть себя «либеральными реалистами», или же «утопическими реалистами», показывая тем самым готовность к определенному пересмотру ряда положений реалистической парадигмы, в том числе и положения об анархичности природы международных отношений. Не подвергая сомнению реалистический тезис о радикальном отличии политических взаимодействий в рамках государства и на международной арене, сторонники либеральной парадигмы в то же время считают, что в целом природа международных отношений меняется в сторону «зрелой анархии», в рамках которой западные либерально-демократические государства способны играть роль гаранта международной безопасности, а достижения прогресса становятся доступными для всех, в том числе слабых государств и рядовых индивидов².

С точки зрения сторонников либеральной парадигмы, отношения между развитыми демократическими странами Азии, Северной Америки, Океании и Западной Европы трудно характеризовать как строящиеся по принципу «помоги себе сам». Многие якобы неизбежные последствия анархии были по большей части преодолены благодаря целому комплексу институтов, которые управляют межгосударственными отношениями и обеспечивают механизмы принятия решений. Эти институты отражают существование межгосударственного консенсуса

---

¹ Цыганков П.А. Международные отношения. М., 1996.

² Nelson D.N. Great powers and world peace // World security: Challenges for a new century. N.Y., 1994. P. 29.

и помогают поддерживать его, используя взаимные консультации и компромиссы, смягчающие последствия фактического неравенства государств¹.

Более того, некоторые из неолибералов полагали, что наступил момент для нового витка в развитии мирового сообщества, и что с прекращением борьбы Запада с Востоком наконец-то стало возможным развитие международных отношений на основе идеалистических концепций. Идеи сотрудничества, по их мнению, имеют больше шансов на успех, чем классические взгляды реалистов на конфликт².

Другие сторонники либеральной парадигмы стремились исследовать характер и долговременные тенденции происходящих изменений. Так, Дж. Розенау подчеркивал, что в рамках возникающей сегодня новой, «постмеждународной» политики контакты между различными структурами и акторами осуществляются принципиально по-новому. На наших глазах рождается и уже существует наряду с традиционным миром межгосударственных взаимодействий «второй, полицентричный» мир, мир «постмеждународных» отношений. Он характеризуется хаотичностью и непредсказуемостью, искажением идентичностей, возникновением новых авторитетов, переориентацией лояльностей³. При этом базовые структуры «постмеждународных» отношений как бы расщепляются между этатистским и полицентрическим мирами, которые влияют друг на друга, но не находят и не могут найти подлинного примирения между собой.

Однако критики либерализма указывают, что если тот факт, что западные демократии не имеют никакого желания сражаться друг с другом, возможно, отчасти подтверждает тезис о «зрелой анархии», то это не относится к отношениям между ними

---

¹ Governance in a Globalizing World / J. Nye, J. Donahue. Washington: Brookings Institution Press, 2000.

² The Rise of Neoliberalism and Institutional Analysis / J. Campbell, O. Pedersen. Princeton: Princeton University Press, 2001.

³ Розенау Дж. Мировая политика в движении: теория изменений и преемственности. М., 1992.

и остальным миром. Они подчеркивают отсутствие каких-либо гарантий того, что богатые и сильные демократические державы станут помогать более слабым государствам в других регионах, когда возникнет угроза их безопасности.

Проблема закономерностей международных отношений остается одной из наиболее дискуссионных в науке. С точки зрения неолибералов, эти закономерности никогда не были бесспорными, а в последние десятилетия и вовсе утратили свою достоверность. Как считает Дж. Най, сегодня во многих областях международных отношений частные субъекты и небольшие государства располагают гораздо большими возможностями, чем раньше. Одновременно снижаются возможности великих держав использовать традиционные силовые потенциалы для достижения своих целей. Сила становится все менее применяемой, менее осязаемой и менее принудительной¹. Б. Бади и М.–К. Смутс пишут, что мир 90-х годов находится в поисках новых отношений и новых субъектов. Закономерность национального интереса теряет свое прежнее значение. Многие современные элементы силы ускользают от государственного авторитета, оставляя межгосударственной системе очень мало средств эффективного влияния на происходящие процессы, заставляя прибегать к опосредованным и всегда дорогостоящим способам принуждения. Современные международные отношения дают все меньше оснований рассматривать их как межгосударственные взаимодействия, ибо сегодня происходят существенные и, видимо, необратимые изменения в способах раздела мира, принципах его функционирования. Краеугольные понятия, отражавшие сами основы, на которых веками покоились различные исторические типы международного порядка, такие, как «безопасность», «территориальная неприкосновенность», «государственный суверенитет», «лояльность власти» либо теряют свой смысл, либо приобретают совершенно новое значение².

---

¹ *Най Дж. (младший)*. Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика // *Мировая экономика и международные отношения*. 1989. № 12. С. 39.

² *Booth K., Smith S.* Theory of International Relations today. Oxford, 1995. P. 47–52.

Основой всех этих новых тенденций в международных отношениях является закономерность возрастающей взаимозависимости мира под влиянием микроэлектронной революции, революции в средствах связи, транспорта и коммуникации. Результатом становится вторжение в сферу мировой политики новых, нетрадиционных акторов – неправительственных организаций¹, финансовых фирм, мультинациональных корпораций, частных групп, демографических потоков, мафиозных структур и рядовых индивидов². Государства уже не могут, как прежде, контролировать их деятельность, которая все чаще осуществляется в обход государственного суверенитета и вопреки ему. Поэтому монополия государства в международных отношениях разрушается, хотя оно продолжает претендовать на нее. Геостратегические приоритеты теряют смысл. Внутренняя и международная политика становятся все более взаимопроницаемыми, граница между ними стирается. Сужение полномочий национальных правительств, эрозия силовых отношений в международных отношениях и увеличение числа и многообразия «акторов вне суверенитета» создают новую картину взаимодействий на мировой арене. Международные отношения становятся все более транснациональными и все менее управляемыми. Отсюда сформулированный М. Никольсоном «парадокс участия». Он состоит в том, что, чем меньше количество и степень разнородности участников международных взаимодействий, тем более упорядоченной является система международных отношений и тем более предсказуемы действия отдельных участников и их последствия. Если же международные отношения пополняются новыми участниками, то прогноз, а, следовательно, и совершение эффективных действий становятся все более трудными³.

Итак, взаимозависимость и транснационализация международных отношений, утрата государством его прежней роли «за-

¹ Irie A. *Global Community. The Role of International Organizations in the Making of the Contemporary World*. Berkeley: University of California Press, 2002.

² *Журав М.* Индивиды в международной политике. М., 1996.

³ *Политическая наука: новые направления.* М., 1999. С. 211.

конодателя мод» во взаимодействиях на мировой арене, упадок значения силы, а, следовательно, и баланса сил как регулятора этих взаимодействий, рост числа и многообразия «актеров вне суверенитета» и обусловленный им «парадокс участия», стирание границ между внутренней и международной политикой – таков идейный вклад «транснационализма» в познание закономерностей международных отношений.

Еще одна теоретическая заслуга сторонников либеральной парадигмы заключается в выявлении такой структурной характеристики международной системы, как ее «режим»¹, т.е. совокупность регулирующих международных отношения формальных и неформальных принципов, норм, соглашений и процедур принятия решений. Это, например, правила, господствующие в международных экономических обменах, основой которых после 1945 года стала либеральная концепция, давшая жизнь совокупности таких международных институтов, как МВФ, ВБ, ВТО и др.

С критикой основных положений реалистической парадигмы выступает и неомарксизм, основным разработчиком которого является Иммануил Валлерстайн². Неомарксисты представляют мир в виде глобальной системы многообразных экономик, государств, обществ, идеологий и культур. Разобраться в этом сложном многообразии помогают базовые понятия «мир-система» и «мир-экономика».

Мир-система – это достаточно широкая социальная система со своими границами, структурами, группами как ее элементами, правилами легитимизации и внутренней соподчиненностью. Она обладает характеристиками живого организма, в частности, определенной продолжительностью жизни, в течение которой одни ее свойства изменяются, а другие остаются стабильными.

Согласно мир-системной теории, развитие капитализма проходит циклы экспансии и стагнации, которые начинаются с момента его зарождения в Европе. Сначала под эту цикличность

---

¹ Globalization and Human Rights / A. Brysk. Berkeley, 2002.

² Валлерстайн И. Анализ мировой системы и ситуация в современном мире. СПб., 1991.

подпадает относительно небольшая европейская территория, затем она распространяется на весь мир. В результате развития капитализма, страны (в зависимости от экономических показателей) разделились на три группы: центр («ядро»), периферию и полупериферию. Страны «ядра» с более высоким жизненным уровнем доминируют над остальными. При этом периферия и полупериферия пытаются сопротивляться, поднимая различного рода восстания. И. Валлерстайн полагает, что «лидеры Октябрьской революции считали себя организаторами первой пролетарской революции в современной истории. Точнее было бы сказать, что это было одно из первых, возможно, наиболее драматических национально-освободительных восстаний на периферии и полупериферии мир-системы»¹.

Представители мир-системной школы убеждены, что развитие «ядра» осуществляется за счет остальных стран, это ведет к росту опасности и международным конфликтам. Мир-системная теория подчеркивает продолжение борьбы между империалистическими странами центра, но отмечает общность их целей, обусловленную наличием дешевой рабочей силы, рынка сбыта, недорогих ресурсов и доминирования в отношениях с периферией². Эта теория обращает особое внимание на поляризацию, проходящую в настоящее время по линии «богатый Север – бедный Юг» и ведущую к потенциальным конфликтам.

Понятие *мир-экономика* отражает не столько сумму экономических отношений в мире, сколько самую обширную систему взаимодействия международных акторов, ведущую роль в которой играют экономически наиболее сильные. Основные черты мир-экономики – это всемирная организация производства, рост значения ТНК в мировом хозяйственном развитии, усиливающаяся координация производственных комплексов, интернационализация капиталов и уменьшение возможностей государственного

---

¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2004. С. 153.

² Фурсов А.И. Мир-системный анализ: интерпретация послевоенного периода (1945–1991). М., 1997.

вмешательства в сферу финансов. По утверждению неомарксистов, государства, которые ранее защищали себя от внешних потрясений, сегодня превращаются в агентов, передающих национальным экономикам требования мир-экономики с целью адаптации к условиям конкуренции на мировом рынке¹.

Мир-система и мир-экономика оказываются результатом глобализации. В то же время, как подчеркивают неомарксисты, существуют и процессы, противоположные глобализации, – диверсификация экономических, политических, общественных, социокультурных и иных организаций и структур, поиски иных путей развития. Однако радикально-либеральная идеология стремится завуалировать эти процессы. Она внушает людям, что альтернативы глобализации нет, что в основе наблюдающихся на мировой арене жесткой конкуренции, дерегламентации взаимодействий и эгоизма лежит неумолимая экономическая логика. Дальнейшая эволюция мировой системы во многом будет зависеть от политической воли и способности «периферийных» стран и регионов порвать с навязываемой им стратегией развития в сфере как внутренних, так и международных отношений, а также от эффективности сопротивления этой стратегии со стороны трудящихся.

Таким образом, неомарксизм в исследовании закономерностей международных отношений исходит из экономического и социального неравенства в рамках глобальной капиталистической мир-системы, зависимости периферии мирового хозяйства от его центра. Глобализация мир-экономики, сопровождаемая ростом богатств для самых богатых стран и народов, ведет к разрыву социальных связей, неуправляемым демографическим сдвигам и растущей поляризации между богатыми и бедными в мировом масштабе. Существует вероятность того, что по мере развития и обострения этих процессов наиболее обездоленные группы могут скоординировать свои усилия для смягчения их неблагоприятных последствий. Результатом такой координации

---

¹ *Богатуров А.Д.* Кризис миросистемного регулирования // *Международная жизнь*. 1993. № 7.

станет поэтапное строительство иных обществ, иных государственных форм и иного миропорядка¹.

Неомарксисты утверждают, что господствующая в капиталистической мир-системе идеология гиперлиберализма меняет роль национального суверенитета. Роль государства рассматривается, прежде всего, с точки зрения помощи рыночным силам. И, наоборот, оно утрачивает свою роль социальной защиты населения. Перераспределение в пользу бедных регионов рассматривается в рамках указанной идеологии как «протекционистское вмешательство», которое противоречит логике рынка. Поэтому регионы все меньше связывают свои интересы с центром. Усиливаются сепаратистские движения: богатые не хотят делиться с бедными, а бедные считают, что отделение станет наилучшим путем решения их проблем.

Демократизация международных отношений ведет к манипулированию политическим процессом со стороны тех, кто способен его финансировать и кто владеет сложными технологиями манипулирования национальным и международным общественным мнением, к стандартизации и имитации моделей потребления развитых стран. Но одновременно она ведет и к диверсификации. Она расширяет возможности появления новых субъектов международных отношений и выражения ими своих особых интересов, усиливает стремление избежать унификации культуры, может способствовать проявлению желания жить и работать иначе. В длительной перспективе – способствовать диверсификации путей общественного развития².

Иная версия неомарксизма – теория зависимости, в отличие от мир-системной модели основное внимание уделяет современному состоянию мира, в котором экономически менее развитые государства находятся в зависимости от индустриально-информационных стран. Йохан Галтунг, работающий в рамках этого

---

¹ *Капустин Б.Г.* Посткоммунизм как постсовременность // Полис. 2001. № 5.

² *Кулагин В.* Рождение мирового порядка // Международная жизнь. 1996. № 4.

концептуального подхода, отмечает возникновение двойного экономического стандарта в развивающихся странах. Он выражается в дисбалансе их экономик: одни отрасли становятся сверхсовременными, открытыми для внешнего мира, процветающими и конкурентоспособными, а другие остаются почти архаичными. Это влечет за собой социальную и политическую нестабильность мировой системы¹.

Таким образом, основная мысль, которую настойчиво проводит неомарксистское течение, – это мысль о противоречивости таких тенденций международных отношений, как глобализация, рост взаимозависимости и демократизации, изменение роли государственного суверенитета. Их развитие ведет к несправедливому распределению благ и, следовательно, выдвигает объективное требование сознательного управления происходящими процессами как условия обеспечения безопасности.

Критика реализма с позиций либерализма и неомарксизма привела к внесению изменений в его теорию, которая к концу 1970-х годов трансформировалась в неореализм. Государства при этом остались исходными единицами научного анализа. Вместе с тем, они рассматриваются неореалистами не только сами по себе, но и с учетом образуемых ими структур, которые могут находиться в конфликте или сотрудничестве.

Сохраняя основной тезис реализма и отстаивая структурное понимание силы, неореализм не сводит ее к военному компоненту, а включает в нее также экономическую, информационно-коммуникативную, научную, финансовую и производственную составляющие. В нем нашли место и другие, новые для этой парадигмы положения, например, о взаимозависимости, о внутерриториальной сущности нового, гораздо более эффективного, чем прежний, типа власти – власти над идеями, кредитами, технологиями, рынками и др.

Основатель неореализма К. Уолц в конце 70-х годов считал, что для неореализма существуют только две супердержавы

---

¹ Глобальное управление / под ред. проф. А.И. Соловьева. М.: МГУ; ИНФРА-М, 2007.

(США и СССР), соответственно, неореализм – это теория двух государств. Но уже в начале 90-х годов он утверждал, что в ситуации стратегической взаимозависимости поведение государств, их политика объясняются не только внутренними причинами, но и поведением и политикой других государств. Поэтому, если мы хотим понять или попытаться предсказать такое поведение, мы должны учитывать особенности межгосударственной системы, специфику ее структуры¹. Таким образом, К. Уолтс стремился преодолеть то, за что упрекали теорию политического реализма: присущие ей недостатки в методологии исследования международно-политических реалий.

В поисках методологической строгости он приходит к выводу о необходимости системного подхода к их анализу. Определяющая роль при этом отводится понятию структуры, ученый рассматривает ее как распределение возможностей (принуждений и ограничений), которые система придает своим элементам – государствам, а также как функциональную дифференциацию субъектов. Сегодня такое понимание является настолько распространенным, что системная теория международных отношений нередко отождествляется именно с ним.

К заслугам неореализма можно отнести и развитие одной из главных идей международно-политической науки о том, что нескоординированная деятельность суверенных государств, руководствующихся своими интересами, формирует международную систему, главным признаком которой является доминирование ограниченного числа наиболее сильных государств, а ее структура определяет поведение всех международных акторов. Как пишет К. Уолтс, все государства вынуждены нести военные расходы, хотя это неразумная трата ресурсов.

Структура международной системы также навязывает всем странам такую линию поведения в экономической области или в сфере экологии, которая может противоречить их собственным интересам. Структура позволяет понять и предсказать линию

---

¹ *Waltz K.N. The Emerging Structure of International Politics // International Security, 1993. Vol. 18. Autumn. Issue 2.*

поведения на мировой арене государств, обладающих неодинаковым весом в системе международных отношений. Подобно тому, как в экономике состояние рынка определяется влиянием нескольких крупных фирм (формирующих олигополистическую структуру), так и международно-политическая структура определяется влиянием великих держав, конфигурацией соотношения их сил. Сдвиги в соотношении этих сил могут изменить структуру международной системы, но сама природа этой системы, в основе которой лежит существование ограниченного числа великих держав с несовпадающими интересами, остается неизменной¹.

Таким образом, именно состояние структуры международной системы является показателем ее устойчивости и изменчивости, сотрудничества и конфликтности. Именно в ней выражаются законы функционирования и трансформации системы. Вот почему в работах, посвященных исследованию международных систем, первостепенное внимание уделяется анализу состояния данной структуры.

Так, Р. Арон выделял три структурных измерения международных систем: конфигурацию соотношения сил, иерархию акторов, гомогенность или гетерогенность состава². Главным измерением, в полном соответствии с традицией политического реализма, он считал конфигурацию соотношения сил, отражающую существование «центров власти» в международной системе, накладывающей отпечаток на взаимодействие между ее основными элементами – суверенными государствами. Конфигурация соотношения сил зависит, как уже отмечалось, от количества главных акторов и характера отношений между ними. Два основных типа такой конфигурации – биполярность и многополярность.

Иерархия акторов отражает их фактическое неравенство с точки зрения военно-политических, экономических, ресурсных, социокультурных, идеологических и иных возможностей влияния на международную систему.

---

¹ *Walt S.M.* International relations: one world, many theories // Foreign Policy. 1998. Spring.

² *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 27–31.

Гомогенный или гетерогенный характер международной системы выражает степень согласия, имеющегося у акторов относительно тех или иных принципов (например, принципа политической легитимности) или ценностей (например, рыночной экономики, плюралистической демократии). Чем больше такого согласия, тем более гомогенной является система. Чем более она гомогенна, тем больше в ней умеренности и стабильности. В гомогенной системе государства могут быть противниками, но не политическими врагами. Напротив, гетерогенная система, разрываемая ценностным и идеологическим антагонизмом, является хаотичной, нестабильной, конфликтной¹.

Считается, что общей чертой всех международных систем является то, что происходящие в них процессы определяются наиболее мощными государствами и состоянием отношений между ними. Допускается возможность разных типов международных систем и критериев их классификации. Именно политический реализм ввел в оборот такие широко употребляемые понятия, как биполярная, многополярная и имперская международные системы. Как известно, в биполярной системе господствуют два наиболее мощных государства. Если же сопоставимой с ними мощи достигают другие державы, то система трансформируется в многополярную².

В равновесной системе, или системе баланса сил, несколько крупных государств сохраняют примерно одинаковое влияние на ход событий, обуздывая чрезмерные претензии друг друга. Наконец, в международной системе имперского типа господствует единственная сверхдержава, по своей совокупной мощи далеко опережающая все остальные государства (показателями этой мощи являются уровень вооружений, экономический потенциал, запасы природных ресурсов, размеры территории и т.д.).

---

¹ Булл Х. Анархическое сообщество: исследование проблемы порядка в мировой политике // Антология мировой политической мысли. Т. 2. М., 1997.

² Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 189.

Основной проблемой международных отношений неореализм вслед за реализмом признает «дилемму безопасности». Понятие «дилеммы безопасности» первоначально применялось в теории международных отношений для объяснения неблагоприятных альтернатив, связанных с обеспечением безопасности конкурирующих держав в условиях холодной войны. Сущность «дилеммы безопасности» Б. Позен характеризует следующим образом: «Действия по усилению собственной безопасности вызывают реакции, приводящие к меньшей безопасности»¹.

Более обобщенную характеристику «дилеммы безопасности» как порочного круга дал Д. Гирц: «Повсюду, где существует общественная анархия, которая в большинстве периодов человеческой истории имеет место на каком-либо уровне социальности, возникает «дилемма безопасности» индивидов или групп, их лидеров. Группы или индивиды, находящиеся в подобной ситуации, вынуждены заботиться о безопасности и защищать себя от нападения, подчинения или уничтожения со стороны внешних групп и индивидов. Стремление обезопасить себя от внешнего нападения побуждает людей к присвоению большей власти, чтобы избежать власти других. Эти действия, в свою очередь, делают других уязвимыми и побуждают готовиться к худшему. В результате, никто не чувствует себя в абсолютной безопасности в конкурентном мире. Возникает порочный круг накопления безопасности и власти»².

П. Роэ выделяет следующие характерные черты «дилеммы безопасности»:

- неразличимость намерений нападения или защиты сторон;
- склонность участников конфликта допускать худший сценарий развития событий;
- уменьшение неопределенности конфликтной ситуации преимуществами внезапных наступательных действий;

---

¹ *Posen B. The Security Dilemma and Ethnic Conflict // Survival. 1993. Vol. 35 (1). P. 28.*

² *Hartzel C. Explaining the Stability of Negotiated Settlements to Interstate Wars // Journal of Conflict Resolution. 1999. Vol. 43 (1). P. 4.*

- допущение худшего сценария развития событий провоцирует динамику акций и реакций;
- непредсказуемые последствия действий по обеспечению безопасности участников конфликта¹.

Решение «дилеммы безопасности» намечилось с возникновением таких вызовов, как международный терроризм, распространение оружия массового поражения, угроза экологической катастрофы, всемирные эпидемии, демографический взрыв и неконтролируемая миграция. Стало очевидным, что в большинстве случаев суверенные государства не способны решать эти проблемы и защищать свои интересы самостоятельно, индивидуальными усилиями, то есть, опираясь исключительно на внутренние ресурсы².

Было признано, что эффективный ответ на новые вызовы может быть дан только благодаря совместным усилиям большинства государств, а потому они вынуждены вступать во взаимодействие друг с другом. Новая ситуация отразилась в появлении новой значимой категории внешней политики – понятии «общие интересы», для выражения и защиты которых начали формироваться международные институты.

Государства стали заключать межгосударственные мирные соглашения, предусматривающие мониторинг и проверку взаимных действий, санкции международного сообщества в случае их нарушения, и, самое главное, государства стали создавать системы коллективной безопасности.

Изменилось само содержание категории «международная безопасность». Если в период холодной войны международная безопасность отождествлялась с «состоянием международных отношений, при котором создаются условия, необходимые для существования и функционирования государств при обеспечении их полного суверенитета, политической и экономической независимости, возможности отпора военно-политическому нажиму и агрес-

---

¹ *Roe P. Actors Responsibility in Tight, Regular and Lose Security Dilemmas // Security Dialogue. 2001. Vol. 32 (1). P. 103–106.*

² *Богатуров А.Д. Синдром поглощения в международной политике // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4.*

сии, их равноправных отношений с другими государствами»¹, то с начала XXI века международная безопасность стала определяться как «состояние международных отношений, которое обеспечивает жизнедеятельность, сотрудничество и взаимодействие государств и их блоков, союзов, объединений и мирового сообщества в целом в условиях гарантированной защищенности их жизненно важных интересов от различных опасностей»².

Обеспечение международной безопасности предполагает определенную деятельность международных акторов, то есть выступает в качестве политического процесса, и с этой точки зрения может быть охарактеризовано как «политика, способствующая созданию эффективных гарантий мира»³.

Важно отметить, что при всех сохраняющихся проблемах по обеспечению международной безопасности, особенно в военно-политической сфере, был определен основной принцип решения «дилеммы безопасности» – это построение отношений партнерства и институтов сотрудничества для достижения общих интересов и решения общих, глобальных проблем человечества.

Иными словами, алгоритм решения «дилеммы безопасности» на международном уровне заключается в создании соответствующих политических институтов, нормативных комплексов, которые определяют правила политической конкуренции и предписывают общеобязательные способы поведения⁴. Институты регулируют отношения государств и уменьшают неопределенность их политического поведения. Именно институты играют решающую роль в обеспечении стабильного мира в модернизируемом

---

¹ *Косолапов Н.А.* Сила, насилие, безопасность: современная диалектика взаимосвязей // *Мировая экономика и международные отношения.* 1992. № 11. С. 6.

² *Война и мир в терминах и определениях / под ред. Д.О. Рогозина.* М., 2004. С. 21.

³ *Косолапов Н.А.* Сила, насилие, безопасность: современная диалектика взаимосвязей // *Мировая экономика и международные отношения.* 1992. № 11. С. 6.

⁴ *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 18–19.

обществе. Х. Вотерман отмечает, что «войны часто оканчиваются сделкой по поводу политических институтов»¹.

Новые явления в международных взаимодействиях, на которые обратили внимание сторонники либеральной парадигмы, заставили теоретиков неореализма видоизменить свои взгляды и по другим вопросам. Так, Колин Грей говорит об уменьшении значения военной силы, по крайней мере, в решении вопросов, связанных с ядерным оружием. С другой стороны, Барри Бузан² и Джон Миршаймер³ отмечают, что сегодня неореализм должен обратить особое внимание на изучение этнических конфликтов и их влияния на трансформацию международной системы. В свою очередь, М. Бречер настаивает на необходимости анализа роли «периферийных» конфликтов (т.е. находящихся за пределами интересов великих держав)⁴.

В настоящее время неореализм оказался востребованным как политиками, так и исследователями международной безопасности по ряду причин:

- неопределенность современной международной ситуации создает впечатление, что после окончания холодной войны положение в мире стало гораздо опаснее, и что всякое явление, которое нельзя объяснить, представляет собой угрозу, а складывающаяся система международных отношений не уменьшает, а увеличивает объем военных угроз;
- разбалансировка прежних механизмов функционирования международных отношений, разрушение ставшего привычным за полвека существования баланса сил, возникновение на мировой арене новых государств и него-

---

¹ *Waterman H.* Political order and the Settlement of Civil Wars. N.Y., 1993. P. 39.

² *Buzan B.* People, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Second Edition. Colorado: Lynne Rienner Publishers Boulder, 1991.

³ *Mearsheimer J.J.* Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War // *International Security*. 1990. Vol. 15. Summer. Issue 1.

⁴ *Кеохейн Р.О.* Международные отношения: вчера и сегодня // *Политическая наука: новые направления*. М., 1999. С. 54–57.

сударственных участников международного взаимодействия, способных создавать угрозу для других;

- всплеск многообразных и многочисленных конфликтов нового типа, продемонстрировавших пренебрежение принципом верховенства универсальных ценностей при построении нового международного порядка;
- события на Балканах и Кавказе, которые окончательно показали, что декларативные заявления о начале эры партнерства после окончания «холодной войны» не привели к отказу от применения силы при разрешении межгосударственных противоречий;
- нестабильность современных международных отношений, кризис ООН и других международных структур, призванных обеспечивать международную безопасность¹.

В этой ситуации основные положения теории политического реализма (о международной политике как орудии борьбы за власть и силу, о государстве как главном и, по сути, единственном действующем лице этой политики, которое следует принимать во внимание, о несовпадении национальных интересов государств и обусловленной этим неизбежной конфликтности международной среды и другие) оказались весьма востребованными.

Так, США политический неореализм позволяет трактовать международные отношения в соответствии с американскими представлениями о международном порядке как о совокупности совпадающих с национальными интересами Америки либеральных идеалов, которые она призвана продвигать, опираясь, если необходимо, на использование экономической или военной силы. Алисон Дж. Бейлс считает, что самым плодотворным геостратегическим видением после завершения холодной войны, является «признание роли США как единственной сверхдержавы среди прочих стран»².

---

¹ Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003. С. 159–173.

² Ежегодник СИПРИ. 2006: Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: Наука, 2007. С. 5.

В других странах (как, впрочем, и в США) политические элиты привлекает то положение теории политического реализма, в соответствии с которым единственным полномочным и полноправным выразителем национального интереса государства на международной арене является его правительство, обладающее на основе суверенитета монопольным правом представлять внутреннее сообщество, заключать договоры, объявлять войны и т.п.

Отмечая расширение основанной на неореалистических аргументах «практики применения вооруженной силы на основании национальных решений и вне мандата ООН», вице-премьер Правительства РФ С.Б. Иванов приходит к выводу, что Россия «с учетом объективно существующих тенденций в системе международных отношений вынуждена корректировать свое видение роли и места военной политики и военных инструментов»¹.

Проведенный анализ основных парадигм политической науки, формирование которых обусловлено объективными причинами, в частности, изменениями в структуре и характере международных отношений, приводит к выводу о том, что концептуальные подходы к их осмыслению постоянно развиваются, оказывая при этом влияние друг на друга.

---

¹ *Иванов С.* Россия в системе военно-политических отношений в мире. http://www.rvps.ru/r_doc.php?id=83

А.Н. Эгембердиева
магистрант кафедры политологии КРСУ

МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КЫРГЫЗСТАНА: ГЕНЕЗИС И ПЕРСПЕКТИВЫ

Теории политической модернизации – это живое, противоречивое, развивающееся научное знание. Исследование столь сложносоставных обществ, каковыми являются, например, индийское, индонезийское или бразильское, не говоря уже об африканских полициях, предполагает междисциплинарный подход, объединяющий рассмотрение экономики, политики, быта, нравов и цивилизационной модели развития¹.

За четыре последних десятилетия появилось множество концепций политической модернизации и моделей изменений, ведущих к становлению современных демократических политий. Интерес к их разработке как бы накачивал волнами: то обострялся, то падал. Определенные версии теории модернизации оказались непригодными для объяснения реальности. Именно это обстоятельство и потребовало создать новые подходы и к политическому развитию в самом широком смысле, и к политической модернизации как той реальности, которая охватила почти весь мир, во всяком случае, на протяжении прошлого столетия и в начале нынешнего. Наряду с исследованиями последнего времени существуют и более ранние труды, которые останутся фундаментальным источником познания феноменов развития и политической модернизации. Среди них особо выделяются теоретические разработки Уолта Ростоу, схемы которого применяются при рассмотрении без малого всех проблем современности, связанных с развитием².

---

¹ *Кожемякин С.В.* Традиция и современность: цивилизационные основы модернизации традиционных обществ. Бишкек, 2008. С. 97.

² *Мельвиль А.Ю.* Политология. М., 2008. С. 354.

От традиционного к современному состоянию образцово модернизированный Запад двигался долго и неспешно, с начала XIV века, после «сумерек Средневековья», до конца XVIII века, когда процесс роста индустриального способа производства стал необратимым. Эти пять веков вместили в себя многие политически значимые процессы. В частности, развитие общества выразилось в расслоении дотолы слитных общественных отношений, внутри которых постепенно оформились в качестве автономных пространств жизнедеятельности человека экономика, политика, право, культура и религия. Диверсификация не разрушила общество. Напротив, сложилась целостность более высокого порядка, что показало: система, которой имманентна способность к непрерывному самообновлению, является высокочувствительной к инновациям культурного, экономического, технико-технологического и политического порядка. Таким образом, к началу XIX века в большей части Европы сформировались основы индустриального общества. Его базовым действующим субъектом стал человек современный, в поведенческую программу которого вошли суверенные действия, направляемые самостоятельной оценкой ситуации и рациональным учетом собственных интересов¹.

Первый момент только зачинавшейся модернизации состоял в секуляризации. Прежнее положение, когда сакральная вертикаль европейского мироустройства была единой для всех граждан *Respublica Christiana*, что утверждалось католической церковью, сменяется новым, когда отдельные властители вроде английского Генриха VIII (1491–1547), различные секты и стоявшие за ними сообщества и индивиды начали сами брать на себя право интерпретировать смысл Священного Писания и основания политического порядка².

Более продвинутой фазой секуляризации стала рационализация: замещение всемогущего Всевышнего столь же универсальным и всеильным Разумом – источником и венцом всяческого бытия. Секуляризация, обратившаяся рационализацией, дала, та-

---

¹ Мельвиль А.Ю. Политология. М., 2008. С. 355.

² Там же. С. 357.

ким образом, импульс демистификации мироустройства, а с ним и политического порядка.

Разрешение конфликтов между структурами абсолютного государства и «своевольного» гражданского общества начало осуществляться в рамках нового процесса – конституционализации. После того, как нормативный порядок западнохристианской цивилизации распался на части, которые были присвоены каждой чувствующей себя самостоятельной личностью, умножены и переработаны структурами возникших государств и гражданских обществ, общее европейское нормативное наследие воспроизводится заново в виде правового порядка каждой из национальных территориальных политий, а также европейской международной системы. Новый порядок основывается уже не на авторитете Всевышнего и сотворенной им сакральной вертикали власти, а на разумно-прозаических основаниях, которые слагаются из переосмысленных фрагментов цивилизационного наследия¹.

Высокий научный авторитет завоевала теория политической модернизации С. Хантингтона, которая определена им как процесс, включающий:

- 1) рационализацию власти;
- 2) дифференциацию социальных, государственных и гражданских структур;
- 3) повышение уровня политического участия.

По критерию очередности достижения этих целей ученый выделил три модели модернизации. В континентально-европейском модернизационном процессе преобладали рационализация власти и дифференциация структур². Зарождение современного государства сопровождалось ослаблением аристократии, становлением новых социальных групп, ростом и усилением рационализированной бюрократии, появлением армии нового типа.

---

¹ *Кожемякин С.В.* Модернизация и глобализация: судьбы традиционных обществ в современном мире. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2008. С. 78.

² *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Согласно С. Хантингтону, политическая модернизация есть дестабилизирующее явление, потому главная проблема такого процесса – не свобода, а создание легитимного общественного порядка, устойчивость которого становится основной ценностью. Его теорию нередко называют консервативной¹.

Понятие теорий модернизации не означает целостного научного направления: это своеобразная совокупность методологически неоднородных концепций, моделей, логических приемов анализа, цель которых – объяснить природу социально-политического развития, избегая упрощенных представлений о безальтернативности и линейности индустриально-капиталистического прогресса, выявить причины отклонения развития переходных обществ от якобы эталонных путей, разработанных в эпоху Просвещения и проторенных промышленными революциями.

В течение 1990-х годов происходил настойчивый поиск Кыргызстаном собственной модели развития. Однако, все более усиливающееся давление стран-доноров при растущем сопротивлении либерально-демократическим новациям со стороны традиционно-общества породили в Кыргызстане странный тип государства переходного типа, внешне отвечающего всем демократическим стандартам, которые, тем не менее, совершенно не работают в повседневной жизни. Сверх массива традиционного общества были наложены элементы современности, абсолютно не изменившие при этом его сути. Такое развитие событий привело к внутреннему конфликту между целями и средствами модернизации общества. Следовательно, изначально обладая региональным лидерством демократических преобразований, Кыргызская Республика отличалась совсем немногим от своих ближайших соседей. Можно констатировать, что причиной провала демократических реформ в Кыргызстане являлась слабость управленческого механизма и самого сформировавшегося в нем государства.

Поэтому в политической сфере Кыргызстана происходил постепенный переход от президентско-премьерской к суперпрези-

---

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 68.

дентской республике, а в экономической сфере формировалось то, что получило название «семейного» или «родственного» капитализма. Социальный же сектор, подвергаясь растущему давлению рынка, стремительно деградировал, порождая ужасающие диспропорции между различными слоями населения.

Таким образом, политические процессы в Кыргызстане с середины 1990-х годов стали характеризоваться контрмодернистскими тенденциями.

Контрмодернизационная политика привела к развитию клановой, семейной системы и авторитарным методам управления страной, появлению не реагирующей на нужды народа политической элиты, занятой только своим личным обогащением. Стагнация экономики, нищета основной массы населения, коррупция и произвол чиновников и полнейшая безысходность – все это создало объективные предпосылки для народных волнений.

Итогом непродуманной политики модернизации стала ликвидация пятнадцатилетнего режима А. Акаева и К. Бакиева, так как лимит народного доверия и поддержка были исчерпаны. Впервые в регионе произошла смена власти. Кыргызстану представился новый шанс для повторения экономического чуда Японии или Тайваня и создания демократического общества. Страна получила мощный толчок для «застрявшей машины» политического транзита, для консолидации демократии (хотя это еще не означает гарантированный успех).

Сегодня мы имеем возможность с высоты двадцатилетнего опыта самостоятельного развития Кыргызстана подытожить результаты попыток перехода к демократии, использовавшихся способов и механизмов для достижения этой цели, а также проследить тенденции социально-политического развития кыргызстанского общества на ближайшую перспективу. Будущее Кыргызской Республики как стабильного и самостоятельного государства, полноправного члена международной политики в полной мере зависит от успехов процессов политической модернизации.

Политическая модернизация в Кыргызстане нагальживается на целый ряд объективных трудностей и противоречий, во многом

обусловленных советским прошлым (отсутствие демократических традиций, авторитарное мышление на уровне политических элит), а так же негативными явлениями, которые сопровождают модернизационные процессы (коррупция, клановая борьба политических элит, трайбализм, слабость государственных институтов).

Наиболее эффективным «лекарством», способным, по нашему мнению, «вылечить» и обеспечить внутреннюю целостность общества, выглядит умение со стороны правящей верхушки управлять процессом политической модернизации. В соответствии с этим должны быть четко определены конечные цели и средства их достижения. Главной задачей политической модернизации Кыргызстана на современном этапе должно стать создание современного демократического государства и гражданского сектора, действующих на основе ценностей рационализма. Одновременно с этим могут быть решены и другие стратегические задачи, не менее значимые. Сильный гражданский сектор позволит создать современные механизмы рекрутирования политической элиты, способной выражать не только клановые, но и общенациональные интересы. Это позволит, наконец, устранить со сцены «политические кланы», до сих пор господствующие в стране и являющиеся главным препятствием в построении подлинно демократического общества. При его активной роли становится возможным преодолеть усиливающееся отчуждение рядовых граждан от государства, приводящее к социальной апатии и негативному восприятию перемен. Излишне говорить о том, насколько решение этих задач важно для современного Кыргызстана, колеблющегося между демократией и этнократическим авторитаризмом в его наихудших проявлениях.

Наряду с этим, мы видим, что переход к демократии может осуществляться не только посредством «либеральной диктатуры», но и иными методами. Особое внимание привлекает западноевропейская, социально-ориентированная модель демократизации (СОМД), предполагающая активную роль государства. Она должна сменить внедряемую Западом радикально-либеральную демократизацию по англо-американскому образцу, продвижение

которой в неподготовленных обществах ведет к их физической гибели. Для Кыргызстана СОМД может быть выражена одной из форм управляемой демократии как адаптированной к историко-культурному ландшафту, «смягченной» и растянутой во времени эволюционной версии массовой демократизации страны¹.

Прежний опыт показал, что попытка быстрого внедрения посредством административной модернизации либеральных ценностей, заведомо чуждых Кыргызстану, породила непреодолимый внутренний конфликт между целями и средствами, в котором победили стереотипы традиционного общества.

Таким образом, политическая культура Кыргызстана базируется на этнических примордиальных принципах. Родоплеменные отношения, помогавшие на протяжении веков выживать в самые трудные для кыргызского народа времена и закрепившиеся в традициях и обычаях, продолжают влиять на экономику и политику Кыргызстана, но уже в негативном аспекте. Мобилизация населения происходит через семейно-клановые структуры.

Отсутствуют партии с жестким идеологическим стержнем. В свою очередь, отсутствие действенной идеологической оппозиции, превращение выборов в механизм легализации правящей элиты обусловило значительное усиление влияния президентской власти и падение политической роли парламента, что, в свою очередь, стало фактором политической нестабильности в стране, и на фоне острого социально-экономического кризиса привело к неконституционным сменам власти: в марте 2005 и апреле 2010 годов.

Оценивая сегодняшнюю действительность, необходимо признать, что Кыргызстан находится лишь в начале тяжелого и непростого пути адаптации в мировом сообществе. Шаги, сделанные в этом направлении, подтверждают оправданность широкомасштабной комплексной модернизации, ибо только она открывает сколько-нибудь приемлемую перспективу. История экономиче-

---

¹ *Омаров Н.* Политическая модернизация Кыргызстана: желаемое и действительное. Что делать? <http://www.znanie.podelise.ru/docs/92016/index-260.html>

ски развитых стран Востока и Запада показывает, что они пришли к процветанию разными путями, избрав для этого сложный и длительный процесс модернизации. Кем-то была использована идея общины, кто-то шел к этому через понятие индивидуального успеха. Несмотря на единую цель, все они выбирали стратегии, учитывающие специфические особенности их развития.

Данный вывод возвращает нас к заключению, что успех модернизационного проекта, реализуемого в Кыргызстане, может быть достигнут лишь посредством созидательного использования имеющихся позитивных традиций – коллективизма, нравственных начал общества и традиционных религий. Способность творчески применить их к изменяющейся реальности определяет возможности выживания и успешной самоидентификации страны в условиях глобализации, динамично «поглощающей идентичности». Только если Кыргызстану удастся успешно решить эту судьбоносную задачу, станет возможной реализация главного стратегического приоритета – успешно интегрироваться не в абстрактное мировое сообщество, но в сообщество развитых стран мира, действующих на основе ценностей рационализма.

В заключение, можно выделить несколько моментов.

Во-первых, модернизационные процессы в Кыргызской Республике в конечном итоге привели к усилению в системе органов государственной власти традиционалистских отношений и этнокультурной ориентации. Результатом стала острая политическая нестабильность, вызванная политическим оппонированием в форме жестких конфликтов и противоречий на уровне субэтнических общностей, отсутствие представительства интересов многонационального населения. Поэтому полиэтничность и субэтническая разделенность кыргызстанского общества должна использоваться в качестве одного из факторов, побуждающих к развитию демократических процессов в стране.

Во-вторых, превратить институты традиционного общества (в частности, курултай) в органы мониторинга работы ветвей власти, но при добровольной и постоянной основе созыва курултая, предложить механизм учета высказываемых альтернатив при

принятии государственных решений. Легализация же данного института может привести к его бюрократизации и формализации без содержательного наполнения.

В-третьих, определить четкую цель развития. В этом отношении уже сделаны первые шаги руководством страны: президент КР предложил проект Стратегии устойчивого развития страны на 2013–2017 годы¹, где заявлена цель построения к 2017 году динамично развивающегося Кыргызстана, являющегося узловым транспортным центром и региональным центром туризма.

Кыргызстан, с обретением независимости, предпринял попытку осуществить тройной транзит, заключающийся в политической демократизации, построении рыночной экономики, а также в государственном строительстве. Однако, итогом двадцатилетних преобразований явились такие негативные явления, как разрастание социально-экономического кризиса, ограничение демократических свобод, установление авторитарного режима. Стремление сформировать одновременно демократическую политическую систему и рыночную экономику неизбежно приводит к внутреннему конфликту, осложняющему посткоммунистический переход.

Учет всех этих выводов при осуществлении политической модернизации позволит избежать противоречий и кризисов, с которыми сталкивается КР с момента суверенного развития.

---

¹ Стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013–2017 г. <http://www.gov.kg>.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
Сборник статей

Редактор *В.Ю. Коваленко*
Компьютерная верстка *А. Малдыбаева*

Подписано в печать 15.11.2014
Формат 60×84^{1/16}. Печать офсетная.
Объем 19,75 п. л. Тираж 100 экз. Заказ 66

Издательство КРСУ
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Горького, 2